

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Российский национальный исследовательский
медицинский университет им. Н.И. Пирогова»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

На правах рукописи

Горбачева Анаит Санасаровна

**«Макро- и микропараметры деструктивности коммуникативного поведения
молодежи в цифровой социальной среде»**

Специальность: 5.3.5 – Социальная психология, экономическая и политическая
психология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель
доктор психологических наук,
профессор В.Б. Никишина

Москва 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ	24
1.1. Трансформация коммуникативного поведения молодежи в условиях перехода в цифровое социальное пространство	24
1.2. Сравнительно-феноменологический анализ коммуникативного поведения в опосредованной техническими средствами реальности (цифровой социальной реальности) и не опосредованной техническими средствами реальности (нецифровой социальной среде)	33
1.3. Критериально-сравнительный анализ проявлений деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде и нецифровой социальной среде	57
1.4. Концептуальное моделирование проблемы макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде.....	67
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ	80
2.1 Организация и методы исследования	80
2.2 Особенности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде	86
2.3 Макропараметры коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде	97
2.4 Микропараметры деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде	104
2.5 Структурная организация деструктивных сообщений молодежи в цифровой социальной среде	121
2.6 Обсуждение результатов	131

ГЛАВА 3. РАЗРАБОТКА ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА МОНИТОРИНГА И АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ДЕСТРУКТИВНОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ	135
3.1 Моделирование программного комплекса мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде	135
3.2 Организационно-технические характеристики и процедура использования программного комплекса мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде ...	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	150
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	151
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	177
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	178
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	179
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	180
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.....	185
ПРИЛОЖЕНИЕ 6.....	186
ПРИЛОЖЕНИЕ 7.....	187
ПРИЛОЖЕНИЕ 8.....	188
ПРИЛОЖЕНИЕ 9.....	189
ПРИЛОЖЕНИЕ 10.....	190

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования: Фиксируя значительные изменения в качественных и количественных характеристиках коммуникативного поведения в социальном пространстве, опосредованном техническими средствами (цифровой социальной реальности), очевидно необходима достоверная и систематическая научная аргументация изменений и трансформаций, происходящих в коммуникации под влиянием технологических перестроек. Социальная значимость проблемы исследования определяется масштабом прироста и охвата наиболее активной и уязвимой аудитории сети Интернет (подростки и молодежь), фактически смещением активности коммуникативного поведения данной возрастной категории из нецифровой социальной реальности в цифровую социальную среду.

Констатируем несколько существенных тенденций актуальности проблемы исследования. Первая тенденция заключается в возрастании исследовательского интереса к изучению феномена коммуникативного поведения в цифровой социальной среде. Объект исследования, имея междисциплинарный статус, изучается такими науками, как социальная психология, лингвистика, педагогика. С 2015 по 2025 гг. фиксируется возрастание публикационной активности в изучении коммуникативного поведения в социальных сетях как социально-психологического феномена. По запросам в международной наукометрической базе Lens, связанным с изучением коммуникативного поведения в социальных сетях («communicative behavior social networks», «communicative behavior in a digital environment») фиксируется более, чем четырехкратное возрастание количества научных публикаций по всем отмеченным отраслям научного знания.

Следующей тенденцией актуальности является отсутствие целостного представления о параметрах и маркерах деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве. Наибольший массив публикаций в профессионально-информационных базах сосредоточен на изучении конкретных форм деструктивного коммуникативного поведения

в цифровой социальной реальности как самостоятельных феноменов (кибербуллинг, троллинг, хейт-спич и др.). При этом, параметры деструктивности коммуникативного поведения описываются отдельно для каждого феномена (R.M. Kowalski, G.W. Giumetti et al., 2014, 2017; R. Slonje, P.K. Smith, A. Frisé, 2013; C. Hardaker, 2010; A. Schmidt, M. Wiegand, 2017; Е.Б. Пучкова, Е.А. Сорокоумова 2024; Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, К.Р. Калинин, 2022; Е.И. Рассказова, Г.У. Солдатова, 2023; Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, Е.И. Рассказова, 2020) [184, 155, 208, 170, 206, 103, 116, 115, 118].

Третья тенденция актуальности проблемы исследования обусловлена невозможностью прямого переноса изученных закономерностей и параметров коммуникации, а также методов исследования данного феномена из нецифровой среды в цифровую социальную реальность. При этом, описание и анализ коммуникативного поведения в цифровой социальной среде осуществляется аналогично коммуникативному поведению в нецифровой социальной среде (D. Boyd, 2007, 2014; A.E. Marwick, D. Boyd, 2011; R. Ling, 2002, 2012; T. Gillespie, 2014; T. Bucher, 2018; П.А. Кисляков, Е.А. Шмелева, 2023; О.А. Гримов, 2019; А.Н. Воронин, 2019; О.М. Литвишко, 2022) [151, 152, 192, 189, 190, 168, 154, 57, 38, 25, 73]. В современных условиях изучение коммуникативного поведения в цифровом социальном пространстве осуществляется посредством анализа продуктов коммуникационного обмена в социальных сетях (тексты и сообщения) с выделением рационально-логического и эмоционально-аффективного уровней текстовых сообщений для выявления разнообразных психологических свойств и состояний человека (А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, 2022, 2024) [48, 49]. Также разрабатываются автоматизированные технологии и методы изучения коммуникативного поведения в цифровой социальной среде (А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, 2022, 2024) [48, 49].

Большинство исследований коммуникативного поведения в цифровой социальной среде сосредоточены на изучении влияния социальных сетей на поведение пользователей через их мотивацию, ценности, установки и

межличностные отношения, на изучении роли социальных сетей в формировании зависимостей и психологических проблем (D.J. Kuss, M.D. Griffiths, 2017; P.M. Valkenburg, J. Peter, A.P. Schouten, 2006; S. Eggermont, L. Vandenbosch, 2022; C. S. Andreassen, 2016; C. S. Andreassen, M.D. Griffiths, 2017; J.M. Twenge et al., 2018; L. Nassen et al., 2024; P.M. Шамяонов, Н.В. Суздальцев, 2022, 2023; П.А. Кисляков, Е.А. Шмелева, 2021) [186, 218, 158, 147, 148, 216, 166, 134, 135, 58]. Исследования А.Е. Войскунского (1986, 1991), О.И. Лутовиной (2008, 2015), Z. Papacharissi (2011), В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш (2017, 2020, 2023), Т.Д. Марцинковской (2025) [126, 20, 76, 77, 142, 89, 90, 91, 84] направлены на изучение мотивации, специфики и трансформации деятельности и общения детей и молодежи в сети Интернет. Работы S. Hinduja, J.W. Patchin (2008, 2010, 2012), R.M. Kowalski, G.W. Giumetti, A.N. Schroeder, M.R. Lattanner (2014, 2017), R. Slonje, P.K. Smith, A. Frisén, (2013), Е.Б. Пучковой, Е.А. Сорокоумовой (2024), Г.У. Солдатовой, Е.И. Рассказова (2014, 2020), Г.У. Солдатова, С.Н. Илюхина (2023), Г.У. Солдатова, С.И. Чигарева (2022), П.Н. Демина (2022), М.Е. Поздняковой (2023), О.В. Полоскиной (2023) [173, 174, 175, 184, 155, 208, 103, 117, 118, 114, 116, 40, 98, 100], сфокусированы на вопросах цифровой социализации, изучении кибербуллинга и онлайн-агрессии, а также фиксируют юношеский возраст, как группу риска в контексте деструктивного коммуникативного поведения в цифровом социальном пространстве.

Социальный запрос, реализованный на уровне нормативно-правовых актов (Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2026 N 1030-р «Об утверждении комплекса мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2026 – 2030 годы») предполагает разработку подходов и технологий выявления деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде с целью мониторинга активности молодежи в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Степень разработанности проблемы. Период изучения процесса общения с использованием компьютеров как объекта исследовательского интереса охватывает 55 лет – с 1970 – 1980-х годов XX века. Первые экспериментальные работы посвящены изучению особенностей человеческой деятельности, опосредствованной применением локальных и глобальных компьютерных сетей (О.К. Тихомиров, Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, 1986; А.Е. Войскунский, 1991; А.В. Беляева, М. Коул, 1991) [126, 20, 9], исследованию коммуникативных практик с использованием компьютерных сетей (J. Schement, L. Lievrouw, 1987; S.R. Hiltz, 1993) [205, 171], а также изучению общения в первых системах компьютерных конференций (M.C.J. Elton, W.A. Lucas, D.W. Conrath, 1971; S.R. Hiltz, M. Turoff, 1993) [165, 171]. Данные исследования легли в основу ключевых теоретических положений: согласно теории социального присутствия технологические ограничения снижают уровень социального присутствия, что, в свою очередь, ведет к деперсонализации и уменьшению эффективности взаимодействия (J. Short, E. Williams, B. Christie, 1976) [207]; теория социального влияния предполагает, что отсутствие достаточного количества социальных сигналов не позволяет эффективно передавать социальные нормы и оказывать влияние, что снижает конформность и повышает девиантность (R.S. Baron, D. Byrne, 1977) [149]; модель опосредованной коммуникации предполагает, что в долгосрочной перспективе люди способны формировать сильные персонализированные отношения в цифровой реальности (J. Walther, 1992) [219].

Общение как социально-психологический феномен в классических научных работах рассматривается как специфический вид психологической активности, порождающий качественные изменения в когнитивной сфере (формирование образов, впечатлений, понятий, представлений, интерпретаций, эталонов, стереотипов и пр.), эмоциональной сфере личности (чувства, состояния и т. д.), в области ее отношений и взаимоотношений, в формах поведения и способах обращения к другим людям посредством обмена информацией, взаимовлиянием партнеров друг на друга, обмена ролями,

самоутверждения и образования партнерами новой системы, в которой происходит обмен их личностными содержаниями. Межличностное общение, которое осуществляется посредством речевого и неречевого воздействия, обеспечивает определенные взаимоотношения между участниками общения. Обмениваясь сообщениями, собеседники приспособляют их к конкретной ситуации общения, реструктурируя и перерабатывая содержание полученной информации в зависимости от возникающей оценки самих себя, друг друга, окружающей обстановки (В.А. Лабунская, 2014; В.Н. Куницына, 1991; Е.Л. Доценко, 2000) [66, 63, 42].

Цифровая социальная среда, по мнению А.Л. Журавлева (2024) [49], отражает не только психологические характеристики пользователей (субъектов), но и их действий, связей и отношений в процессе опосредованного техническими средствами взаимодействия, а цифровое социальное пространство представляет собой не обособленную сферу жизни, в которой проявляет себя личность, а гибридную, взаимодополняющую среду, интегрирующую цифровые и нецифровые аспекты социальной жизни (М.С. Гусельцева, 2019; А.В. Дроздова, 2018; Н.С. Полева, 2019) [39, 43, 99], влияя на когнитивное развитие, самореализацию, коммуникацию людей (Т.Д. Марцинковская, 2022) [83].

С конца XX – начала XXI века по настоящее время тема коммуникации в цифровой социальной реальности активно изучается как отечественными, так и зарубежными авторами, начинается систематическое изучение психологии цифровой коммуникации, с опорой на исследования трансформации привычных форм социального взаимодействия под влиянием новых технологий (А.Е. Войскунский, 1986, 1991; В. Фриндте, Т. Келер, 2000; D. Boyd, N.B. Ellison, 2007; J. Burgess, A. Marwick, 2018; J.B. Walther, 2007; A.N. Joinson, 2001; J.W. Treem, P.M. Leonardi, 2013; А.Е. Жичкина, Е.П. Белинская, 2000, А.Е. Жичкина, 2019, J. Gackenbach, 2007) [20, 126, 129, 151, 213, 220, 177, 214, 7, 47, 203]. Сообщения в социальных сетях рассматриваются как отражение поведения пользователей в различных ситуациях в нецифровой

реальности (A.C.E.S. Lima, L.N. Castro, 2016) [188], проводятся исследования в области лингвосемантических особенностей онлайн-коммуникации (J. W. Pennebaker, 2003, В.Б. Никишина и др., 2017; Т.В. Егорова, 2019; О.М. Литвишко, 2022) [199, 89, 45, 73,], лингвокультурологии виртуального дискурса и языка интернета (N.K. Baym, 2000; С. Hine, 2020; О.В. Лутовинова, 2008, 2013) [150, 176, 76, 78, 79], изучения психологических явлений посредством анализа «цифровых следов» (текстов, сообщений, информационных релизов и т.д.), представленных в интернет-пространстве (А.Л. Журавлев, Д.А. Китова 2022, 2024) [48, 49]. Изучается цифровая социализация детей и молодежи, кибербезопасность, цифровая компетентность, влияние цифровой среды на когнитивное развитие (Е. П. Белинская, З. Д. Шаехов, 2023; А. А. Бочавер и др., 2019; А. И. Лучинкина, Т. В. Юдеева, Л. В. Жихарева и др., 2024; В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, 2023; Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, 2014, 2020, Е. А. Сорокоумова, Е. Б. Пучкова, Л. И. Темнова, 2022; О. А. Карабанова, О. А. Тихомандрицкая, С. В. Молчанов, 2024; Е.И. Чердымова, 2024; A.N. Joinson, 2007;) [8, 15, 82, 90, 117, 118, 120, 125, 132, 177], психологическое благополучие и психическое здоровье (Т. Д. Марцинковская, 2022; K. Kircaburun at al., 2019, 2020; D. J. Kuss, M. D. Griffiths, 2017, 2019; S. Eggermont, 2022; A. Rousseau, S. Eggermont 2019) [83, 179, 180, 186, 193, 158, 204], исследуется самопрезентация и идентичность в условиях цифрового социального пространства, социальные аспекты интернет-коммуникации (J.B. Walther, 2007; A.E. Marwick, D. Boyd, 2011; А.Е. Жичкина, Е.П. Белинская, 2000; Z. Papacharissi, 2011; А.В. Толоконникова 2020, Т.Д. Марцинковская, 2025; P. Bou-Franch, 2018) [220, 192, 46, 142, 127, 84, 146].

В последние десятилетия накоплен значительный эмпирический опыт и экспериментальные данные по изучению деструктивного поведения в цифровой социальной среде, позволяющие анализировать и выявлять основные факторы, способствующие формированию и проявлению деструктивных форм общения в цифровом пространстве. Согласно исследованиям, пользователи молодого возраста не отделяют цифровое и

нецифровое пространства друг от друга, считая цифровую среду продолжением нецифровой (Т.Д. Марцинковская, 2022) [83], в следствие чего возникает опасность переноса и реализации деструктивных форм коммуникативного поведения молодежи из цифровой социальной среды в нецифровую реальность. Д. Сулер описал эффект онлайн-дезингибиции и выделил шесть факторов, способствующих расторможенности в сети и, как следствие, ослаблению психологических барьеров (J. Suler, 2004) [210]. Ряд авторов S. Hinduja, J.W. Patchin, 2008, 2010, 2012; Е.М. Лажинцева, А. А. Бочавер, 2015; А.А. Бочавер, К.Д. Хломов, 2014, 2019; Г.У. Солдатова, С. В. Чигарькова, К.Р. Калинина, 2022; Е.И. Рассказова, Г.У. Солдатова, 2023; Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, Е.И. Рассказова, 2020; А.И. Лучинкина, 2018; А. И. Лучинкина, Л. В. Жихарева, 2022; Е.Б. Пучкова, Е.А. Сорокоумова, 2022, 2024) [174, 173, 175, 67, 16, 131, 116, 115, 118, 80, 81, 120, 103], изучают отдельные формы деструктивного поведения в цифровой социальной среде, такие как кибербуллинг, троллинг, хейт-спич, распространение деструктивного контента.

Однако, несмотря на значительный прирост научных публикаций по изучаемой проблематике, можем констатировать отсутствие целостного представления о проявлениях и параметрах деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве. С одной стороны, это приводит нас к необходимости выявления параметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде, с другой стороны, к необходимости разработки методического обеспечения, позволяющего определять вероятность деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровом пространстве.

Цель исследования: изучение макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде.

Объект исследования: коммуникативное поведение молодежи в

цифровой социальной среде.

Предмет исследования: макропараметры и микропараметры деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде.

Основная гипотеза исследования:

Деструктивность коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде содержательно и структурно проявляется в макропараметрах, как социально-психологических индикаторах обратной связи, отражающих общие тенденции коммуникативной активности, и микропараметрах, как структурно-содержательных индикаторах обратной связи в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде.

Рабочие гипотезы исследования:

1. Коммуникативное поведение молодежи в цифровом социальном пространстве сконцентрировано преимущественно в социальных сетях и мессенджерах, измеряется длительностью пребывания в цифровой среде и имеет свою качественную структуру, а также влияет на субъективную оценку пользователями уровня своей коммуникации в цифровой социальной среде.

2. Коммуникативное поведение молодежи в цифровой социальной среде на уровне макропараметров характеризуется преобладанием пассивной позиции участников коммуникации, реализующейся посредством просмотров постов, лайков, репостов, в сравнении с активной коммуникацией, реализующейся посредством публикации постов, комментариев, ответов на комментарии. Макропараметры коммуникативного поведения могут свидетельствовать о его деструктивности только в сочетании с микропараметрами коммуникативного поведения в цифровой среде.

3. Деструктивность коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде на уровне микропараметров характеризуется преобладанием сообщений с конфронтационными коммуникативными стратегиями и отрицательной модальностью, сокращением длины речевого сообщения, а

также лингвистической (количественным и долевым соотношением частей речи) и семантической (увеличение доли общенной лексики) составляющей.

4. Структура деструктивных сообщений молодежи в цифровой социальной среде характеризуется наличием агрессивных форм речевых единиц, взаимосвязью между лингвистическими и семантическими параметрами речевых сообщений и наличием в них признаков деструктивности.

Задачи исследования:

Теоретические:

1. Теоретико-методологический анализ и концептуальное моделирование проблемы исследования макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве;

Методические:

2. Разработать инструментально-методическую базу эмпирического исследования макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде;

Эмпирические:

3. Изучить особенности коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве.

4. Изучить макропараметры коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве.

5. Изучить микропараметры деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве.

6. Изучить структурную организацию деструктивных сообщений молодежи в цифровой социальной среде.

Практические:

7. Разработать программный комплекс мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде для решения

задач периодического мониторинга и оценки риска деструктивности коммуникативного поведения в цифровом пространстве.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования являются: положения комплексного подхода Б.Г. Ананьева [2]; теоретические подходы к изучению общения в отечественной психологии (В.Н. Куница, В.А. Лабунская, Г.М. Андреева) [63, 66, 3, 4]; исследования в области социальной психологии личности (Е.В. Шорохова, Т.Д. Марцинковская, О.А. Тихомандрицкая, Е.П. Белинская, Н.Л. Иванова, Р.М. Шамянов, Е.В. Рягузова) [138, 83, 84, 125, 7, 8, 51, 134, 135, 105]; теоретические подходы к исследованиям в области коммуникации в цифровой среде (А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, Л.М. Попов, Г.У. Солдатова) [48, 49, 89, 90, 91, 101, 114, 115, 119]; исследования в области социальной психологии (К.Ф. Седов, И.А. Стернин, М.Б. Бергельсон, Л.И. Витгенштейн) [108, 109, 124, 10, 19].

Коммуникативное поведение, по определению К.Ф. Седова [108], представляет собой устойчивую совокупность вербальных и невербальных актов, являющихся целостным многоуровневым образованием, отражающим не только индивидуально-психологические особенности субъекта коммуникации, но и усвоенные в ходе социализации культурные коды, нормы и ценности. При этом, общая картина коммуникационного взаимодействия, согласно положениям теории о трех функциях сообщений, складывается из взаимодействия информации, эмоций и ролей (М.Б. Бергельсон) [10]. Подчеркивая взаимосвязь между языком как средством общения, общением в целом, а также контекстом его реализации, Л. Витгенштейн указывал на то, что значение слова не является абстрактным понятием, а определяется его использованием в конкретной ситуации [19].

Согласно положениям комплексного подхода Б.Г. Ананьева (1980) [2], коммуникативное поведение в цифровой социальной среде как социально-психологический феномен, характеризуется междисциплинарным статусом: изучение данного феномена осуществляется с использованием

социологических, психолингвистических методов и технологий, а также автоматизированных компьютеризированных систем для анализа психологического содержания. Каждый пользователь цифровой среды в процессе коммуникации воспринимает, обрабатывает, хранит, воспроизводит и передает информацию, опосредованную его индивидуально-психологическими особенностями (А.Л. Журавлев, 2022) [48].

Методы исследования:

Для решения поставленных в исследовании задач использован комплекс теоретических и эмпирических методов.

Теоретическими методами выступили библиометрический анализ, сравнительно-феноменологический анализ, критериально-сравнительный анализ, концептуальное моделирование. Эмпирическими методами исследования являются анкетирование, психодиагностическая методика «Тест-опросник коммуникативных умений Л. Михельсона», контент-анализ, метод функциональной прагматики, метод критического дискурс-анализа.

Методами количественной обработки данных выступили методы сравнительной статистики (U-критерий Манна-Уитни), методы корреляционной статистики (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), методы многомерной статистики (регрессионный логистический анализ).

Характеристика выборки:

Выборка исследования формировалась исходя из логики и содержания поставленных в исследовании задач.

Изучение особенностей коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве проводилось в два этапа с общей выборкой 537 человек. На первом этапе в исследовании приняли участие 318 человек: 156 учащихся средних общеобразовательных школ (35 юношей и 121 девушка) в возрасте 16–17 лет и 162 студента высших учебных заведений (18 юношей и 144 девушки) от 17 до 22 лет. На втором этапе участниками исследования являлись 219 человек: 37 юношей и 182 девушки в возрасте от 17 до 22 лет. В соответствии с общепопуляционной тенденцией, в

исследовательской выборке преобладающее большинство составляют девушки. Дифференциация выборки на исследовательские группы по полу не осуществлялась. Выборка формировалась на основании метода условной рандомизации.

Исследование макропараметров коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде проводилось на базе социальной сети ВКонтакте в большом открытом сообществе, что подтверждается количеством участников исследуемого сообщества – 23800 пользователей, являющихся студентами высших учебных заведений.

Изучение микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде осуществлялось в информационном пространстве на базе социальной сети ВКонтакте в большой группе с 23800 участниками и на базе мессенджера Telegram¹ в открытых группах, с количеством участников – 184 пользователя. Участниками исследуемых групп являлись ученики общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений.

Изучение структурной организации деструктивных сообщений молодежи в цифровом социальном пространстве осуществлялось в мессенджере Telegram в группах, участниками которых являлись 184 пользователя: ученики общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений.

Поскольку исследование осуществлялось в цифровом социальном пространстве, характеризующемся анонимностью пользователей (использование псевдонимов, аватаров, отсутствие достоверных персональных сведений в профилях), точная верификация персональных данных (пол, возраст) участников исследования была невозможна. В связи с этим выбор чатов и сообществ производился на основе косвенных признаков:

¹ Telegram не запрещен на территории РФ. Доступ к нему может быть технически ограничен (замедление, блокировка отдельных провайдеров). Законодательство РФ не предусматривает ответственности для пользователей за использование мессенджера или цитирование информации из него. Ресурс действует на территории РФ на основании ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ

тематической направленности обсуждений (школьная жизнь, учебный процесс, интересы, характерные для молодежной аудитории), а также добровольного раскрытия участниками сведений о себе (возраст, пол, класс обучения, наименование вуза) в ходе коммуникации, что позволило установить, что участниками исследуемых чатов и сообществ являлись ученики общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений.

Эмпирическая база исследования:

Эмпирическая база исследования формировалась в соответствии с поставленными в исследовании эмпирическими задачами.

Изучение особенностей коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях осуществлялось на выборке, совокупно составившей 537 человек, непосредственно принимавших участие в исследовании.

Исследование макропараметров и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве проводилось в информационной среде (социальная сеть ВКонтакте и мессенджер Telegram). Эмпирической базой исследования на данном этапе являлись 98 постов, 663 комментариев, 998 ответов на комментарии в открытой большой группе с 23800 аккаунтами пользователей в социальной сети ВКонтакте и 15612 сообщений в чатах мессенджера Telegram.

Решение задачи изучения структурной организации деструктивных сообщений молодежи в социальных сетях осуществлялось на базе мессенджера Telegram. Единицей анализа выступили 10016 речевых сообщений в чатах, участниками которых являлись ученики общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений

Достоверность и надежность результатов и положений, выносимых на защиту, обеспечены методологическим и теоретическим обоснованием, репрезентативностью выборки, комплексным подходом к подбору методов и методик, соответствующих теме исследования, корректным использованием статистических инструментов для обработки и анализа полученных данных с использованием специализированного программного обеспечения

математической статистики STATISTICA 12.5.192.5 (TIBCO Software Inc., США) и JASP v. 0.16.2 (University of Amsterdam, The Netherlands).

Научная новизна исследования.

Коммуникативное поведение молодежи в цифровой социальной среде впервые исследовалось в структурно-содержательной логике, где анализировались макропараметры (просмотр поста/сообщения, комментарий/ответ на комментарий, репост, лайк) и микропараметры (длина сообщения, модальность, коммуникативные стратегии, тематика сообщений, семантические и лингвистические параметры) коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве. Установлено, что в качестве предикторов и маркеров деструктивности коммуникативного поведения в цифровой среде выступают вербальные средства коммуникации (речевые проявления, рассматриваемые в лингвистических средствах реализации коммуникативного поведения, их семантическом значении, а также невербальных средствах коммуникации через образные элементы (эмодзи, лайки, репосты, дизлайки и др.). Деструктивное содержание используемых средств коммуникативного поведения в цифровой социальной среде определяется изменением как лингвистической структуры, так и семантического содержания: сокращением структуры сообщений, использованием в качестве вербальных средств коммуникации в цифровой социальной среде лингвистических единиц, характеризующихся минимальным или полным отсутствием смыслового содержания.

В работе впервые уточнены структурные компоненты и специфические особенности коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве, которые определяются продолжительностью пребывания в сети Интернет, предпочитаемым выбором локации для коммуникации, среднесуточным временем нахождения в социальных сетях и мессенджерах. Выявлены общие и специфические закономерности динамических характеристик коммуникативного поведения через показатели длительности пребывания в цифровой социальной среде (по показателям экранного времени

в различных категориях мессенджеров и социальных сетей), характеризующие параметры реализации коммуникативного поведения молодежи в условиях цифровой социальной среды. Данные параметры приводят к трансформации коммуникативного поведения в направлении увеличения вербальной составляющей при сокращении невербальной. При этом, изменение вербальной составляющей коммуникативного поведения проявляется в минимизации (редукции) и амбивалентности смыслового содержания.

В работе впервые заявлен, разработан и зарегистрирован программный комплекс мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде [107].

Теоретическая значимость:

Основные результаты диссертационного исследования вносят вклад в развитие социальной психологии в части, касающейся изучения особенностей коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде через интеграцию психолингвистических и социально-психологических подходов.

Выявленные в диссертационном исследовании макро- и микропараметры деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде, а также специфика лингвосемантических параметров коммуникативного поведения молодежи в цифровом пространстве, вносят существенный вклад в развитие представлений о структурной организации и динамических закономерностях коммуникативного поведения молодежи в условиях опосредованной техническими средствами реальности. Установлено, что цифровое социальное пространство выступает фактором трансформации структуры и содержания коммуникативного поведения, что дополняет теоретические представления о специфике социального взаимодействия в условиях асинхронности, ослабленного социального контроля и анонимности. Выявленные лингвосемантические параметры, указывающие на высокую вероятность проявления деструктивности коммуникативного поведения молодежи в

цифровой социальной среде, выступили теоретическим основанием для разработки программного комплекса мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде.

Практическая значимость. Эмпирические результаты проведенного исследования макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде необходимо рассматривать как целевые ориентиры для регулярного мониторинга открытых коммуникационных площадок молодежи в социальных сетях и мессенджерах (Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2026 N 1030-р «Об утверждении комплекса мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2026 - 2030 годы»). Практическая значимость исследования определяется разработкой программного комплекса мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде, который может быть использован в рамках обширных интернет-исследований посредством применения алгоритмических методов и методов машинного обучения. Теоретические и эмпирические материалы диссертационного исследования внедрены и используются в реализации образовательной программы высшего образования 37.04.01 «Психология», профиль «Клиническая психология в обеспечении безопасности» в дисциплине «Технологии психологического консультирования в киберпространстве», образовательной программы высшего образования 40.04.01 Юриспруденция, профиль «Медицинское право», в дисциплине «Актуальные проблемы информационного права и информационной безопасности в сфере здравоохранения». Практические результаты диссертационного исследования были апробированы и использованы в реализации Комплексного плана противодействия идеологии терроризма и экстремизма в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И.

Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Трансформация макропараметров коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде проявляется в смещении локации коммуникативной активности из различных цифровых социальных платформ в мессенджер, основным отличием которого является приватность и анонимность коммуникативного процесса, а также в смещении коммуникативной активности из неопосредованной техническими средствами реальности в опосредованную с увеличением объема и доли времени, проводимого в цифровой среде с 3–6 часов до 6–9 часов в день. Коммуникативное поведение молодежи в цифровой социальной среде реализуется через противоречие уровня удовлетворенности собственной коммуникацией и неудовлетворенности коммуникацией других пользователей (участников коммуникации).

2. Коммуникативное поведение молодежи в социальных сетях на уровне макропараметров характеризуется преобладанием пассивной позиции участников коммуникации, реализующейся посредством просмотров, лайков, репостов, в сравнении с активной коммуникацией, реализующейся посредством публикации постов, комментариев, ответов на комментарии. Данные пассивные формы участия в процессе коммуникации характеризуются отсутствием инициативы и целенаправленного формирования речевого высказывания вне зависимости от роли – коммуникатора или реципиента.

3. Коммуникативное поведение молодежи в цифровой социальной среде на уровне микропараметров характеризуется преобладанием сообщений с конфронтационной коммуникативной стратегией, а также устойчивой тенденцией преобладания отрицательных по модальности сообщений. Тематика сообщений молодежи в больших группах в социальных сетях характеризуется преобладанием сообщений с эмоционально-значимым для участников коммуникации содержанием. Речевые сообщения молодежи в цифровой социальной среде характеризуются упрощением их

лингвистической структуры с возрастанием объема обценной лексики, что указывает на генерализацию деструктивных тенденций в коммуникативном поведении и приводит к снижению семантического содержания речевых сообщений. Речевые единицы, как средство реализации коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде, в текстовых сообщениях дифференцируются на предикторы деструктивности (междометия, сленг, сокращения, заимствования, средства невербального общения (визуальные элементы) и маркеры деструктивности (обценная лексика, оскорбления, вербальные проявления сексуальной и физической агрессии).

4. Содержание деструктивного коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде, реализующееся через структуру деструктивных текстовых сообщений, проявляется в генерализации агрессивных форм вербальной коммуникации (через использование речевых единиц – обценная лексика, обценные междометия, оскорбления и речевые единицы, содержащие вербальные проявления сексуальной и физической агрессии). Конструктивные и деструктивные сообщения молодежи в коммуникации в цифровой социальной среде характеризуются различиями в структурно-функциональной организации сообщений. Разработанная модель коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве на основе логистической регрессии, указывает на высокую прогностическую вероятность выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой среде по вербальным проявлениям, включающим обценную лексику, междометия, сленг, оскорбления, вербальные проявления сексуальной и физической агрессии.

5. Разработанный программный комплекс, направленный на выявление рисков деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой среде, позволит обеспечить автоматизированный мониторинг коммуникативной активности в цифровом пространстве. Данный комплекс позволяет реализовывать возможность дообучения (fine-tuning) на

изменяющихся речевых моделях коммуникативного поведения в опосредованной техническими средствами реальности.

Апробация результатов исследования. Материалы и основные результаты исследования были представлены и обсуждены на международных и всероссийских конференциях: XIV Всероссийская научно-практическая конференции с международным участием «Психология здоровья и болезни: клиничко- психологический подход» (Курск, 28 ноября 2024), конференция «Психическое здоровье и качество повседневной жизни» (Москва, 12 октября 2024), VI Международная научно-практическая конференция «Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании и искусстве», (Москва, 5-6 июня 2025); Научно-практическая конференция «Влияние психического здоровья на общественное благополучие» (Москва, 18 октября 2025); XV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психология здоровья и болезни: клиничко- психологический подход» (Курск, 11-12 декабря 2025 года).

Публикации. Результаты работы представлены в 5 публикациях, учебном пособии и рабочей тетради (электронное текстовое издание). По результатам исследования получены 2 свидетельства о государственной регистрации программы для ЭВМ. Все статьи опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Из них по специальности 5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология – 4 статьи.

Диссертационная работа соответствует паспорту научной специальности 5.3.5 «Социальная психология, политическая и экономическая психология», а именно: п. 2 в части изучения закономерностей общения и деятельности людей, обусловленных социальным контекстами их взаимодействия в цифровой среде; психологии онлайн-коммуникаций; п. 3 в части изучения психологических характеристик социальных групп, сообществ; п. 4 в части изучения объективных и субъективных факторов

эффективного взаимодействия в различных социальных группах; п. 15 в части изучения вербальной и невербальной коммуникации; интернет-коммуникации; массовой коммуникации; п. 17 в части изучения социально-психологических особенностей презентации личности в реальной и виртуальной среде; п. 28 и 29 в части изучения деструктивного поведения в цифровой среде и изучения агрессии в социальных сетях.

Структура и объем диссертации соответствуют логике изучения проблемы исследования. Диссертационная работа включает введение, три главы, выводы, заключение, библиографический список и 10 приложений. Текст диссертации представлен на 190 страницах, содержит 20 таблиц и 48 рисунков.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

1.1. Трансформация коммуникативного поведения молодежи в условиях перехода в цифровое социальное пространство

Формирование информационной аналитической базы проблематики исследования осуществлялось на основании аналитических баз данных Mediascope, Statista, Brand Analytics, аналитического отчета Global Digital. Глубина поиска информации составила 10 лет.

Устойчивое увеличение числа пользователей сети Интернет обусловлено значительным смещением коммуникативного поведения из нецифровой реальности в цифровое социальное пространство и определяется не только процессуальной способностью к изменениям коммуникативной среды и возникновением нового социального пространства, но и вовлеченностью в эти процессы большого количества людей [48, 49]. По состоянию на июль 2025 года количество пользователей мобильных устройств достигло 5,78 млрд. человек (70% от общей численности населения в мире) (аналитический отчет «Digital 2025 Global Overview Report») [160]. С июля 2024 по июль 2025 года фиксируется увеличение числа уникальных абонентов мобильной связи на 111 миллионов (+2%). Смартфоны составляют 87% всех мобильных устройств, используемых в мире. Количество пользователей сети Интернет составляет 5,65 миллиарда человек (68,7%), прирост за 12 месяцев (с июля 2024 по июль 2025 года) составляет 2,7% (+146 миллионов). Глобальное количество пользователей социальных сетей достигло 5,41 миллиарда, что составляет 65,7% от общей численности населения мира. Число пользователей социальных сетей и мессенджеров за год (с июля 2024 по июль 2025 года) возросло на 4,7% (+241 миллионов новых пользователей). Среднестатистический пользователь сети Интернет проводит онлайн 6 часов 38 минут в день. С мобильных устройств выходят в сеть Интернет 96,3% пользователей [160].

Согласно отчету Digital 2024: Global Overview Report, по состоянию на январь 2024 года количество пользователей социальных сетей в России достигло 106,0 млн человек (73,5% от всего населения страны) [161]. По данным аналитической компании Statista, среднемировой показатель ежедневного времени, проводимого пользователями в социальных сетях, составляет 143 минуты (2 часа 23 минуты); для российских пользователей этот показатель равен 142 минутам (2 часа 22 минуты) в сутки [122]. По состоянию на январь 2024 года (отчет Digital 2024: Global Overview Report), количество пользователей социальных сетей в России достигло 106,0 млн человек, что соответствует 73,5% от общей численности населения страны [161]. Аргументация смещения коммуникативной активности молодежи в цифровое социальное пространство представлена длительностью пребывания в сети Интернет. Согласно отчету Mediascope «Поколения в диджитал» (2025) более 94%-95% пользователей 12-17 лет и 18-24 года проводят время в сети Интернет ежедневно (Рисунок 1) [97].

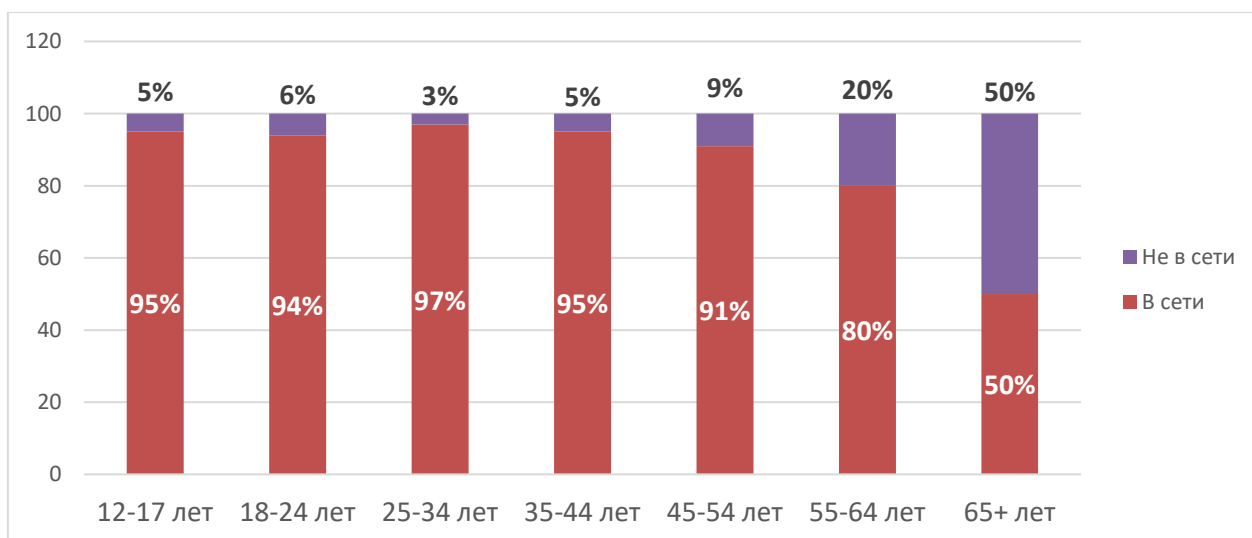

Рисунок 1. Накопительная гистограмма соотношения доли пользователей в цифровой и нецифровой социальной среде (Mediascope Cross Web, 2025)

По данным отчета «Mediascope. Большая маленькая Россия» (2025) среднестатистический подросток проводит в сети Интернет 6 часов 49 минут в день, а молодежь в возрасте 18-24 года – 6 часов 25 минут в день (Рисунок 2) [133].

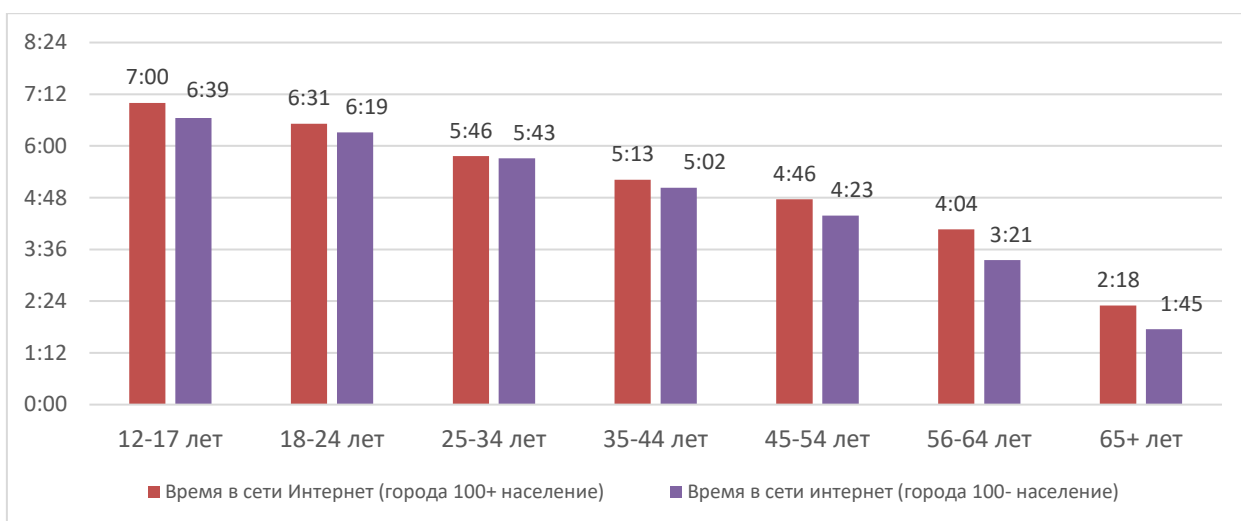

Рисунок 2. Накопительная гистограмма частот длительности пребывания в сети Интернет в сутки (Mediascope Cross Web, 2025)

Структура интернет-активности российских пользователей характеризуется распределением времени, затрачиваемого на различные формы цифровой коммуникативной активности (отчет Mediascope. Большая маленькая Россия, население 12+, февраль 2025) (Рисунок 3) [133].

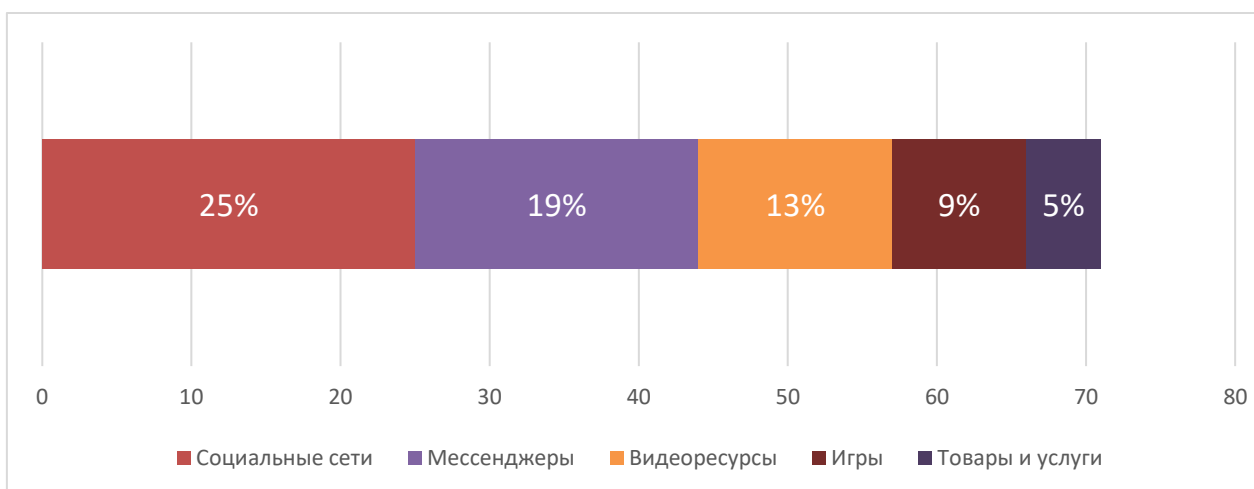

Рисунок 3. Накопительная гистограмма долевого соотношения цифровой активности (население 12+) (Mediascope Cross Web, 2025)

Согласно аналитическим данным, у пользователей в возрасте 12-17 лет на социальные сети и мессенджеры приходится 45% совокупного суточного времени, проводимого в сети Интернет (отчет Mediascope. «Аудитория Telegram», 2024) [6] (Рисунок 4). Согласно отчету Digital 2024: Global Overview Report, в январе 2025 года 79,6% всех интернет-пользователей в стране пользовались как минимум одной социальной сетью [161].

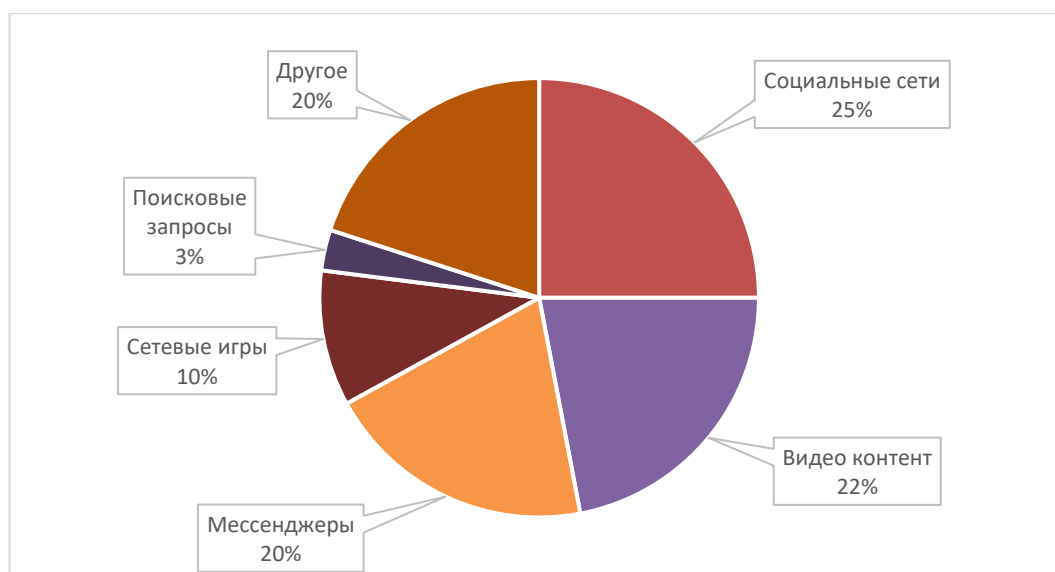

Рисунок 4. Диаграмма долевого распределения активности пользователей 12-17 лет в сети Интернет в различных формах интернет-коммуникации

По состоянию на март 2025 года в России насчитывалось 83,8 млн человек, регулярно публикующих контент в социальных сетях и мессенджерах. Авторами было размещено около 1,93 млрд публичных сообщений – включая посты, репосты и комментарии. В сравнении с мартом 2024 года количество активных авторов возросло на 22,5%, тогда как объём создаваемого ими контента увеличился всего на 4,3 % (исследование Brand Analytics «Социальные сети в России: цифры и тренды», 2025) [121]. Представленное соотношение активности в сети Интернет демонстрирует, что основной функцией цифровой реальности для возрастной категории молодежи является социально-коммуникативная и развлекательная, нежели образовательная или познавательная.

Критерием выбора сегмента цифровой социальной среды для исследования коммуникативного поведения молодежи послужили статистические и аналитические данные об охвате, распространенности и популярности социальных сетей и мессенджеров на территории России. Согласно отчету Digital 2025: The Russian Federation, социальная сеть «ВКонтакте» входит в число крупнейших интернет-сервисов страны и занимает одну из лидирующих позиций в рейтингах посещаемости. В начале 2025 года аудитория «ВКонтакте» составляла 93,8 млн активных

пользователей в России, что составляет 65% от общей численности населения страны. В период с января 2024 года по январь 2025 года активная пользовательская база ВКонтакте в Российской Федерации увеличилась на 3,4 млн человек (+3,7%) [159]. Среди цифровых платформ в России социальная сеть ВКонтакте демонстрирует лидирующие позиции и по числу активных авторов, и по объему создаваемого ими контента (Brand Analytics, отчет «Социальные сети в России: цифры и тренды», 2025) [121].

Мессенджер Telegram используют порядка 450 млн активных пользователей ежедневно. В 2025 году доля активных авторов в российском сегменте Telegram увеличилась с 19% до 25% (Brand Analytics, отчет «Социальные сети в России: цифры и тренды», 2025) [121]. В возрастной категории пользователей от 12 до 24 лет Telegram занимает лидирующее место по среднесуточному охвату аудитории (отчет Mediascope «Аудитория Telegram», 2024) [6]. Популярность мессенджера среди молодежи может быть связана с гибкой политикой конфиденциальности платформы: при регистрации и использовании мессенджера пользователю не требуется раскрывать реальные личные данные – такие как имя, возраст, пол или интересы. Число активных авторов в Telegram составляет 24,6 млн, а число публичных сообщений – 1,1 млрд. С 2020 по 2025 число авторов в Telegram увеличилось на 56,5%, что демонстрирует популярность данного мессенджера в качестве платформы для социального взаимодействия (исследование Brand Analytics отчет «Социальные сети в России: цифры и тренды», 2025) [121].

Таким образом, выбор цифровых социальных платформ «ВКонтакте» и Telegram в качестве основных площадок для исследования коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде является методологически и аналитически обоснованным. Выбранные платформы демонстрируют стабильно высокий уровень охвата и устойчивую популярность среди целевой аудитории исследования, а совокупность масштаба аудитории, демографической релевантности и функциональных особенностей данных платформ делает их репрезентативными для исследования коммуникативного

поведения молодежи в цифровом пространстве.

Коммуникативное поведение, определяемое как вербальное и сопровождающее его невербальное поведение индивида или группы в ситуации общения, зависящее от контекста и условий взаимодействия и регулируемое нормами и традициями конкретного социума [124], в современном социальном пространстве представляет собой синтез двух реальностей: опосредованной техническими средствами (цифровая социальная среда) и неопосредованной (нецифровая социальная среда).

Цифровое социальное пространство представляет собой не обособленную, отделенную от нецифровой, реальность, а взаимодополняющее пространство, в котором личность существует в гибридной реальности, где цифровое и физическое пространства образуют неразрывное единство [48, 49, 69]. Согласно определениям исследователей, цифровое социальное пространство используется как среда социального и межличностного взаимодействия [86] и, являясь новой формой социальной коммуникации, представляет собой пространство, в котором значительная часть молодежи существует параллельно в виртуальной и реальной жизни, не отделяя нецифровое и цифровое пространства друг от друга, связывая их в единую повседневность [68, 83]. Цифровое социальное пространство представляет собой коммуникативную среду, где возникают социальные связи, формируются социальные группы, осуществляется межличностное и межгрупповое взаимодействие, объединяющее особенности личного и публичного общения, а также формируются ценностные ориентации и установки [27].

Коммуникативное поведение в социальных сетях и мессенджерах обладает рядом отличительных признаков по сравнению с общением в нецифровой реальности: возможность анонимности, редукция языковых средств, отсутствие полноценной невербальной составляющей, автономия выбора темы и партнера, сложность выражения и понимания эмоций собеседника. Кроме того, цифровое социальное пространство отличается

значительными массивами данных, простотой их поиска, возможностью массового создания и распространения информации, а также трансформацией традиционных моделей коммуникации [90].

В цифровом социальном пространстве количество ежедневно потребляемой информации увеличивается, меняются способы коммуникации между людьми и сообществами/группами, происходит цифровизация социальных отношений, которая приводит к трансформации традиционных форм коммуникации. Характеристики коммуникативного поведения в цифровой среде стремительно трансформируются, в отличие от аналогичных процессов в условиях непосредственного межличностного взаимодействия. Трансформируются способы коммуникации, включая общение в чатах, онлайн-конференции на разных сервисах, визуальные способы представления текста и связь пользователей в мессенджерах и других платформах [111]. Современная цифровая социальная среда включает множество инструментов для взаимодействия: от блогов и форумов до социальных сетей и мессенджеров. Согласно ряду авторов, доминирующей формой социальной активности молодежи является коммуникация в цифровой среде, реализующаяся, преимущественно, в социальных сетях (цифровые платформы для общения и обмена информацией) и мессенджерах (сервисы мгновенного обмена сообщениями) [191, 52]. По сравнению с коммуникацией в нецифровой реальности, цифровые средства общения обладают преимуществами благодаря возможности конфиденциальности, мгновенной системе уведомлений, персонализированной настройке интерфейса, поддержке мультимедиа (текстовые сообщения, изображения, видеозаписи, аудиофайлы, геоданные), широкому охвату аудитории и доступности (бесплатный трафик при наличии сети).

Генерализация коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде, практически заменяющей непосредственное межличностное общение, создает условия для развития и распространенности деструктивного поведения в цифровом пространстве (вредоносной и опасной

информации, насилия, агрессии, жестокого контента) [100], где традиционные деструктивные действия и состояния трансформируются в новые формы (кибераддикция, кибермоббинг, кибербуллинг и др.), к которым добавляются новые действия (троллинг, флейминг, фишинг и др.) [71]. Для большинства молодежи цифровая социальная среда превращается в ключевую часть социальной жизни, что провоцирует деструктивные проявления в коммуникативном поведении в социальных сетях и мессенджерах: кибербуллинг, шейминг, девиантное, противоправное, суицидальное и саморазрушающее поведение [117]. Кроме того, деструктивность коммуникативного поведения характерна для исследуемого возрастного периода ввиду ослабления уровня самоконтроля, что усиливает агрессию в онлайн-взаимодействии [70, 118, 167]. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно переживает буллинг (включая кибербуллинг) каждый третий подросток в возрасте 11-15 лет. Кроме того, различным видам насилия (эмоциональное, физическое и сексуальное) подвергается каждый второй ребенок в возрасте от 2 до 17 лет (World Health Organization, 2020) [222]. Каждый четвертый подросток сталкивался с кибербуллингом – лично (10%), слышал о таких случаях от друзей и знакомых (18%) (отчет Kaspersky «Взрослые и дети в интернете: цифровые привычки, риски и безопасность», 2024) [18]. Согласно аналитическому обзору ЮНЕСКО «Противодействие языку ненависти в социальных сетях: актуальные проблемы современности» (2022) распространение hate speech («язык ненависти») в цифровом пространстве обозначено одной из ключевых угроз современности, требующей научно-обоснованных подходов к анализу и профилактике высказываний, содержащих hate speech, а также разработки алгоритмов выявления данных высказываний на основе лингвистического анализа [217].

Коммуникативное поведение в цифровом социальном пространстве реализуется вербально посредством речевых сообщений, содержащих комплекс семантико-прагматических структур и форм [89, 91] и может

выражаться как в конструктивных, так и в деструктивных формах. Деструктивное коммуникативное поведение в цифровой социальной среде реализуется через использование нецензурной лексики, размещение оскорбительных сообщений, направленных на унижение и дискредитацию других пользователей [81]. В условиях цифровой среды речевые сообщения подвержены значительным трансформациям, что проявляется в намеренном нарушении орфографических и грамматических норм, а также в активном использовании сленга и обценной лексики. Пользователи часто прибегают к сокращениям, транслитерации и графическим элементам, таким как эмодзи и стикеры, чтобы сделать свое общение более выразительным и эмоциональным. Коммуникация в цифровой среде характеризуется сокращением размера речевых сообщений до минимального количества слов, использованием специфических способов словообразования, целенаправленным пропуском лексических элементов, грамматически незавершенными конструкциями, отсутствием союзов, номинативными структурами, сокращающими объем высказывания, намеренным игнорированием норм пунктуации, употреблением аббревиатур и сложносокращенных слов [35, 221]. В исследовании Никишиной В.Б. и др. (2020) фиксируется, что 46% речевых единиц выражаются в форме деструктивных паттернов (агрессия, отрицание, демонстративность и сексуальная агрессия) с тенденцией к уменьшению длины речевого сообщений. Упрощение вербальной составляющей коммуникации в цифровой среде компенсируется применением визуальных средств (эмодзи, картинки, стикеры), выступающих универсальным инструментом передачи эмоций [91].

Таким образом, проведенный теоретический анализ, позволяет сделать вывод о том, что цифровое социальное пространство, в котором осуществляется коммуникативное поведение молодежи, определяет его уникальную специфику и приводит к значительной трансформации в следствии смещения активной коммуникации молодежи в цифровую социальную среду.

1.2. Сравнительно-феноменологический анализ коммуникативного поведения в опосредованной техническими средствами реальности (цифровой социальной среде) и не опосредованной техническими средствами реальности (нецифровой социальной среде)

Коммуникативное поведение, являясь междисциплинарным феноменом и изучаемое в таких научных областях, как педагогика, психология, социология, лингвистика, информатика и другие, становится объектом библиометрического анализа, предполагающего количественную оценку потоков научных публикаций, что позволяет охарактеризовать состояние науки в целом или ее отдельных направлений, а также произвести оценку разработанности темы в современных базах данных [85].

Библиометрический анализ осуществлялся по данным двух информационных баз: научной электронной библиотеки eLibrary.ru и международной информационной базы Lens. Поиск осуществлялся по следующим ключевым словам: «коммуникативное поведение» («communicative behavior»), «коммуникативное поведение в цифровой среде» («communicative behavior in a digital environment»), «коммуникативное поведение в социальных сетях» («communicative behavior in social networks») [31].

В международной базе Lens динамика публикационной активности анализировалась глубиной поиска десять лет (с 2015 по 2025 годы). Результатом поиска являются следующие данные: 73169 публикаций по запросу «communicative behavior»; 22897 публикаций по запросу «communicative behavior in social networks»; 12310 публикаций по запросу «communicative behavior in a digital environment».

В международной базе Lens по запросу «communicative behavior» за десять лет наблюдается монотонно-возрастающий рост числа публикаций с пиком публикационной активности в 2021 году и значительным снижением в 2023 и 2024 гг. (Рисунок 5).

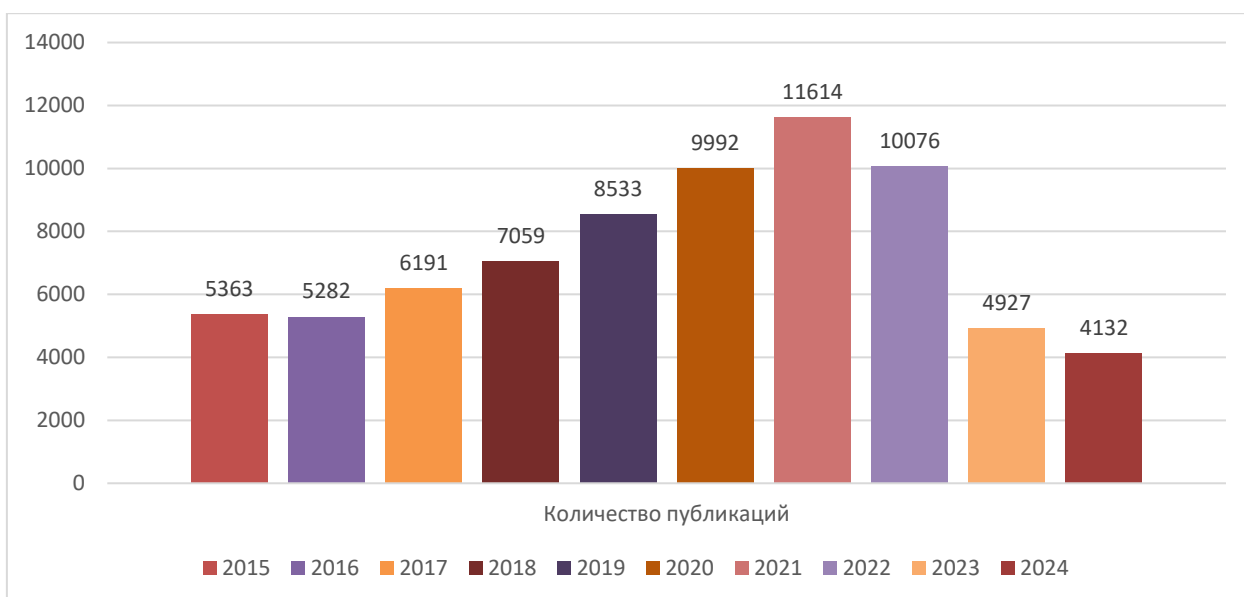

Рисунок 5. Гистограмма частот показателей публикационной активности по запросу «communicative behavior» (информационная база Lens) за десять лет (2015-2025 гг.)

Аналогичная тенденция фиксируется по ключевым словам «communicative behavior in social networks» и «communicative behavior in a digital environment» – устойчивый монотонно-возрастающий рост количества публикаций с максимумом исследовательских работ в 2021 г. и спадом в 2023–2024 гг. (Рисунки 6, 7).

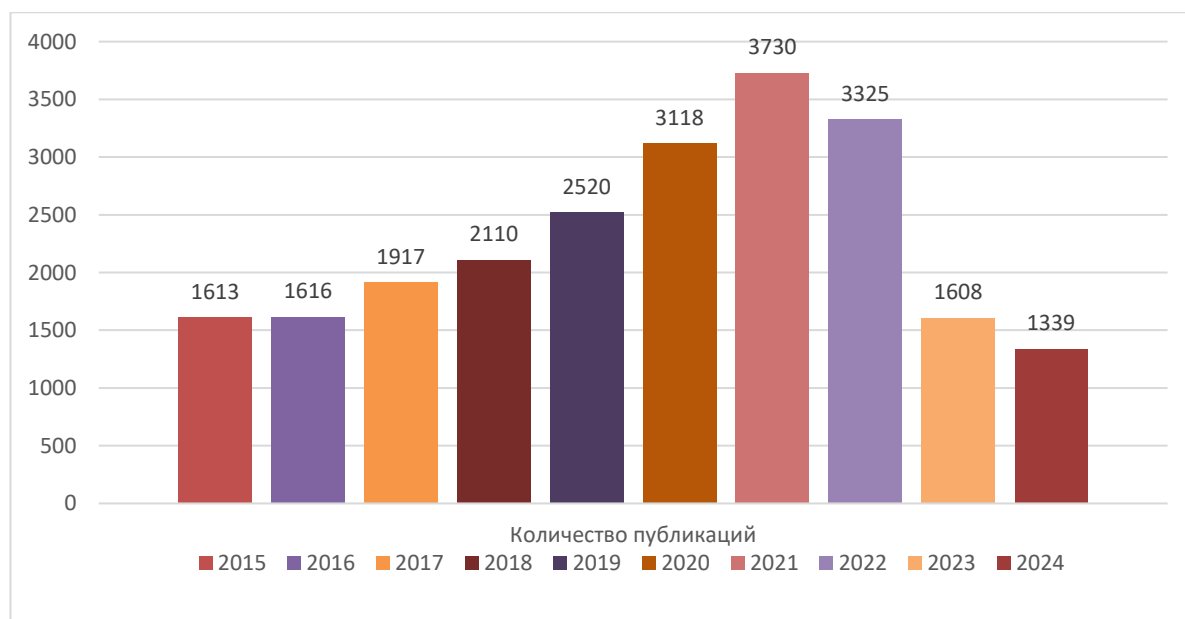

Рисунок 6. Гистограмма частот показателей публикационной активности запросу «communicative behavior in social networks» (информационная база Lens) за десять лет (2015-2025 гг.)

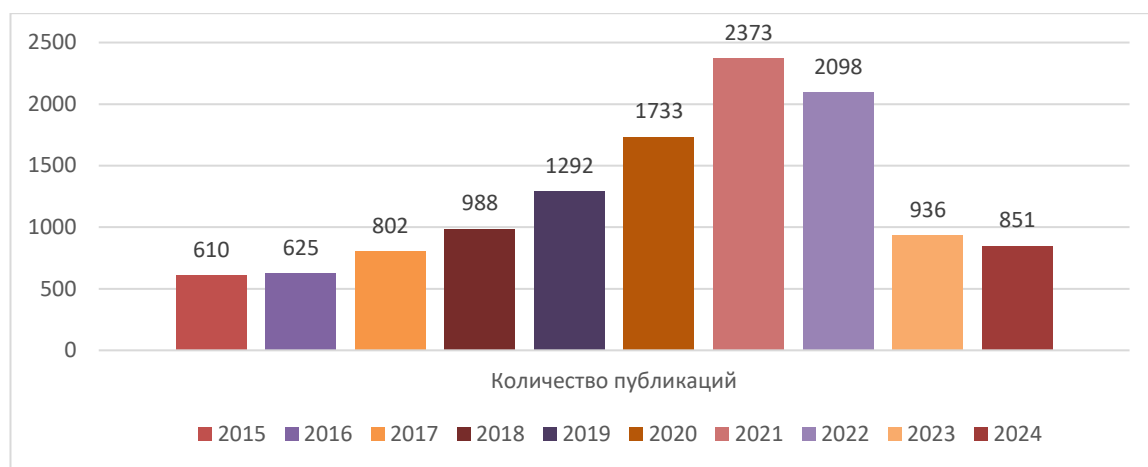

Рисунок 7. Гистограмма частот показателей публикационной активности по запросу «communicative behavior in a digital environment» (информационная база Lens) за десять лет (2015-2025 гг.)

Таким образом, в международной базе Lens фиксируется рост числа публикаций по изучаемой проблематике в 2-4 раза в период с 2015 по 2025 гг., при этом максимальная публикационная активность приходится на 2021 год. Несмотря на спад количества публикаций с 2022 по 2025 гг., сохраняется общая тенденция долевого соотношения суммарного количества публикаций по запросам «communicative behavior in social networks» и «communicative behavior in a digital environment» (от 41% до 54%), являющихся частными понятиями запроса «communicative behavior» (Таблица 1).

Таблица 1. Распределение научных публикаций в международной научной базе Lens с 2015 по 2025 год

	Количество публикаций			
	Запрос «communicative behavior»	Запрос «communicative behavior in social networks»	Запрос «communicative behavior in a digital environment»	Доля публикаций по запросам «КП в СС» и «КП в ЦС» в общем запросе «КП»
2015	5363	1613	610	41%
2016	5282	1616	625	42%
2017	6191	1917	802	44%
2018	7059	2110	988	43%
2019	8533	2520	1292	45%
2020	9992	3118	1733	49%
2021	11614	3730	2373	52%
2022	10076	3325	2098	54%
2023	4927	1608	936	52%
2024	4132	1339	851	53%

В результате анализа публикационной активности авторов в электронной библиотеке Elibrary.ru за десять лет (2015-2025 гг.) наблюдаются следующие показатели: 6077 публикаций по запросу «коммуникативное поведение»; 203 публикации по запросу «коммуникативное поведение в цифровой среде», 310 публикаций по запросу «коммуникативное поведение в социальных сетях» (Рисунок 8).

Рисунок 8. Гистограмма частот показателей публикационной активности по запросу «коммуникативное поведение» (Elibrary) за десять лет (2015-2025 гг.)

Анализ публикационной активности в электронной библиотеке ELibrary по ключевым словам «коммуникативное поведение» демонстрирует устойчивый линейный рост: за десять лет (2015-2025 гг.) количество работ увеличилось в 1,5 раза (Рисунок 8). Динамика публикационной активности по запросу «коммуникативное поведение в социальных сетях» имеет квазипериодический характер, тогда как по запросу «коммуникативное поведение в цифровой среде» наблюдается стабильное монотонное возрастание. Максимум публикаций по двум запросам зафиксирован в 2024 году (Рисунок 9). За указанный период объем исследований по проблематике коммуникативного поведения в социальных сетях вырос в 3 раза (с 14 статей в 2015 году до 46 в 2024-м), а по проблематике коммуникативного поведения в цифровой среде – в 12 раз (с 4 до 47 публикаций).

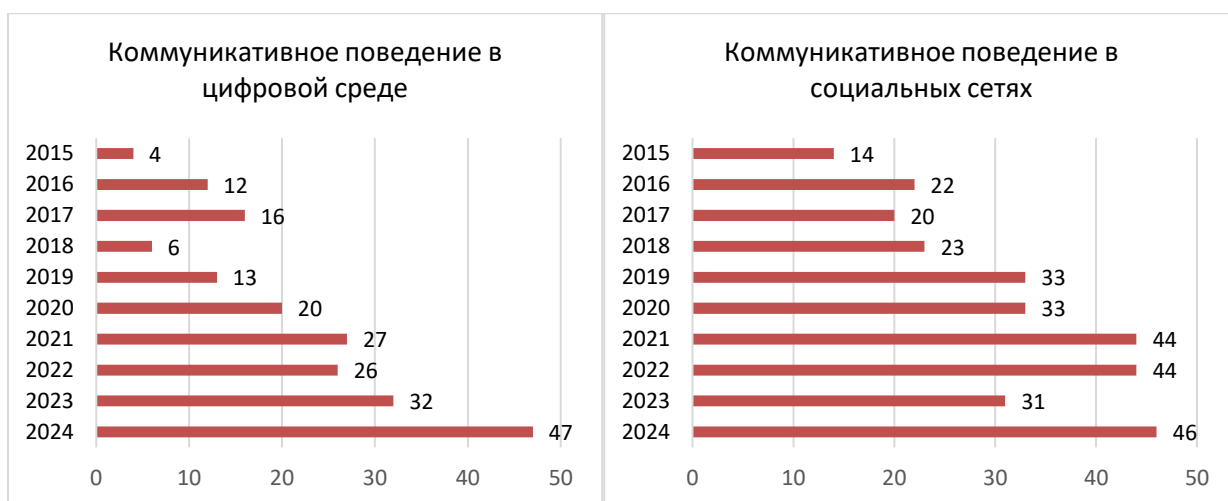

Рисунок 9. Гистограммы частот показателей публикационной активности по запросам «коммуникативное поведение в цифровой среде» и «коммуникативное поведение в социальных сетях» (Elibrary) за десять лет (2015-2025 гг.)

Анализ динамики научных публикаций по проблематике коммуникативного поведения демонстрирует постепенное увеличение интереса к данной тематике в российском научном сообществе. При этом, наиболее активный рост числа научных работ за последние десять лет наблюдается в направлениях, связанных с коммуникативным поведением в цифровой среде и в социальных сетях, что подтверждает интеграцию цифровых технологий в повседневную жизнь и, как следствие, повышенный интерес исследователей к изучению коммуникации в цифровом социальном пространстве. Таким образом, переход коммуникации в цифровую социальную среду становится одним из ключевых векторов развития исследований в области коммуникативного поведения [31].

Анализ распределения публикаций по научным областям в электронной библиотеке Elibrary по тематике «коммуникативное поведение» демонстрирует, что наибольшее количество публикаций сосредоточено в таких научных областях, как лингвистика и языкознание – на них приходится 2439 публикаций. В области педагогики фиксируется 1650 публикаций, в области психологии – 877 публикаций. По тематике «коммуникативное поведение в социальных сетях» лидируют такие научные области как языкознание (83 работы), психология (66 статей) и педагогика (52

публикации). По тематике «коммуникативное поведение в цифровой среде» приоритетными являются исследования в области педагогики (41 работа), психологии (32 статьи) и лингвистике (19 публикаций) (Рисунок 10).

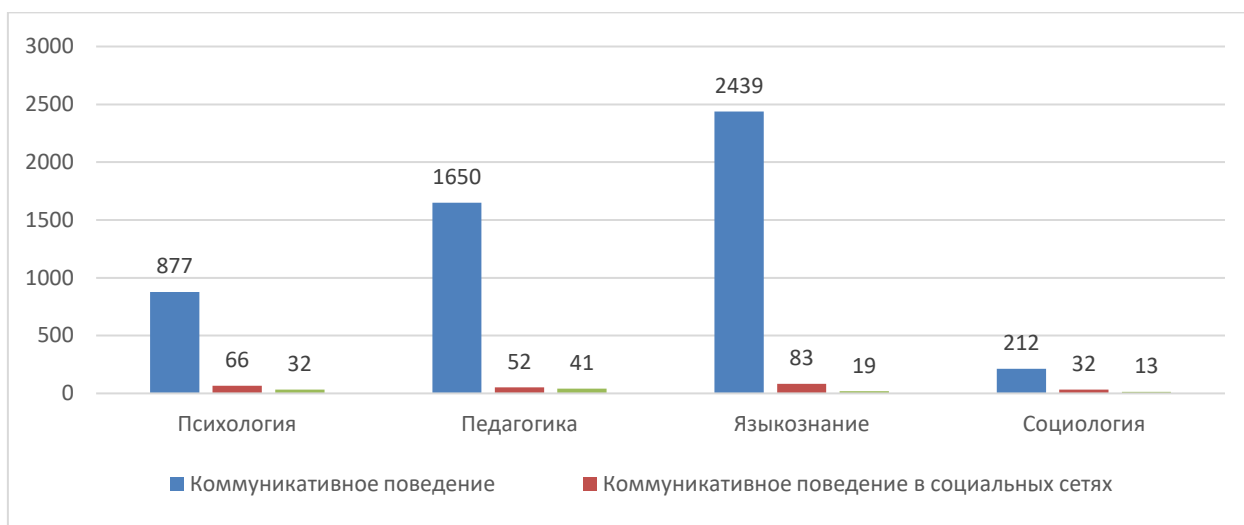

Рисунок 10. Гистограммы частот показателей публикационной активности по запросам «коммуникативное поведение», «коммуникативное поведение в социальных сетях» и «коммуникативное поведение в цифровой среде» по научным областям (Elibrary)

Фиксируем, что в российском научном поле проблематика коммуникативного поведения преимущественно рассматривается в рамках языкознания, что свидетельствует о ведущей роли лингвистики в изучении структур, механизмов и особенностей вербального и невербального общения. Совокупная доля исследований коммуникативного поведения в области педагогики и психологии составляет 41%, что отражает междисциплинарный характер изучаемого феномена и его значимость для образовательных и психологических исследований. В изучении коммуникативного поведения в цифровой среде и социальных сетях наблюдается смещение акцентов: в контексте социальных сетей по-прежнему доминирует языкознание, однако значительная доля исследований приходится на психологию и педагогику. Наибольшая доля исследований, посвященных коммуникативному поведению в цифровой среде, сосредоточены в области педагогики, что отражает усиливающийся интерес к проблемам цифровой коммуникации в образовательной сфере и в контексте организации учебного процесса [31].

В международной информационной базе Lens по запросам коммуникативное поведение, коммуникативное поведение в социальных сетях, коммуникативное поведение в цифровой среде преобладают публикации в научных областях «Психология», «Информатика», «Социальная психология», «Социология», «Лингвистика», «Политология» (Рисунок 11, 12, 13).

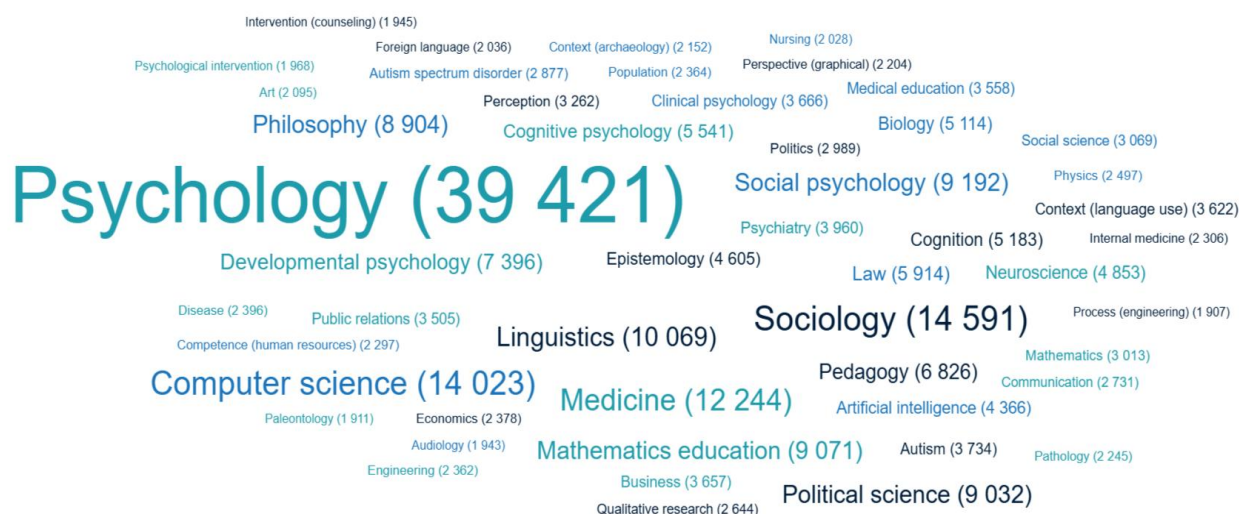

Рисунок 11. Карта распределения публикационной активности по запросу «communicative behavior» по научным областям (информационная база Lens)

Рисунок 12. Карта распределения публикационной активности по запросу «communicative behavior in social networks» по научным областям (информационная база Lens)

Анализ распределения публикаций в информационной базе Lens демонстрирует, что изучение коммуникативного поведения в целом и его проявлений в цифровой среде и социальных сетях, в частности, сосредоточено в рамках социально-психологических и технических дисциплин с фиксацией на поведенческих, когнитивных и технологических аспектах цифровой коммуникации, а также включает анализ поведения и социального взаимодействия пользователей в цифровом пространстве и разработку инструментов для их обработки и интерпретации [31].

Анализ публикационной активности по странам выявил лидеров по количеству публикаций: США, Великобритания, Индонезия, Китай, Германия, Италии, Канада, Нидерланды, Испания и Россия демонстрируют наибольшую активность по всем трем направлениям исследования.

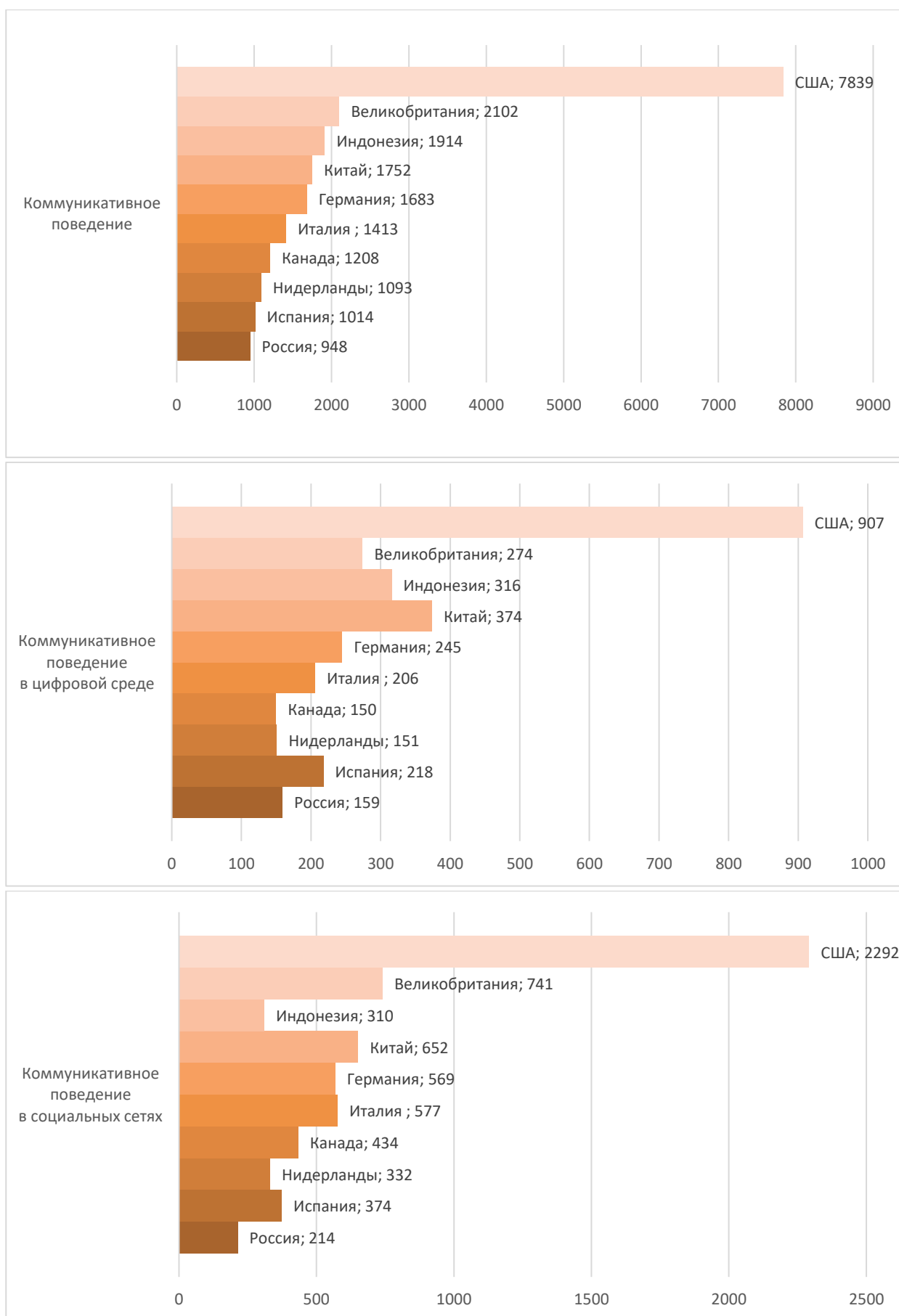

Рисунок 14. Гистограммы частот публикационной активности по странам в международной информационной базе Lens

Таким образом, исследуемая проблематика имеет международный статус и широкий исследовательский интерес. Представленное распределение научных публикаций свидетельствует о том, что феномен коммуникативного поведения и его проявления в цифровой среде и социальных сетях, исследуются в рамках различных лингвокультур и социальных практик, что подчеркивает глобальный характер данной проблематики. Фиксируем, что долевое участие российских исследований сопоставимо с участием зарубежных исследователей.

Проведенный в международной базе Lens анализ публикационной активности ведущих авторов в области психологических наук демонстрирует, что изучением проблематики коммуникативного поведения занимаются ученые с высокой публикационной активностью. На рисунках 15, 16, 17 представлены тепловые карты распределения публикационной активности авторов с наибольшим количеством публикаций, наглядно демонстрирующие распределение научного интереса среди ведущих авторов и стран, занимающихся исследованием коммуникативного поведения, и подтверждающие возрастание исследовательского интереса к проблематике коммуникации в цифровой социальной среде.

Рисунок 15. Тепловая карта распределения публикационной активности по запросу «communicative behavior» по авторам из различных стран мира (Lens)

Рисунок 16. Тепловая карта распределения публикационной активности по запросу «communicative behavior in social networks» по авторам из различных стран мира (Lens)

Рисунок 17. Тепловая карта распределения публикационной активности по запросу «communicative behavior in a digital environment» по авторам из различных стран мира (Lens)

Автором, имеющим высокую публикационную активность по всем трем запросам, является А. Дригас. Тематика публикаций А. Дригаса связана с педагогикой, психологией и компьютерными технологиями. Его работы направлены на исследование цифровых инструментов, приложений, искусственного интеллекта и их роли в улучшении навыков эмоционального интеллекта и коммуникации у детей и подростков с расстройствами аутистического спектра [196, 162, 183, 200, 145, 197]. Х. Тагер-Флусберг, являясь автором с самой высокой публикационной активностью по запросу «communicative behavior» фокусируется на изучении когнитивно-лингвистической основы и развитии речи у людей с расстройством аутистического спектра и другими нарушениями развития [215, 211, 144, 156, 164]. Высокую публикационную активность по запросу «communicative behavior» демонстрирует Т. Чарман, исследования которого сосредоточены на изучении навыков социальной коммуникации, языковых навыков и взаимодействия родителей с детьми с расстройством аутистического спектра [198, 164, 153].

В электронной библиотеке Elibrary анализ публикационной активности по авторам выявил ряд исследователей, занимающихся изучением коммуникативного поведения и имеющих достаточно высокую публикационную активность по данной тематике в период с 2015 по 2025 гг. (Рисунок 18).

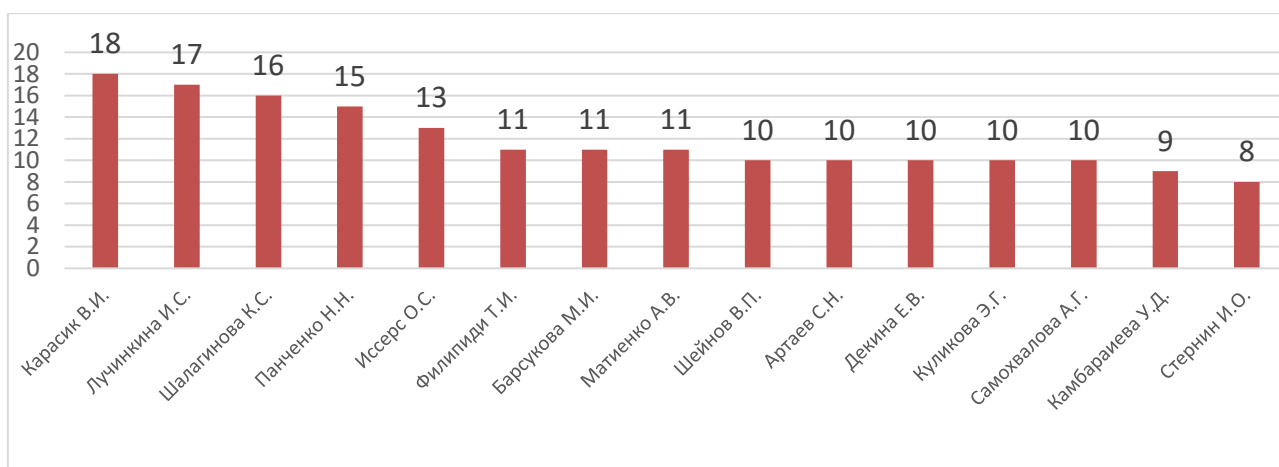

Рисунок 18. Гистограмма частот распределения публикаций по авторам в электронной библиотеке Elibrary по запросу «коммуникативное поведение»

Изучением коммуникативного поведения в социальных сетях занимаются авторы, имеющие от 4 до 8 публикаций по указанной тематике, что подтверждает высокий исследовательский интерес к изучению коммуникативного поведения в социальных сетях (Рисунок 19). Ключевыми авторами являются Никишина В.Б., Петраш Е.А., Самосват О.И., исследования которых сосредоточены на изучении коммуникативного поведения в социальных сетях с акцентом на трансформацию параметров сообщений в цифровой среде и риски влияния цифровой среды на развитие детей и подростков [88, 89, 90, 91]. Исследования Шейнова В.П. посвящены изучению влияния зависимости от смартфона на состояние и свойства личности [136, 137].

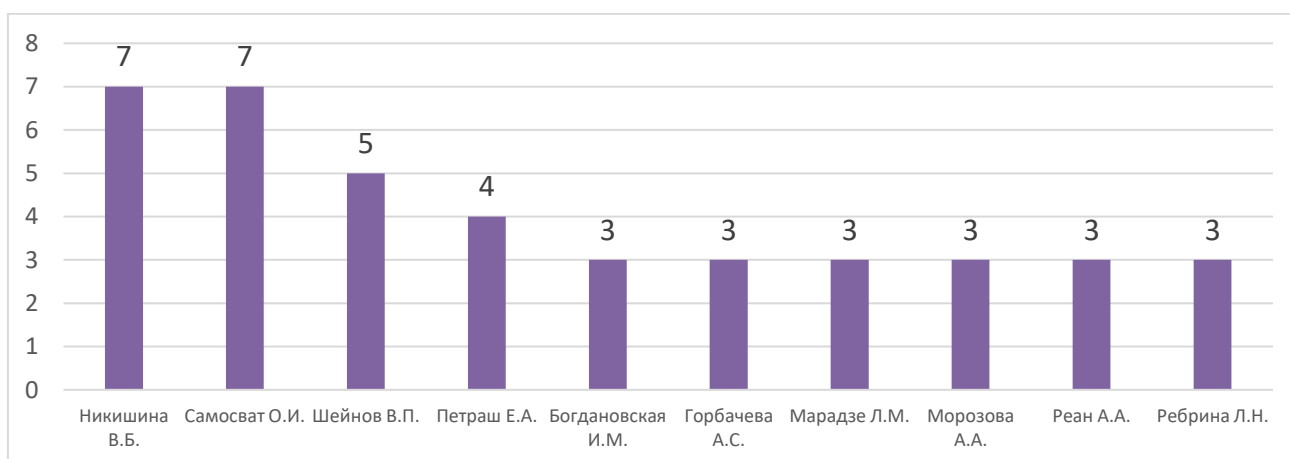

Рисунок 19. Гистограмма частот распределения публикаций по авторам в электронной библиотеке Elibrary по запросу «коммуникативное поведение в социальных сетях»

В электронной библиотеке Elibrary по запросу «коммуникативное поведение в цифровой среде» только четыре автора имеют 3 и более публикаций (Рисунок 20). В.В. Касьянов и В.Н. Нечипуренко изучают роль интернета в коммуникации и взаимодействии людей, его влияние на социальную жизнь в целом [55]. Исследования Носковой Т.Н. сосредоточены в области цифровизации образования [94, 95].

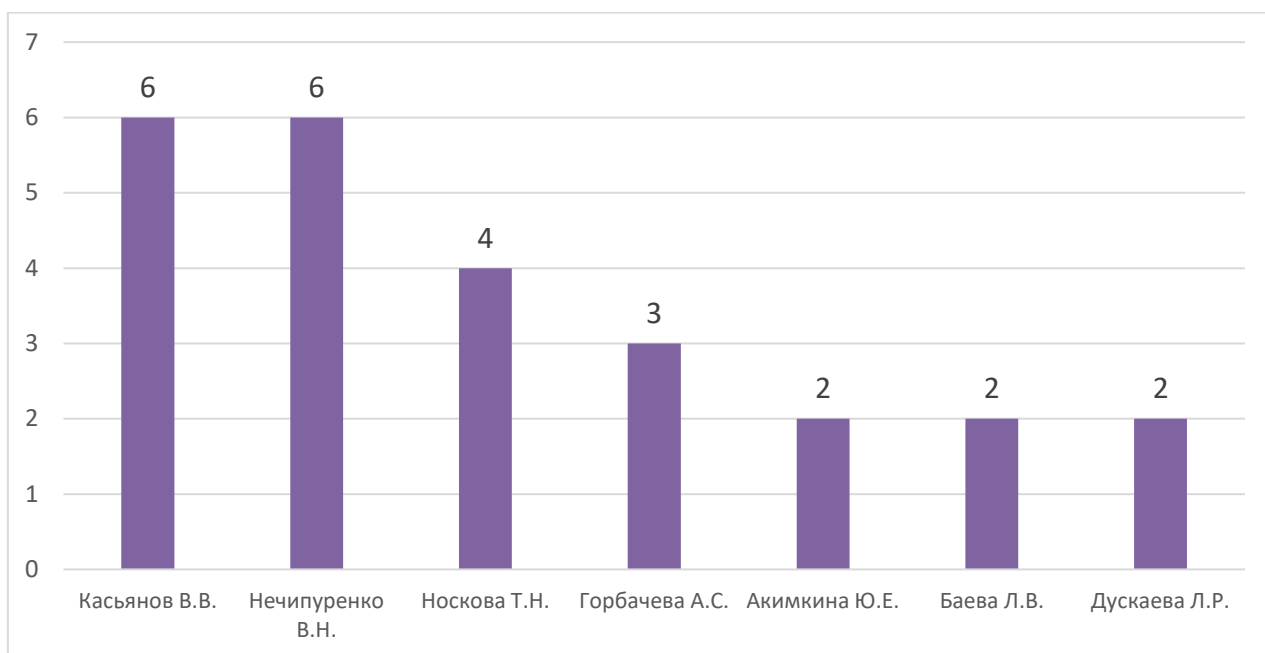

Рисунок 20. Гистограмма частот распределения публикаций по авторам в электронной библиотеке Elibrary по запросу «коммуникативное поведение в цифровой среде»

Констатируем, что изучением коммуникативного поведения занимаются исследователи из различных научных отраслей и методологических направлений. Фиксируется возрастающий интерес к анализу коммуникации в цифровой среде и социальных сетях, как в зарубежной, так и в отечественной науке, подтверждая высокую практическую значимость и перспективность дальнейших научных исследований.

С целью выявления и систематизации структурных различий и инвариантных особенностей коммуникации в цифровой и нецифровой реальности проведен сравнительно-феноменологический анализ по следующим параметрам: глубина поиска – 15 лет; анализ строился на принципах феноменологии, направленных на описание структуры

коммуникации, и сравнительного метода, позволяющего выявить инвариантные и вариативные особенности; поиск осуществлялся по информационным базам данных Web of Science, Lens, ELibrary; метод: сопоставление феноменологических характеристик.

Сравнительно-феноменологический анализ коммуникативного поведения в цифровой и нецифровой реальности проводился по следующим критериям: пространственно-временные характеристики; каналы коммуникации; идентичность и самопрезентация; социальные нормы и ритуалы; речевая коммуникация; управление впечатлением и коммуникативные риски.

С появлением цифровых устройств и технически опосредованной коммуникации, понятие коммуникативного поведения претерпело существенную трансформацию. В работах Д. Бойд [152] и К. Дуглас [163] подчеркивается, что социальные сети создают новые условия для коммуникации: асинхронность, визуальность, устойчивость контента и возможность множественной адресации.

Общение, с точки зрения познания людьми друг друга (А.А. Бодалев), определяется как «взаимодействие между людьми, осуществляемое с помощью средств речевого и неречевого воздействия и преследующее цель достижения изменений в познавательной, мотивационно-эмоциональной и поведенческой сферах участвующих в общении лиц» [12, 13.]. А.А. Леонтьев определяет общение как «систему целенаправленных и мотивированных процессов, обеспечивающих взаимодействия людей в коллективной деятельности, реализующих общественные и личностные, психологические отношения и использующих специфические средства, прежде всего язык» [72]. Общение, как процесс непосредственного установления межличностных связей и взаимодействий людей, определяется системой конкретных общественных отношений (А.А. Бодалев) [12] и всегда соответствует определенным исторически сложившимся и социально необходимым формам коммуникаций и регулируется нормами общественного поведения (Б.Г.

Ананьев) [2]. Как социально-психологический феномен общение рассматривается как особый вид психологической активности, результатом которой являются формирования и трансформации в когнитивной (образы, впечатления, представления, интерпретации, стереотипы и т.д.), эмоциональной сфере личности (чувства, состояния и т. д.), а также изменения в системе межличностных отношений, поведенческих паттернах и способах взаимодействия с другими людьми посредством обмена информацией, взаимовлиянием партнеров друг на друга, обмена ролями, самоутверждения и образования партнерами новой системы, в которой происходит обмен их личностными содержаниями (В.А. Лабунская, В.Н. Куницына, Е.Л. Доценко) [66, 63, 42]. Межличностное общение, которое осуществляется посредством речевого и неречевого воздействия, обеспечивает определенные взаимоотношения между участниками общения [66, 63]. В ходе обмена сообщениями собеседники адаптируют их к конкретной ситуации общения; содержание полученной информации подвергается значительной переработке и реструктуризации в зависимости от неизбежно возникающей оценки себя, партнера и окружающей обстановки [63]. Непосредственное межличностное общения характеризуется совокупностью вербальных и невербальных каналов коммуникации. Вербальная коммуникация базируется на знаковой системе человеческой речи – естественного звукового языка, который представляет собой упорядоченную совокупность фонетических знаков, функционирующую на основе лексических и синтаксических принципов (Г.М. Андреева) [3, 4]. По мнению В.А. Лабунской невербальная коммуникация представляет собой систему невербальных символов, знаков и кодов, используемых для передачи сообщения с высокой степенью точности; она независима от психологических и социально-психологических качеств личности, обладает четким значением и может быть описана как лингвистическая знаковая система. Совокупность невербальных и вербальных средств коммуникации, соответствующая ситуации общения и ее задачам, выполняет функции поддержки всего коммуникативного акта [66].

Коммуникативное поведение, как частный аспект понятия «общение», является объектом исследования в психологии со второй половины XX века и впервые получил систематическое осмысление в работах представителей социальной психологии и социолингвистики. В зарубежных исследованиях ключевую роль сыграли работы Ю. Хабермаса и Дж. Холмса, в которых коммуникативное поведение рассматривается как рациональное взаимодействие, направленное на достижение взаимопонимания [169, 209]. Российский лингвист И.А. Стернин определил понятие «коммуникативное поведение» как поведение личности или группы в процессе общения, регулируемое нормами и традициями определенной группы людей [124], реализующееся в двух аспектах – вербальном и невербальном. Вербальный аспект связан с речевыми формами выражения мысли, невербальный – с неречевым, но непосредственно участвующими в процессе коммуникации (жесты, мимика, дистанция, позы) [102]. Вербальное коммуникативное поведение – социально обусловленные правила, связанные с тематикой и особенностями организации общения в определенных коммуникативных условиях [124, С. 19], тогда как невербальное коммуникативное поведение – это система норм и правил, регулирующих использование невербальных сигналов в процессе коммуникации (жестов, мимики, взгляда, позы, движения, физического контакта, дистанции и пространственного расположения и др.), включающее непроизвольно выражаемые сигналы отношения к собеседнику, а также совокупность социально значимых символов, принятых в конкретном обществе [124, С. 20].

Понятие коммуникативного поведения в цифровой социальной среде начинает формироваться в 1990 годы и рассматривается в рамках прикладных вопросов обработки и передачи данных, проектирования технических средств и систем человеко-машинного взаимодействия. С распространением персональных компьютеров в науке складывается социально-психологическая исследовательская линия, в фокусе которой оказываются вопросы результативности взаимодействия пользователей, норм и культуры

виртуального общения, а также влияние интернет-технологий на личность и социум в целом [1]. Цифровая социальная среда, по мнению А.Л. Журавлева, отражает не только психологические характеристики пользователей, но и их действий, связей и отношений в процессе опосредованного техническими средствами взаимодействия [49]. В настоящее время цифровое пространство представляет собой не обособленную сферу жизни, а гибридную, взаимодополняющую среда, интегрирующую цифровые и нецифровые аспекты социальной жизни [39, 43, 99], в котором граница между «живым» и «неживым», «одушевленным» и «неодушевленным», являющаяся для нецифрового взаимодействия очевидной, становится вероятностной [71]. Д. Уолтер изучал межличностную и групповую коммуникацию в цифровом пространстве и определял коммуникативное поведение в цифровой среде, как средство преодоления пространственных и временных барьеров, обеспечивающее расширенный способ социального взаимодействия [219]. С. Херринг рассматривает цифровую коммуникацию как опосредованное техническими устройствами межличностное взаимодействие, реализуемое прежде всего через текстовые сообщения и визуальные компоненты – изображения, эмодзи, мемы, аватары и другие графические элементы [172]. По мнению Е.И. Горошко коммуникация в цифровой среде представляет собой социально детерминированный процесс, в ходе которого информация передается и воспринимается как в межличностном, так и в массовом формате, охватывая различные типы дискурса – от личного до институционального, и реализуется посредством множества каналов с использованием разнообразных вербальных и невербальных языковых средств [36]. Дискурс в данном контексте понимается как текст, неразрывно связанный с экстралингвистическими параметрами – прагматическими, социокультурными, психологическими и иными условиями, которые определяют его интерпретацию и функционирование. Согласно И.Н. Розиной компьютерно-опосредованная коммуникация – это процесс, реализующийся в открытой цифровой среде посредством вербальных каналов (тексты, графика,

аудио- и видеоматериалы, изображения) и создающий условия для возникновения интернет-сообществ и формирования пользователями особых стратегий самопрезентации [104].

С целью выявления и упорядочения структурных различий и специфики коммуникации в цифровой и нецифровой реальности проанализируем следующие параметры: пространственно-временные характеристики; каналы коммуникации; идентичность и самопрезентация; социальные нормы и ритуалы; речевая коммуникация; управление впечатлением и коммуникативные риски.

Фиксируются существенные различия в пространственно-временных параметрах коммуникации, осуществляемой в условиях цифровой и нецифровой реальности. В цифровой социальной среде пользователи имеют возможность создавать контент и получать доступ к любым коммуникативным веб-инструментам, связываться с неограниченным количеством пользователей вне зависимости от физического местоположения, кроме того, базовыми характеристиками цифровой коммуникации, являются «электронная форма существования текста, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность/асинхронность, вариативность количества коммуникантов» [139], а действия пользователя в цифровой информационной среде не ограничиваются ни пространственными, ни временными рамками [113]. Общение в цифровом пространстве характеризуется отличным от непосредственного межличностного взаимодействия временным компонентом, в котором участники коммуникации, отвечая на сообщение, могут воспользоваться паузой [210], паузы между репликами могут иметь неограниченную длительность, а отправленное сообщение или комментарий могут полностью игнорироваться и оставаться без ответной реакции [14].

Характер каналов коммуникации оказывает детерминирующее влияние на процесс взаимодействия, при этом фиксируются принципиальные различия между опосредованным и непосредственным техническими средствами коммуникативным поведением. Обмен смыслами в диалоге в нецифровой

среде осуществляется не только вербально, но и невербальными средствами (за счет характера и интенсивности движений, поз, темпа и ритма речи), регулируется эмоциями, которые испытывают общающиеся индивиды. Невербальными средствами передается более 60% информации [110]. В процессе непосредственного общения невербальное и вербальное поведение взаимосвязаны, а интерпретируемое невербальное поведение является результатом взаимодействия личности и ситуации общения, что приводит к формированию новых смыслов [66]. Д. Уолтер указывает на отсутствие невербальных сигналов в коммуникативном поведении в цифровой среде, как на причину безличных и ориентированных на задачу сообщений, при котором участники адаптируются к ограничениям канала, компенсируя отсутствие невербальных сигналов через вербальные средства». [219]. Отсутствие невербальных сигналов в цифровом взаимодействии оказывает существенное влияние на языковые практики, стимулируя развитие компенсаторных механизмов, связанных с преобразованием текстовых сообщений с целью компенсации отсутствия невербальной стороны общения графическими элементами (эмодзи, смайлы, стикеры, картинки) [36]. Участники общения в цифровой среде не видят реакцию друг друга, что ограничивает эмоциональный компонент коммуникации, следовательно, субъект коммуникации может понять состояние собеседника, только в случае графического обозначения эмоционального состояния («смайлы», картинки, описание эмоций словами), в противном случае высока вероятность неверной интерпретации или полного непонимания эмоционального контекста со стороны собеседника [140].

Цифровая социальная среда, в отличие от нецифровой, лишена привычных коммуникативных барьеров, благодаря чему пользователи социальных сетей и мессенджеров получают практически неограниченные возможности для самовыражения и самоутверждения, что позволяет им конструировать собственный виртуальный мир и выбирать роли, которые могут существенно отличаться от их реальных ролей в нецифровом

пространстве.

В социальном взаимодействии в нецифровой среде самопрезентация понимается как тактика предоставления информации и процесс управления ею для создания впечатления о себе [37]. В цифровой среде самопрезентация рассматривается как способ представления информации пользователем для создания и управления впечатлением о себе и реализуется через представление различной (реалистичной или нереалистичной) информации в сетях для достижения различных целей – от простых информационных до стремления обмануть, создав нереалистичный образ. [62]. С точки зрения психологии социальные сети оказывают влияние на конструирование идентичности и самопрезентацию, при этом самопрезентация в цифровой среде становится необходимой повседневностью и отождествляется с подтверждением самоофективности [84]. Стратегии формирования идентичности и модели самопрезентации участников коммуникации трансформируются при переходе из непосредственного взаимодействия в цифровое социальное пространство. Анонимность общения в социальных сетях позволяет преодолевать многие коммуникативные барьеры, связанные с внешним обликом, полом, возрастом и социальным положением его участников, позволяя создавать любой образ [36]. Идентичность в цифровой среде целенаправленно конструируется, чтобы быть эксплицитно представленной другим пользователям, обладает легкостью видоизменения вплоть до замены на полностью противоположное, а также создания нечасто встречающихся в нецифровой среде феноменов не просто множественной, а полностью альтернативной идентичности [21], кроме того, в различных ситуациях идентичность может формироваться из множественных сетевых идентичностей, сознательно используемых пользователями [23]. При интеграции личности в цифровое пространство происходит смена социального взаимодействия и формирование нового вида идентичности, который описывается цифровыми характеристиками и не всегда совпадает с её реальными, что позволяет пользователям причислять себя к чему-то единому и глобальному, в чем и заключается главная

привлекательность цифровой социальной среды в отличие от нецифровой [59]. Феномен альтернативных идентичностей в не опосредованной техническими средствами реальности, рассматривается как патологическое состояние, при этом, в цифровом пространстве явление альтернативных идентичностей воспринимается как норма [23]. Идентичность в цифровой среде связана с самопрезентацией и самоопределением личности ввиду того, что современные цифровые технологии открывают возможности для проявления индивидуальности личности и вариативности самопрезентации [119], у пользователей появляется возможность управлять самопрезентацией, включая время составления сообщений, редактирование текста, сложность предложений и модальность сообщений, адресованных различным участникам коммуникации, создавая более успешный образ [220].

Социальные нормы и правила в цифровой среде являются более гибкими, динамичными, ситуативными и менее формализованными, в отличие от более устойчивых и четко регламентированных норм в нецифровом взаимодействии. По мнению В.В. Федорова, в цифровом пространстве «...предоставляется свобода высказывания (благодаря анонимности и интерактивности). В этом пространстве пользователи конструируют иллюзию отсутствия посредников в виде официальных акторов, государственных и социальных институтов. Здесь культурные нормы более подвижны, а сама культурная парадигма подвергается релятивизму, воспринимается относительно» [128]. У пользователей создается иллюзия свободы, которая может регулироваться некоторым сводом норм и правил, нарушение которых может приводить к непониманию и негативному отношению участников коммуникации друг к другу [36]. Т.В. Юдеева отмечает, что субъекты коммуникации в цифровом пространстве стремятся к поведению, отличному от их поведения в нецифровой среде: в социальных сетях они создают ситуации, которые невозможны, непозволительны или противоречат установленным нормам в реальной, повседневной жизни [140].

Трансформацию в условиях цифрового и нецифрового взаимодействия демонстрируют и принципы организации и функционирования речевой коммуникации (дискурса). К.Ф. Седов определяет дискурс как объективно-существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социального взаимодействия людей [108]. В условиях цифровой социальной среды содержание, структура и реализация коммуникативного поведения выражается посредством текстовых сообщений, содержащих черты устной речи, реализуемой в письменной форме. Текст, созданный для интернет-коммуникации, не является письмом в традиционном понимании, а представляет собой «систему символов, знаков и образов с клишированными смыслами» [64]. Коммуникативному поведению в цифровой среде также свойственна репрезентация языка в символах и графических элементах (эмодзи, смайлы, стикеры), выполняющая функцию реализации невербального коммуникативного компонента, который отсутствует в цифровой коммуникации [61]. Кольцова Е.А. также указывает на формирование социальной семиотики в цифровой сфере (digital semiotics), отличающейся мультимодальным характером и включающей такие паралингвистические знаки, как эмодзи, эмотиконы, мемы и др., компенсирующие и замещающие невербальные каналы коммуникации, свойственные живому речевому взаимодействию [61]. В цифровой социальной среде речевое сообщение существенно трансформируется: намеренное нарушение орфографических и грамматических норм («превед»), использование ненормативной лексики и сленга («задисил», «репостить») [11], сокращений («пж», «спс»), транслитерации («сори», «плиз»), а также широкое применение эмодзи и стикеров. По данным исследований В.Б. Никишиной и др. 2018–2019 гг. около 46% высказываний в цифровой среде выражаются в форме неконструктивных паттернов (агрессия, отрицание, демонстративное поведение, сексуализированная агрессия) и содержат до 70% обсценной лексики, бессмысленных фраз, сленга и намеренных ошибок [91].

Кардинальную трансформацию при переходе в цифровую социальную среду претерпевают стратегии управления впечатлением и структура коммуникативных рисков. В коммуникативном поведении в цифровой среде пользователи могут оставаться анонимными, целенаправленно скрывая свою личность и создавая несуществующие («фейковые») страницы, содержание которых не отражает реальную личность пользователя и не несет достоверной информации о нем [22, 30], что способствует раскрепощению и росту деструктивных форм коммуникации, поскольку пользователи, не опасаясь немедленной реакции, разоблачения или наказания, проявляют свободу высказывания [140]. В виду отсутствия синхронной (моментальной) обратной связи в коммуникативном поведении в цифровом пространстве, пользователь не может ответить агрессору, так как тот остается анонимным [132]. Возможность отсроченной обратной связи позволяет субъектам коммуникации обдумать ответ и выбрать соответствующие слова (как более жесткие формулировки, высказывания, оскорбления, так и более мягкие и позитивные реакции) [210]. Анонимность интернет-пространства, его бестелесность являются благоприятными условиями для распространения деструктивной коммуникации в цифровой среде [81].

Проведенный сравнительно-феноменологический анализ коммуникативного поведения в цифровой и нецифровой среде позволяет констатировать наличие системных трансформаций в коммуникативном поведении при переносе коммуникации из нецифровой реальности и цифровое социальное пространство. Коммуникативное поведение в цифровой социальной среде характеризуется асинхронностью коммуникации, гибкостью нормативных систем, снижением механизмов социального контроля, упрощением лингвистической структуры речи, сужением каналов коммуникации. Таким образом, в коммуникативное поведение в цифровой социальной среде невозможен прямой перенос закономерностей и параметров коммуникации из нецифровой социальной реальности. (Таблица 2).

Таблица 2. Сравнительно-феноменологические характеристики коммуникативного поведения в условиях цифровой и нецифровой социальной реальности

Критерий анализа	Нецифровая социальная среда	Цифровая социальная среда
Пространственно-временные характеристики	Синхронность. Общение происходит в настоящий момент, в общем физическом пространстве. Время линейно и необратимо.	Асинхронность. Коммуникация может быть отложенной (ответ на сообщение, комментарии). Физическое местоположение не имеет значения. Пространство сужено до интерфейса смартфона/компьютера.
Каналы коммуникации	Задействованы все каналы коммуникации: вербальный, невербальный (жесты, мимика, поза), паралингвистический (тон, тембр)	Преобладает вербальный текст, опосредованный техническим устройством. Невербалика передается опосредованно (смайлы, эмодзи, стикеры, GIF)
Идентичность и самопрезентация	Идентичность презентуется целостно и во многом произвольно (внешность, возраст, пол, произвольные реакции).	Личность может создавать свой образ (аватар, ники, профили). Возможна множественность идентичностей и самопрезентаций в разных сообществах и социальных сетях
Социальные нормы и ритуалы	Жесткая нормативность. Нормы (этикет, дистанция) усваиваются с детства. Социальный контроль непосредствен и строг.	Гибкость и формируемость. Нормы формируются, не нормированы и варьируются в разных сообществах (субкультурах, чатах). Контроль опосредован и часто асинхронен.
Речевая коммуникация	Стабильность языковой нормы. Речь подчинена кодифицированным нормам литературного языка.	Гибридность и креативность. Формируется новая лингвистическая структура коммуникации (аббревиатуры, заимствования, сленг, мемы как единицы коммуникации)
Управление впечатлением и коммуникативные риски	Непосредственная обратная связь. Реакция собеседника очевидна и мгновенна, что позволяет быстро корректировать поведение. Риски – конфликт, социальное отвержение.	Отсроченная и/или искаженная обратная связь. Реакция может быть отсрочена (лайки, комментарии). Риски – травля (кибербуллинг), язык ненависти (хейт-спич), издевательства, провокации (троллинг)

1.3. Критериально-сравнительный анализ проявлений деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде и нецифровой социальной среде

Критериально-сравнительный анализ проявлений деструктивности коммуникативного поведения в цифровой и нецифровой социальной среде осуществлялся по информационным базам данных Web of Science, Lens, ELibrary; глубина поиска составила 15 лет.

В коммуникативном поведении личности или группы выделяют конструктивные и деструктивные тенденции, проявляющиеся в специфических вербальных и невербальных паттернах, определяя тем самым эффективность/неэффективность социального взаимодействия и достижение или не достижение коммуникативных целей. По мнению Т.В. Юдеевой, коммуникативное поведение включает в себя совокупность установок, мотивов и стратегий поведения, определяющих направленность коммуникации в целом и выражающихся в деструктивных и конструктивных формах [140].

Д. Дэвидсон и Г. Харман определяют конструктивное коммуникативное поведение как эффективное и позитивное общение, в котором участники достигают поставленных целей, соответствующих их мотивам, используя способы взаимодействия, не вызывающие у собеседников чувства недовольства или разочарования [212]. Согласно И.А. Стернину, конструктивное поведение – это поведение, соответствующее коммуникативным нормам конкретной лингвокультурной общности и типичное для большинства представителей социума или группы в стандартных коммуникативных ситуациях [123]. Э. Фромм определял деструктивность как страсть человека к полному господству над другим живым существом и желание разрушать [130]. Я.А. Волкова рассматривает деструктивное коммуникативное поведение как поведение, направленное на умышленное причинение морального и физического вреда участнику коммуникации, при котором агрессор испытывает удовлетворение от

страданий жертвы и остается убежденным в собственной правоте [24, с. 48]. Т.В. Юдеева рассматривает деструктивное коммуникативное поведение как совокупность вербальных и сопутствующих им невербальных проявлений в процессе общения, которые противоречат принятым в конкретной культуре или социальной группе нормам и правилам коммуникации и обусловлены негативными установками и деструктивными мотивами [140].

По мнению А.И. Лучинкиной, в социальных сетях деструктивное коммуникативное поведение выражается в публикации постов, содержащих нецензурную лексику, провокационный контент, сообщения, направленные на оскорбление и ущемление личности других пользователей [81]. По мнению К.Ф. Седова, в цифровом пространстве деструктивным коммуникативным поведением являются не только проявления речевой агрессии (коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию) у объекта речевого воздействия), жестокости, насилия и иных форм негативного взаимодействия в цифровой среде, целенаправленно причиняющих психологический вред личности и разрушающих межличностные и социальные связи, но и действия, способствующие формированию и распространению негативного поведения в цифровом пространстве или провокации соответствующего поведения в нецифровой реальности [109, 100]. Вербальные проявления деструктивности в цифровом общении представляют собой форму речевого поведения участников коммуникации, намеренно ориентированного на разрушение ценностных ориентаций адресата и нанесение ему психологических страданий. Для данного поведения характерны переживание удовольствия от страданий другого человека. Деструктивная речевая стратегия основывается на стремлении к самоутверждению путем унижения собеседника и реализуется через специфические деструктивные тактики — последовательности коммуникативных действий, нацеленных на достижение деструктивного эффекта [28].

Ряд авторов связывают возникновение деструктивного поведения в цифровой среде с индивидуальными особенностями личности, воздействием социокультурного окружения, а также усвоенными когнитивными и поведенческими паттернами. Эмпирические данные фиксируют наибольшую уязвимость перед данными деформациями у подростков и молодежи, чья эмоционально-волевая сфера характеризуется аффективной возбудимостью, снижением регуляторного контроля и дефицитностью эмпатийных способностей. Данная тенденция усиливается при нахождении в неблагоприятной социальной среде, а также в случае личного опыта насилия или травли [180]. Нарушение процесса усвоения общественных и социальных норм приводит к тому, что подростки и молодежь воспринимает агрессию как допустимый механизм преодоления конфликтных ситуаций, что способствуют формированию и закреплению деструктивных поведенческих моделей. Кроме того, подростки и молодежь с выраженной склонностью к агрессии чаще других транслируют свои негативные эмоции в социальных сетях. В ходе общения они нередко используют манипулятивные приемы, проявляют дерзость и провокационность, а также активно применяют в речи ненормативную лексику. Лица с выраженной диссоциальной направленностью личности в общении в цифровой социальной среде чаще используют конфронтационные стратегии взаимодействия, где агрессия выступает инструментом доминирования, механизмом компенсации личностной уязвимости, способом реализации враждебных интенций [17, 40, 67]. Согласно исследованиям В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш и др. общение молодежи в цифровом пространстве подвержено трансформации речевой модели коммуникативного поведения, включающей устойчивую тенденцию к сокращению длины сообщений и упрощению грамматических конструкций: молодежь чаще использует краткие речевые формы, что повышает эмоциональную экспрессивность коммуникации, снижая семантическую составляющую и способствует формированию конфликтной среды через такие деструктивные формы вербального поведения как агрессия, отрицание,

демонстративность, сексуализированная агрессия [89, 91]. При сетевой агрессии, поведение всегда направлено на нанесение оскорбления или преднамеренного вреда отдельной личности, какой-либо социальной группе, компании или обществу в целом [75].

В цифровом социальном пространстве деструктивное поведение рассматривается как проявление речевой агрессии, реализуемой через различные формы деструктивной коммуникации – кибербуллинг, интернет-троллинг, флейминг и шейминг [29]. Данные формы коммуникации выражаются посредством речевых сообщений, содержащих агрессивные, уничижительные или провокационные речевые акты. Ключевыми чертами деструктивного коммуникативного поведения в цифровом пространстве выступают доминирование агрессивной интонации, иронии и провокаций, а также активное использование обценной (ненормативной) лексики. Таким образом, речевые сообщения превращаются в основной инструмент влияния на собеседника. Речевое поведение формирует коммуникативное пространство – зону реальных и потенциальных взаимодействий между участниками диалога, представление о котором напрямую определяет выбор типа речевого поведения в конкретной коммуникативной ситуации. Являясь участником коммуникации, каждый пользователь привносит в процесс общения собственное видение коммуникации, свою роль в ней, личные ценностные установки и представления о предмете разговора. Именно на основе этих внутренних установок субъекты выбирают определенные речевые стратегии и тактики, реализуя в рамках общения либо конструктивные, либо деструктивные речевые поступки [26]. Т.А. Воронцова определяет речевую агрессию как намеренное, мотивированное и провоцирующее конфликты речевое поведение, направленное на оказание негативного эмоционального воздействия на собеседника. Такое деструктивное коммуникативное поведение может проявляться в любых видах дискурса и формах общения. При этом конкретные способы его выражения зависят от характера самого дискурса и условий, в которых осуществляется коммуникация [26].

С целью выявления специфических особенностей и механизмов проявления деструктивных тенденций в различных средах взаимодействия, был проведен критериально-сравнительный анализ проявлений деструктивности коммуникативного поведения в цифровом и нецифровом социальном пространстве по следующим критериям: анонимность/идентифицируемость; пространственно-временные характеристики; аудитория и масштаб; нормативно-правовое регулирование; материальность/виртуальность последствий.

Анонимность, присущая коммуникации в цифровой среде, способствует тому, что участники общения недооценивают общественную значимость и потенциальную опасность своих речевых высказываний, а также реальный вред, наносимый собеседнику, а в случаях осознания наносимого вреда, многие считают, что находятся за пределами правового поля и не подлежат юридической ответственности за подобные действия [28]. Дж. Сулер в своих исследованиях показывал, что в условиях анонимного взаимодействия в цифровом социальном пространстве проявляется эффект онлайн-дезингибиции (онлайн-растормаживания), который связан со снижением самоконтроля, ослаблением действия внутренних норм и ограничений у участников коммуникации [210, 17]. Эффект онлайн-дезингибиции может реализовываться в двух формах: в виде позитивного (*benign disinhibition*) или негативного (*toxic disinhibition*) растормаживания. Позитивное растормаживание (*benign disinhibition*) выражается в демонстрации пользователями поддержки, эмпатии, готовности делиться личными страхами, переживаниями и чувствами, которые в случае нецифровой коммуникации они не смогли бы выразить открыто. Негативное растормаживание (*toxic disinhibition*), напротив, выражается в агрессивных и враждебных формах коммуникативного поведения, включающих открытое выражение ненависти, угрозы, оскорбления и другие проявления деструктивности в цифровом пространстве [210]. Дж. Сулер выделяет шесть ключевых характеристик цифровой социальной среды, способствующих формированию эффекта

онлайн-дезингибиции:

1. Диссоциативная анонимность, позволяющая пользователям скрывать свою истинную личность или создавать любые образы, снимая с себя ответственность за совершаемые действия.

2. Невидимость, способствующая уменьшению страха осуждения и позволяющая пользователям вести себя более раскрепощенно в виду отсутствия визуального контакта с собеседником.

3. Асинхронность, предполагающая отсутствие немедленной реакции со стороны собеседника, что снижает уровень тревоги и самоконтроля, позволяя пользователям более свободно выражать свои мысли.

4. Солипсическая интроекция, позволяющая пользователям наделять собеседника определенными характеристиками, основываясь на своих собственных представлениях и потребностях, что может приводить к искаженному восприятию другого человека.

5. Диссоциативное воображение способствует восприятию собственной коммуникации в цифровой среде как игровой, где могут быть установлены правила и нормы, не имеющие отношения к реальной жизни и не приводящие к реальным последствиям.

6. Снижение значимости статуса и власти. В условиях анонимности в цифровой среде участники коммуникации не могут достоверно определить статус собеседника, что стирает иерархию и создает ощущение равенства среди участников общения.

Ряд отечественных и зарубежных авторов рассматривают эффект онлайн-растормаживания как один из базовых факторов, лежащих в основе формирования деструктивных форм коммуникативного поведения в цифровой среде, включая троллинг, хейт, буллинг и другие виды агрессивного взаимодействия [70, 167, 187, 194]. Распространение и закрепление подобных моделей коммуникации в цифровой среде способствует формированию устойчивых деструктивных коммуникативных стереотипов, которые могут переноситься в условия реального взаимодействия, приводя к

распространению деструктивных форм коммуникативного поведения молодежи за пределы цифрового социального пространства.

В непосредственном межличностном взаимодействии обеспечение взаимопонимания в диалоге осуществляется посредством процессов обратной связи, на основе которых производится коррекция информации или речевых действий [195]. В коммуникативном поведении в цифровой среде, реализующемся с помощью обмена речевыми сообщениями, отсутствует визуальный контакт, позволяющий человеку понять реакции другого в ответ на собственное сообщение. Отсутствие непосредственных социальных сигналов, а также синхронной эмоциональной и когнитивной реакции участником коммуникации в ответ на сообщение, позволяет коммуникантам рассматривать свои негативные высказывания в границах допустимого [96].

В цифровом социальном пространстве коммуникативное поведение обладает свойством глобальности, под которой понимается предельное расширение коммуникативного пространства. Пространственно-временные и географические границы не являются препятствием для коммуникации, таким образом, появляется возможность установления контакта с любым пользователем сети в любой точке мира. Аудитория, на которую распространяются сообщения (как конструктивной, так и деструктивной направленности) может быть практически неограниченной [201]. Физическое (географическое) расположение человека перестает быть значимым фактором, участники цифровой коммуникации могут не пересекаться в реальной жизни, но являться членами одного онлайн-сообщества или группы. Коммуникация в цифровой среде демонстрирует процессы глобализации: информационные границы исчезают, возникает единое виртуальное пространство, социальные и иные различия стираются [68].

Безнаказанность и отсутствие последствий позволяют транслировать агрессивное поведение несмотря на возможное наличие морально-этического воспитания человека [81]. В условиях коммуникации в цифровой среде исчезают барьеры и запреты, регулирующие поведение в аналогичной

ситуации нецифрового пространства, трансформируются ориентиры, на которые человек обычно опирается, взаимодействуя с другими в повседневной жизни (офлайн) [96]. Фиксируя отсутствие наказания, пользователь ведет себя в цифровом пространстве так, «как если бы все процессы, контролирующие поведение, поступки, были бы приостановлены на время. Действуя в интернет-пространстве, люди могут убедить себя, что это «не они»». Наблюдение за деструктивным поведением в цифровой среде, где субъекты коммуникации чувствуют себя абсолютно безнаказанными и продолжают свои действия, не боясь осуждения или уголовного наказания, позволит пользователям смоделировать и перенести деструктивное поведение в не опосредованную техническими средствами реальность [87, 96].

В цифровом пространстве пользователи воспринимают свободу в качестве главной ценностной установки, позволяющей не следовать социальным законам, избавиться от давления общепринятых в реальном мире норм, правил, традиций и совершать любые действия абсолютно безнаказанно [87]. В нецифровой среде границы индивидуальной свободы жестко регулируются и регламентируются законодательством и нормативными правовыми актами. В настоящий момент в Российской Федерации взаимоотношения субъектов в части юридической ответственности граждан за деструктивное поведение и поступки в цифровой среде урегулированы только в рамках законодательных актов аналогичного поведения в нецифровой реальности. В последние десятилетия в связи с ростом распространенности деструктивного поведения в цифровой социальной среде, в квалифицирующие признаки в диспозициях ряда статей особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации включена формулировка «совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» или формулировка «в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"». (ст. 110 УК РФ, 110.2 УК РФ, ст. 119 УК РФ, ст.

128.1 УК РФ, ст. 133 УК РФ, 2 ст. 150 УК РФ, ст. 151 УК РФ, ст. 151.2 УК РФ, ст. 205.2 УК РФ, ст. 242 УК РФ, ст. 242.1 УК РФ, ст. 242.2 УК РФ, ст. 272.1 УК РФ, ст. 280 УК РФ, ст. 282 УК РФ, ст. 282 УК РФ, ст. 5.61 КоАП РФ, ст. 5.61 КоАП РФ, ст. 20.3.1. КоАП РФ).

Регулирование деструктивного коммуникативного поведения в цифровом социальном пространстве остается сложной задачей, несмотря на наличие законодательных норм. Одними из главных трудностей являются анонимность пользователей, мешающая установить личность правонарушителей и привлечь их к ответственности, а также позиция интернет-платформ в части нежелания предоставления данных государственным органам в связи с условиями защиты конфиденциальности пользователей. Компании или цифровые сервисы, предоставляющие доступ к сети «Интернет», обязаны соблюдать требования по модерации контента, защите данных и взаимодействию с правоохранительными органами. Однако, сама модерация чатов и сообществ в цифровой среде не регламентирована на законодательном уровне. В обязанности модератора входит соблюдение пользователями установленных норм поведения, однако в большинстве локальных виртуальных групп существуют специальные разделы, в которых модерирование практически не осуществляется. Деятельность модератора обладает во многом субъективным характером, так как не имеет определенного и установленного регламента [112]. Отсутствие нормативных стандартов модерации создает условия для проявления когнитивных искажений, когда модераторы проецируют собственные нормативные установки на группу, игнорируя культурные и ценностные различия аудитории. Кроме того, анонимность цифровой среды снижает персональную ответственность как у участников коммуникации, так и у самих модераторов, что ведет к произвольной интерпретации нормативных границ допустимого поведения.

Таким образом, проведенный критериально-сравнительный анализ, фиксирует специфические проявления в коммуникативном поведении в

цифровой социальной среде, способствующие возникновению, распространению и закреплению деструктивных паттернов и их ретрансляции, и распространению в цифровой реальности. На основании проведенного анализа была составлена таблица проявлений деструктивности коммуникативного поведения в цифровой и нецифровой социальной среде (Таблица 3).

Таблица 3. Критериально-сравнительный анализ проявлений деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде и нецифровой социальной среде

Критерий	Нецифровая социальная среда	Цифровая социальная среда
Анонимность/ идентифицируемость	Коммуникация преимущественно персонифицирована. Личность напрямую идентифицируема (внешность, голос, социальный статус)	Возможность полной или частичной анонимности, использования фейковых аккаунтов, фотографий
Пространственно-временные характеристики	Физическое присутствие создает непосредственную эмоциональную обратную связь (боль, страх, слезы)	Отсутствие немедленной эмоциональной реакции собеседника
Аудитория и масштаб	Аудитория ограничена физическими рамками. Распространение информации контролируется и локально	Ничем не ограниченная аудитория. Высокая скорость распространения деструктивного контента (скриншоты, репосты).
Нормативно-правовое регулирование	Четкие социальные нормы и институализированные санкции (осуждение, административная или уголовная ответственность)	Правоприменительная практика регламентации поведения отстает от законодательных инициатив. Модерация чатов/сообществ не контролируется. Социальные нормы часто игнорируются
Материальность/ виртуальность последствий	Последствия реальны и материальны	Безнаказанность. Последствия отсрочены во времени.

В цифровой социальной среде отсутствие непосредственной эмоциональной обратной связи (в соответствии с теорией социального

присутствия) снижает эмпатическую вовлеченность участника коммуникации, что, в совокупности с возможностью идентификационной анонимности, создает условия для формирования эффекта онлайн-дезингибиции. Цифровая социальная реальность характеризуется ослаблением связи между действием и ответственностью за это действие; неограниченным масштабированием информации, виртуализацией и отсроченностью последствий; формированием иллюзии безнаказанности; игнорированием социальных норм и отсутствием строгой нормативной регламентации.

1.4. Концептуальное моделирование проблемы макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде

Теоретико-методологической основой исследования макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде являются: положения комплексного подхода Б.Г. Ананьева [2]; теоретические подходы к изучению общения в отечественной психологии (В.Н. Куницина, В.А. Лабунская, Г.М. Андреева) [63, 66, 3, 4]; исследования в области социальной психологии личности (В.А. Шорохова, Т.Д. Марцинковская, О.А. Тихомандрицкая, Е.П. Белинская, Н.Л. Иванова, Р.М. Шамионов, Е.В. Рягузова) [138, 83, 84, 125, 7,8, 51, 134, 135, 105]; теоретические подходы к исследованиям в области коммуникации в цифровой среде (А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, Л.М. Попов, Г.У. Солдатова) [48, 49,89, 90, 91, 101, 114, 115, 119]; исследования в области социальной психолингвистики (К.Ф. Седов, И.А. Стернин, М.Б. Бергельсон, Л.Й. Витгенштейн) [108, 109, 124, 10, 19].

Общение рассматривается как особый вид психологической активности, результатом которой являются формирования и трансформации в когнитивной (образы, впечатления, понятия, представления, интерпретации, эталоны, стереотипы и т.д.), эмоциональной сфере личности (чувства, состояния и т. д.), а также изменения в системе межличностных отношений, поведенческих

паттернах и способах взаимодействия с другими людьми посредством обмена информацией, взаимовлиянием партнеров друг на друга, обмена ролями, самоутверждения и образования партнерами новой системы, в которой происходит обмен их личностными содержаниями [66, 63, 42]. Межличностное общение, которое осуществляется посредством речевого и неречевого воздействия, обеспечивает определенные взаимоотношения между участниками общения [66, 63]. В ходе обмена сообщениями собеседники адаптируют их к конкретной ситуации общения, а содержание полученной информации подвергается значительной переработке и реструктуризации в зависимости от возникающей оценки себя, партнера и окружающей обстановки [63].

Коммуникативное поведение молодежи в процессе общения охватывает процессы взаимодействия субъектов, в роли которых могут выступать отдельные личности и группы, реальные и воображаемые партнеры. В процессе общения осуществляется обмен информацией, взаимовлияние партнеров друг на друга, обмен ролями, самоутверждение и реализация иных функций [63]. При этом, согласно положениям теории М.Б. Бергельсон о трех функциях сообщений, общая картина коммуникационного взаимодействия складывается из взаимодействия информации, эмоций и ролей и отражает три важнейших функции коммуникации, поскольку позволяет участникам выразить некоторую внешнюю по отношению к самим участникам реальность (информацию), внутреннее эмоциональное состояние, а также статусные (социальные) роли, в которых они пребывают друг относительно друга [10]. Подчеркивая взаимосвязь между языком как средством общения, общением в целом, а также контекстом его реализации, Л. Витгенштейн указывал на то, что значение слова не является абстрактным понятием, а определяется его использованием в конкретной ситуации и социальным окружением, которому должны быть понятны применения слов собеседника. Понимание смысла в коммуникации – определенная умственная процедура, предполагающая такую передачу сообщения, при которой неизменной остается его сущность,

соотносимая с реальностью [19].

Согласно положениям теории социальной психолингвистики К.Ф. Седова коммуникативное поведение – устойчивая совокупность вербальных и невербальных актов, представляющая собой целостное многоуровневое образование, отражающее не только индивидуально-психологические особенности субъекта коммуникации, но и усвоенные в ходе социализации культурные коды, нормы и ценности. Коммуникативное поведение обладает измеримостью и индивидуальной вариативностью, формируясь в результате интериоризации социального опыта и проявляясь в конкретных коммуникативных практиках. Оно выступает как динамический процесс трансляции внутренних психологических состояний во внешнее социальное пространство посредством знаковых систем, включая речевые и неречевые средства [108].

Согласно положениям комплексного подхода Б.Г. Ананьева [2], коммуникативное поведение в цифровой социальной среде как социально-психологический феномен, характеризуется междисциплинарным статусом: изучение данного феномена осуществляется с использованием социологических, психолингвистических методов и технологий, а также автоматизированных компьютеризированных систем для анализа психологического содержания. с (А.Л. Журавлев) [48]. Цифровая социальная среда выступает отражением как психологических характеристик пользователей, так и их действий, связей и отношений в процессе коммуникативного поведения в цифровой социальной среде, что требует разработки и использования автоматизированного анализа текстовых сообщений (А.Л. Журавлев) [48, 49].

В психологической науке исследователи выделяют различные единицы для анализа конкретных психологических компонентов, представленных в структуре изучаемого явления, что является признаком методологической зрелости того или иного направления в науке и началом систематического построения теории (Н.Д. Гордеева, В.П. Зинченко, 1982; А.Л. Журавлев, 2024)

[34, 49]. В соответствии с данным положением для исследования коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде был выбран принцип перехода от текстового материала к психологическим и смысловым категориям, представленным в содержании текстов, а в качестве единиц анализа были выделены речевые сообщения и речевые единицы. Согласно определению И.А. Зимней, речевым сообщением является сложное логическое и смысловое образование (высказывание, текст), а речевой единицей – законченное коммуникативное смысловое образование целого тематического высказывания (текста) [50]. Речевые единицы характеризуются лингвистической структурой (базовые структурные элементы языка, представленные частями речи: существительными, прилагательными, наречиями, глаголами, местоимениями и прочими частями речи) и семантическим содержанием (выражают определенный смысл, значение, или смысловое содержание).

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что деструктивность коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде содержательно и структурно проявляется в макропараметрах, как социально-психологических индикаторах обратной связи, отражающих общие тенденции коммуникативной активности, и микропараметрах, как структурно-содержательных индикаторах обратной связи в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде.

Дифференциация параметров коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде на макропараметры и микропараметры осуществлялось на основании лонгитюдных исследований В.Б. Никишиной и Е.А. Петраш (2013-2020) [89, 91].

Макропараметры являются социально-психологическими индикаторами обратной связи в реализации коммуникативного поведения в цифровой социальной среде, отражающими общие проявления коммуникативной активности. В качестве социально-психологических индикаторов обратной

связи в реализации коммуникативного поведения в цифровом социальном пространстве выступают:

- лайки, как выражение симпатии, одобрения, поддержки;
- репосты, как действие, осуществляющее передачу информации от одного пользователя к другому;
- просмотры, как визуальное восприятие информации без активного взаимодействия;
- наличие комментариев/ответов на комментарии, как показатель реакции и обратной связи на исходных пост.

Микропараметры являются структурно-содержательными характеристиками обратной связи в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде. В качестве структурно-содержательными характеристиками обратной связи в коммуникативном поведении в цифровой среде выступают:

- длина сообщения, как количественный параметр, выражающий степень вербальной активности пользователя;
- речевые сообщения, представленные в речевых единицах, которые, в свою очередь состоят из лингвистических (части речи) и семантических (смысловых значений) единиц, характеризуют смысловое содержание коммуникации и отражают социально-психологические особенности и установки участников коммуникации;
- модальность и коммуникативные стратегии сообщений, характеризующие позицию участника коммуникации и эмоциональное отношение как к содержанию коммуникации, так и к адресату сообщений, а также осознанное намерение, реализуемое в процессе формирования содержания коммуникации.

Исследуемые параметры коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде представлены в таблице 4 с дифференциацией на макропараметры и микропараметры.

Таблица 4. Исследуемые параметры коммуникативного поведения в цифровой социальной среде

Параметры коммуникативного поведения	
Макропараметры	Микропараметры
ПРОСМОТР ПОСТОВ/СООБЩЕНИЙ	ДЛИНА СООБЩЕНИЯ
КОММЕНТАРИЙ	МОДАЛЬНОСТЬ – отрицательная – положительная – амбивалентная
ОТВЕТ НА КОММЕНТАРИЙ	КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ – конфликтные – поддерживающие – нейтральные
ЛАЙК	ТЕМАТИКА (СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ПАРАМЕТР) – Жалобы – Благодарности – Помощь – Объявления – Учеба – Отвлеченные темы
РЕПОСТ	СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ (части речи) – Существительное – Глагол – Наречие – Местоимение – Прилагательное – Междометия – Прочие категории
	ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ – Сленг – Сокращения – Заимствования – Средства невербального общения – Обценная лексика – Обценная лексика как междометие – Оскорбления – Вербальные проявления сексуальной агрессии – Вербальные проявления физической агрессии

Концептуальное моделирование проблемы исследования макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде осуществлялось в соответствии с выделенными методологическими основаниями. В результате концептуального моделирования было сформулировано понятийно-категориальное пространство исследования:

Общение – особая форма психической активности, реализующейся посредством вербального и невербального взаимодействия, результатом которого становятся структурные преобразования в когнитивной, эмоционально-мотивационной и поведенческой областях участников общения, включая трансформацию межличностных связей, паттернов поведения и стратегий взаимодействия с окружающими, посредством обмена информацией, взаимовлиянием партнеров друг на друга, обмена ролями, самоутверждения и образования партнерами новой системы, в которой происходит обмен их личностными содержаниями [66, 63, 42,13].

Коммуникация – процесс человеческого взаимодействия, при котором создаются и интерпретируют сообщения с целью приспособления к окружающему миру и друг к другу, а также единый процесс трех элементов: информации, сообщения и понимания с помощью которых мы интерпретируем незнакомый язык, при этом, значение слова не является абстрактным понятием, а определяется контекстом, средством передачи информации и его использованием в конкретной ситуации.

Коммуникативное поведение – поведение личности или группы в процессе общения, регулируемое нормами и традициями определенной группы людей [124].

Деструктивное коммуникативное поведение в цифровой среде – целенаправленное коммуникативное действие, выражающееся в публикации постов, содержащих обценную лексику, провокационный контент, сообщения, направленные на оскорбление личности других участников коммуникации, а также действия, способствующие формированию и

распространению негативного поведения в цифровом пространстве или провокации соответствующего поведения в нецифровой реальности [81, 109].

Макропараметры коммуникативного поведения в цифровой среде представлены следующими понятиями:

Просмотр – это действие пользователя, заключающееся в визуальном восприятии информации (текста, изображения, видео) без активного взаимодействия (лайков, комментариев, репостов). Просмотр фиксируется в случае отображения информации на экране устройства пользователя в течение определенного времени, согласно алгоритмам используемой платформы.

Комментарий/ответ на комментарий – мнение пользователя, оставленное под публикацией, выраженное в форме речевого сообщения.

Репост – передача информации в социальных сетях или мессенджерах от одного пользователя к другому, выражающаяся в копировании публикации из другого аккаунта или сообщества на свою страницу с сохранением данных автора поста.

Лайк – (англ. like – «мне нравится») – цифровое/графическое выражение симпатии, одобрения, поддержки, согласия в социальных сетях и мессенджерах.

Микропараметры коммуникативного поведения в цифровой среде представлены следующими определениями:

Речевое сообщение – сложное логическое и смысловое образование (высказывание, текст) [50].

Речевая единица – законченное коммуникативное смысловое образование целого тематического высказывания (текста) [50].

Длина сообщения – количество лингвистических единиц в сообщении.

Модальность – семантическая категория, составляющая основу процесса интерпретации и оценки высказываний участников коммуникации [44], характеризующая целевую направленность речи и позицию коммуниканта к содержанию собственного высказывания. Данная направленность может выражаться грамматическими, стилистическими, лексическими,

синтаксическими, интонационными средствами, что позволяет считать модальность центральным элементом коммуникативного процесса.

Коммуникативная стратегия – выбор способа речевого поведения в конкретной ситуации, направленный на эффективное достижение цели общения [5], включающий планирование речевой коммуникации с учетом конкретных условий взаимодействия и личностных особенностей участников, а также практическую реализацию коммуникативного замысла посредством системы речевых действий, ориентированных на достижение поставленной коммуникативной цели [53]. Коммуникативные стратегии являются устойчивыми моделями построения процесса коммуникативного взаимодействия, определяемыми конкретной коммуникативной целью, зависящие от условий общения и индивидуальных особенностей участников коммуникации [123] и понимаются как осознанное намерение участника общения, реализуемое в процессе формирования содержания коммуникации [Лучинкина, 2017]. Выбор коммуникативного пространства, канала взаимодействия и типа общения напрямую определяет, одно или несколько дискурсивных намерений будут задействованы [80, 81].

Семантические единицы – речевые единицы, речевые сообщения (слова, словосочетания, предложения), которые выражают определенный смысл, значение, или смысловое содержание.

Лингвистические единицы – базовые структурные элементы языка. Единицей анализа в представленном исследовании является речевое сообщение, в котором рассматривается лингвистическая структура, представленная частями речи: существительными, прилагательными, наречиями, глаголами, местоимениями и прочими частями речи.

Концептуальная модель исследования макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях представлена в виде схемы (Рисунок 21).

Согласно концептуальной модели исследования субъекты коммуникации взаимодействуют друг с другом в цифровом социальном

пространстве посредством технических средств с использованием речевых и неречевых сообщений. Контекст, форма средства коммуникации, особенности цифровой социальной среды влияют на процесс и результат коммуникации. В цифровом пространстве коммуникативное поведение содержательно и структурно реализуется в форме речевых и неречевых сообщений, характеризующихся макро- и микропараметрами. Макропараметры являются социально-психологическими индикаторами обратной связи в реализации коммуникативного поведения в цифровой социальной среде, отражающими общие проявления коммуникативной активности. Микропараметры являются структурно-содержательными характеристиками обратной связи в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде. Качественные и количественные характеристики данных параметров обуславливают наличие или отсутствие деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве. Макропараметры коммуникативного поведения в цифровой социальной среде не несут в себе деструктивного компонента и являются индикаторами деструктивности только в сочетании с микропараметрами коммуникативного поведения.

Схема дизайна исследования представлена на Рисунке 22.

Рисунок 21. Концептуальная модель исследования макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде

Рисунок 22. Дизайн исследования макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде

В результате проведенного теоретико-методологического анализа проблемы исследования констатируем, что цифровая социальная среда реализации коммуникативного поведения молодежи определяет его специфику и приводит к трансформации в результате смещения активности коммуникативного поведения в цифровое пространство.

Сравнительно-феноменологический анализ нецифровой и цифровой социальных реальностей позволяет констатировать наличие системных трансформаций в коммуникативном поведении при переносе из непосредственной техническими средствами реальности и цифровое социальное пространство, которые характеризуются асинхронностью коммуникации, гибкостью нормативных систем, снижением механизмов социального контроля, упрощением лингвистической структуры речи, сужением каналов коммуникации. Таким образом, в коммуникативное поведение в цифровой социальной среде невозможен прямой перенос закономерностей и параметров коммуникации из нецифровой социальной реальности.

Критериально-сравнительный анализ деструктивности коммуникативного поведения позволяет констатировать специфические проявления в коммуникативном поведении в цифровой социальной среде, способствующие закреплению деструктивных паттернов и их ретрансляции и распространению в цифровой реальности: ослабление связи между действием и ответственностью за это действие; отсутствие прямого восприятия эмоциональных реакций собеседника; неограниченное масштабирование информации, отсроченность последствий; игнорирование социальных норм и отсутствие строгой нормативной регламентации.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

2.1. Организация и методы исследования

В соответствии с представленной концептуальной моделью исследования был разработан дизайн исследования макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде и осуществлен подбор методов исследования (в соответствии с классификацией В. Н. Дружинина⁰ (Таблица 5).

Таблица 5. Методы исследования

Теоретические методы	Библиометрический анализ Понятийно-категориальный анализ Сравнительно-феноменологический анализ Критериально-сравнительный анализ Метод концептуального моделирования
Эмпирические методы	Анкетирование Тестирование (психодиагностическая методика «Тест-опросник коммуникативных умений Л. Михельсона» (перевод и адаптация Гильбуха Ю.З.) Контент-анализ Метод критического дискурс-анализа Метод функциональной прагматики Комплексно-процессуальный метод
Методы количественной и качественной обработки данных	Методы сравнительной статистики: - U-критерий Манна-Уитни, Методы корреляционной статистики: - коэффициент ранговой корреляции Спирмена, Методы многомерной статистики: - логистическая регрессия

Организация исследования осуществлялась в несколько этапов по поставленным в исследовании задачам.

На этапе решения задачи изучения особенностей коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде проводилось исследование с интервалом в два года (в 2022 году и в 2024 году) с совокупным объемом выборки 318 человек. Из них в 2022 году в исследовании приняли участие 156 человек (35 юношей и 121 девушка) в возрасте 16-17 лет (учащиеся средних

общеобразовательных школ), в 2024 году – 162 человека (18 юношей и 144 девушки) в возрасте от 17 до 22 лет (студенты высших учебных заведений). Эмпирическим методом исследования на данном этапе выступило анкетирование. Анкетирование позволило получить данные об экранном времени мобильных электронных устройств испытуемых (с помощью приложения «Экранное время»), а также экранном времени, проведенном в мессенджерах и социальных сетях (Telegram², IT³, WA⁴, видеохостинге YouTube⁵ и ВКонтакте). Выявление взаимосвязей изучаемых параметров (возраст, экранное время за последние сутки, экранное время в среднем за день, экранное время WA*, экранное время Telegram, экранное время ВКонтакте, экранное время IT*, экранное время в видеохостинге YouTube, экранное время по категориям «общение», «игры») проводилось на основании коэффициента ранговой корреляции Спирмена ($p < 0,05$). Изучение особенностей коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде также осуществлялось посредством исследования коммуникативной компетентности и качества сформированности основных коммуникативных умений молодежи на основании психодиагностической методики коммуникативных умений Л. Михельсона (ответы испытуемых строились на основе самоанализа опыта своего поведения в той или иной ситуации), а также на основании авторской анкеты оценивалась субъективная удовлетворенность коммуникацией в социальных сетях. На данном этапе

² Telegram официально не запрещен на территории РФ. Доступ к нему может быть технически ограничен (замедление, блокировка отдельных провайдеров), но закон не наказывает за его использование или цитирование. Ресурс действует на территории РФ на основании ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ.

³ Instagram принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ на основании Решения Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу N 02-2473/2022-М-1527/2022 «Об удовлетворении исковых требований Первого заместителя Генерального прокурора РФ в интересах неопределенного круга лиц к Транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. о запрете деятельности указанной организации по основаниям осуществления экстремистской деятельности»;

⁴ WhatsApp принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ, но на основании Решения Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу N 02-2473/2022-М-1527/2022 для данного мессенджера сделана оговорка о том, что «настоящее решение не распространяется на деятельность мессенджера WhatsApp компании Meta ввиду отсутствия функций по публичному распространению информации».

⁵ YouTube официально не запрещен на территории РФ. Доступ к нему может быть технически ограничен (замедление, блокировка отдельных провайдеров), но закон не наказывает за его использование или цитирование. Ресурс действует на территории РФ на основании ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ.

участниками исследования являлись 219 студентов высших учебных заведений (37 юношей и 182 девушки) в возрасте от 17 до 22 лет.

На этапе решения задачи изучения макро- и микропараметров коммуникативного поведения молодежи в цифровом пространстве проводилось исследование в информационной среде на базе социальной сети ВКонтакте среди молодежной аудитории в открытой группе, посвященной университетской среде с общим количеством участников 23800 человек и в мессенджере Telegram в чатах, участниками которых являлись ученики общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений. Исследование в социальной сети ВКонтакте осуществлялось в период с апреля 2023 по март 2024 (12 месяцев), исследование в мессенджере Telegram – в период с января 2024 по апрель 2025 (15 месяцев). На первом этапе исследования анализировались макропараметры коммуникативного поведения в социальных сетях: количество участников, постов, комментариев, ответов на комментарии, репостов, лайков, просмотров; на втором этапе – микропараметры: длина сообщения, коммуникативные стратегии, модальность сообщений, тематика сообщений, семантические параметры и лингвистические параметры сообщений. По результатам исследования в социальной сети ВКонтакте был проведен анализ 98 постов, 663 комментариев и 998 ответов на комментарии. Фиксация результатов осуществлялась посредством скриншотов на странице сообщества. Эмпирическими методами исследования выступили метод критического дискурс-анализа и контент-анализа, методами обработки данных – количественный и качественный анализ. Целью использования метода критического дискурс-анализа текста (выявление высказываний, выполняющих функцию воздействия на собеседника, с целью вызвать у него определенную реакцию) [178, 202] являлось выявления доминирующей модальности сообщений участников коммуникации, а также степень близости (персонификации) или вовлеченности говорящего в свое высказывание. В качестве методов анализа использовались графические методы описательной статистики: диаграммы

долевого распределения, гистограммы, графики и комбинированные гистограммы с графиком. По результатам исследования в чатах мессенджера Telegram, участниками которых являлись ученики общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений, количество проанализированных сообщений составило 21677 единиц. Из них 6065 единиц принадлежали telegram-ботам и командам пользователей для вызова ботов и не содержали значимых для исследования параметров, в следствии чего данные сообщения были исключены из анализа. Из оставшихся 15612 речевых сообщений в анализ были включены 1887 единиц, классифицированных как агрессивные. Исследование включало в себя лингвистический и семантический анализ речевых сообщений. Результаты анализа фиксировались с помощью архивной выгрузки из чата в формате html-файлов с последующим переводом в формат Excel с сохранением идентификации пользователей. Методами исследования выступил метод функциональной прагматики, как вид контент-анализа, позволивший выделить из общего количества полученных данных речевые сообщения, содержащие агрессию. Качественный и количественный контент-анализа позволил осуществить лингвистический анализ речевых сообщений по частям речи и речевым единицам. Полученные данные анализировались с использованием методов описательной статистики (частотный и долевой анализ, анализ средних показателей) и корреляционной статистики (коэффициент ранговой корреляции Спирмена ($p < 0,05$)). Методы описательной статистики позволили определить среднюю длину речевого сообщения, частотность распределения лингвистических единиц, долевое распределение лингвистических и семантических единиц, долю обценной лексики. Верификация гипотезы о взаимосвязи между лингвистическими и семантическими параметрами осуществлялась с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена ($p < 0,05$).

Решение задачи исследования структурной организации деструктивных сообщений молодежи в цифровой социальной среде осуществлялось в мессенджере Telegram, в открытом чате, ориентированном

молодежную аудиторию. Исследование проводилось в период с января 2024 по апрель 2025 (15 месяцев) и включало в себя лингвосемантический анализ структурной организации речевых сообщений конструктивной и деструктивной направленности. Общее количество проанализированных речевых сообщений составило 10016 единиц. Данные были собраны с помощью функции архивной выгрузки сообщений из Telegram-чатов в формате html с последующим автоматическим сбором и структурированием файлов с использованием языка программирования Python. Исследование структурной организации деструктивных сообщений молодежи в социальных сетях осуществлялось с использованием контент-анализа, метода функциональной прагматики, комплексно-процессуального метода, а также методов количественной обработки данных: описательной статистики, сравнительной, корреляционной и многомерной статистики: U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, логистическая регрессия.

Метод функциональной прагматики ориентирован на изучение речевых актов в их функциональном и прагматическом контексте, что позволяет анализировать коммуникативные намерения участников коммуникации. Функциональная прагматика рассматривает речь не как набор лексико-грамматических единиц, а как интенциональное действие, направленное на достижение коммуникативного эффекта в конкретном социальном контексте, а также позволяет проводить анализ паттернов, выражающихся в устойчивых схемах речевого поведения, повторяющихся в рамках ситуации общения и определяющих, какие лингвосемантические конструкции способствуют возникновению или усилению деструктивного поведения в цифровой среде.

Комплексно-процессуальный метод позволяет интегрировать различные уровни анализа (когнитивный, эмоциональный, поведенческий) с целью исследования динамики деструктивного поведения. Его применение может включать отслеживание изменений лингвистических маркеров речевой

агрессии на разных этапах взаимодействия.

Критерий Манна-Уитни применялся для проверки гипотезы о наличии статистически значимых различий между группами сообщений по ряду лингвистических и семантических параметров. Выбор данного метода обусловлен особенностями эмпирических данных – неравномерным распределением наблюдений, их категориальным характером и различием диапазонов количественных значений. Использование критерия Манна–Уитни позволило определить, какие параметры (частота употребления определенных частей речи или экспрессивных средств) характерны для изучаемых категорий коммуникативного поведения.

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена использовался для выявления направленности и силы взаимосвязей между частотностью употребления отдельных частей речи, лексико-семантических единиц и деструктивностью сообщений. Метод позволил оценить, какие языковые формы наиболее статистически значимо связаны с деструктивным коммуникативным поведением, и выявить функциональные связи между лексико-грамматическими и семантическими параметрами.

Анализ логистической регрессии позволил построить прогностическую модель, позволяющую определить вклад различных лингвистических и семантических параметров в вероятность отнесения сообщения к категории деструктивных сообщений. Регрессионный анализ позволил выделить совокупность маркеров, обладающих наибольшей предсказательной значимостью для идентификации деструктивного коммуникативного поведения.

В анализируемых чатах в мессенджере Telegram присутствовали модераторы, обеспечивающие соблюдения правил чата и контроль возраста участников: пользователей младше 12 лет просили покинуть чат, в случае отказа модераторы блокировали аккаунт.

Исследования с непосредственным участием испытуемых осуществлялись с обязательным использованием информированного

добровольного согласия. Исследования, проводимые в цифровом пространстве, регламентировались политикой и правилами пользования социальной сети ВКонтакте и мессенджера Telegram, предполагающими обязательное согласие пользователя с тем, что размещенная на личной странице или в сообществах информация, включая персональные данные, может быть доступна другим пользователям сети Интернет с учетом особенностей архитектуры и функциональности ВКонтакте и Telegram.

2.2. Особенности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде

Изучение особенностей коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве осуществлялось в два этапа. На первом этапе проводилось исследование с интервалом в два года (в 2022 году и в 2024 году) по параметрам, представленным в Таблице 6.

Таблица 6. Исследуемые параметры коммуникативного поведения в цифровой среде

Длительность времени, проведенного в цифровом пространстве	Выбор предпочитаемой локации в цифровой среде	Дифференциация времени, проведенного в цифровой социальной среде по локациям
Минуты/часы	Telegram, WA, IT, ВКонтакте, видеохостинг YouTube	Минуты/часы

Исследование выбора предпочитаемой пользователями локации (Telegram, WA, IT, ВКонтакте и видеохостинг YouTube) для реализации коммуникативного поведения в цифровом социальном пространстве в 2022 году продемонстрировало равномерное распределение экранного времени между различными цифровыми платформами: разница во времени, проведенном в каждом из платформ, варьируется в диапазоне от 5 до 33 минут (Рисунок 23). Результаты исследования 2024 года демонстрируют тенденцию существенного смещения коммуникативного поведения пользователей из различных платформ в мессенджер Telegram. Среднесуточное время,

проводимое молодежью в мессенджере Telegram составляет 146 минут, что в 4-9 раз больше, чем время, проводимое в других локациях и больше, чем суммарное время, проведенное совокупно в остальных мессенджерах и социальных сетях (132 минуты), тогда как в 2022 году суммарное время во всех мессенджерах, кроме Telegram составляло 332 минуты.

Рисунок 23. Экранное времени (мин) в среднем в сутки в 2022 и 2024 году у молодежи по различным цифровым платформам ($p < 0.01$)

Выявлены значимые различия в показателях экранного времени, проводимого молодежью в социальных сетях и мессенджерах (как показателе непосредственной активности коммуникативного поведения в цифровом социальном пространстве). Анализируя полученные в исследованиях 2022 и 2024 годов результаты, фиксируем значимые изменения в выборе предпочитаемой локации для реализации коммуникативного поведения. Показатели среднесуточного экранного времени, проведенного в Telegram в 2024 году, в 1,5 раза больше, чем аналогичные показатели в 2022 году. В тоже время, показатели среднесуточной активности пользователей в 2024 году в видеохостинге YouTube и социальной сети ВКонтакте в 1,5-1,9 раза меньше, чем в 2022 году, а в WA и IT в 5-6 раз меньше аналогичных показателей 2022 года (Таблица 5).

Таблица 5. Показатели значимости различий экранного времени по локациям в 2022 и 2024 гг. (по критерию Манна-Уитни) ($p < 0.01$)

Локация	2022 (минуты)	2024 (минуты)	Значение p
Telegram	97	146	0,0000001*
WA	89	15	0,0000002*
IT	64	13	0,0022286*
Видеохостинг YouTube	92	60	0,0000088*
ВКонтакте	87	44	0,0013877*

Таким образом, трансформация макропараметров коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде проявляется в смещении локации коммуникативной активности из различных цифровых социальных платформ в мессенджер Telegram, который используется в качестве основной платформы реализации коммуникативного поведения. Предполагаем, что выбор мессенджера Telegram объясняется совокупностью его технических и пользовательских преимуществ⁶: высокий уровень защиты персональных данных и обеспечение приватности (сквозное шифрование, секретные чаты, самоуничтожающиеся сообщения), поддержка передачи файлов любых форматов (текст, изображения, аудио и видео), синхронизация между разными устройствами и операционными системами, функционал для создания каналов и массовых рассылок, а также встроенные средства для аудио- и видеосвязи, включая групповые конференции. Кроме того, к техническим характеристикам Telegram относятся возможность отправки неограниченного объема медиафайлов за один раз, развитая экосистема ботов, а также широкий спектр каналов, посвященных политике, экономике, образовательным и профессиональным темам. Выявленная тенденция генерализации коммуникативного поведения молодежи в мессенджере Telegram свидетельствует о доминировании механизмов нормативного и информационного социального влияния. Массовый переход пользователей в единую платформу создает эффект, при котором индивидуальный выбор канала коммуникации перестает быть рациональным и трансформируется в следование групповым нормам. Кроме того, выбор платформы, обладающей

⁶ Политика конфиденциальности Telegram <https://telegram.org/privacy/ru?setln=pl>

такими техническими характеристиками, как высокая защита персональных данных и приватность, может говорить о постепенном снижении доли персонифицированного, адресного общения в пользу более анонимных и массовых форм коммуникации.

Анализ экранного времени, проводимого молодежью в смартфонах, демонстрирует, что основная доля коммуникативной активности в цифровой среде реализуется, преимущественно, в мессенджерах и социальных сетях, на которые приходится 65% времени, проводимого молодежью в смартфоне (Рисунок 25). Детализированная структура активности, представленная среднесуточным временем по каждой из категорий: мессенджеры и социальные сети (гистограмма справа), и прочие виды использования смартфона (гистограмма слева) изображена на рисунке 24.

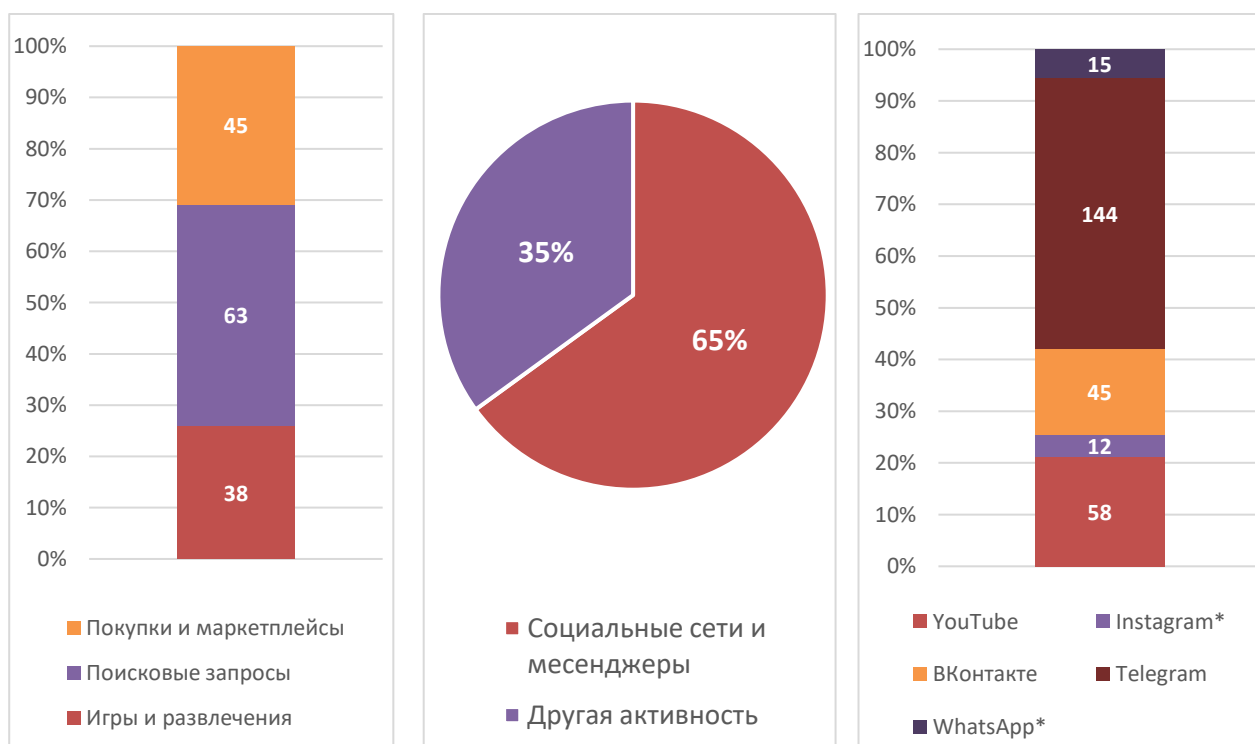

Рисунок 24. Показатели долевого распределения суммарного среднесуточного экранного времени молодежи в смартфонах (2024 год)

По результатам анализа анкет участников исследования установлено, что средняя продолжительность ежедневного использования смартфона достигает 7 часов (420 минут). Значительная часть данного времени приходится на использование мессенджеров и социальных сетей (Telegram, WA, IT, ВКонтакте, видеохостинг YouTube) – 4 часа 34 минуты (274 минуты),

что составляет 65% от среднесуточного экранного времени.

Сравнительный анализ данных за 2022 и 2024 годы выявил динамику в структуре цифровой активности молодежи. Доля пользователей, использующих смартфон от 2 до 3 часов в день, существенно снизилась: в 2022 доля данных пользователей составляла 13,5% от общего числа испытуемых (21 человек), а в 2024 году – 4,9% (8 человек). В 2024 году увеличилась доля пользователей, использующих смартфоны от 3 до 6 часов в день и от 6 до 9 часов в день. Доля пользователей с максимальной активностью (9 и более часов в день) не изменилась (Рисунок 25) [33]. Выявленная тенденция может свидетельствовать о снижении непосредственной коммуникативной составляющей общения в нецифровой реальности.

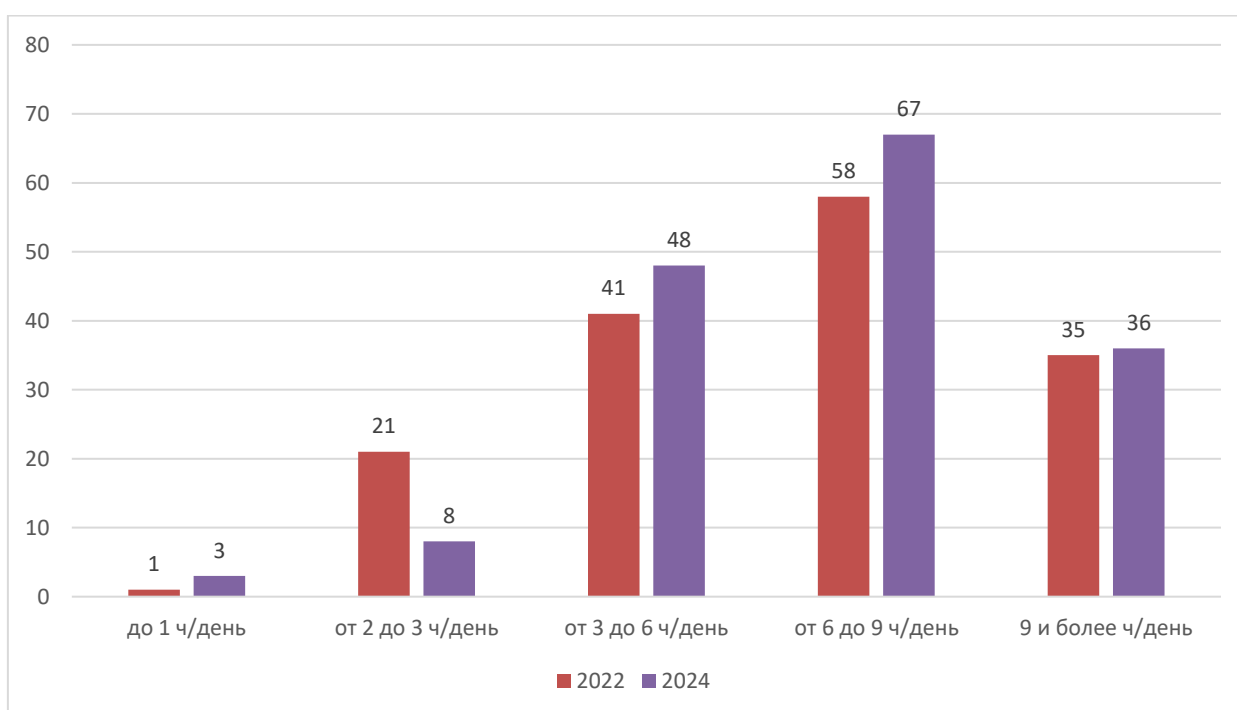

Рисунок 25. Количество пользователей с определенными среднесуточными показателями времени активности в цифровой социальной среде в 2022 году (N=156) и в 2024 году (N=162)

Кроме того, фиксируется смещение в общем долевым соотношении активного времени, проводимого пользователями в цифровой и нецифровой реальности (доля времени в цифровой среде по отношению к общему суточному времени бодрствования варьируется в диапазоне от 44% до 56%),

Таблица 6. Значимые коэффициенты корреляции Спирмена исследуемых показателей экранного времени молодежи 17-18 лет ($p < 0,05$)

[illegible]

Таблица 7. Значимые коэффициенты корреляции Спирмена исследуемых показателей экранного времени молодежи 19-20 лет ($p < 0,05$)

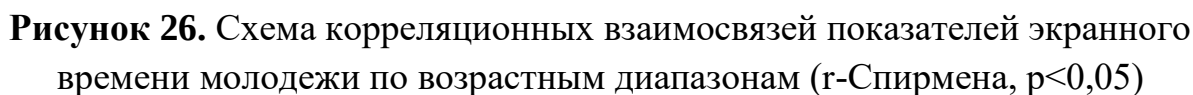
	Возраст	Экранное время								
		за последние сутки	среднее за день	WA*	Telegram	ВКонтакте	IT*	Видеохостинг YT	категории «общение»	категории «игры»
Возраст	1.00									
Экранное время за последние сутки	-	1.00								
Экранное время среднее за день	-	0.61	1.00							
Экранное время WA*	-	-	-	1.00						
Экранное время Telegram	-	0.63	0.42	-	1.00					
Экранное время ВКонтакте	-	-	-	-	0.33	1.00				
Экранное время IT*	-	-	-	0.34	-	0.48	1.00			
Экранное время Видеохостинг YT	-	-	-	0.33	-	0.35	-	1.00		
Экранное время по категории "общение"	-	0.58	-	-	0.72	0.28	-	-	1.00	
Экранное время игры	-	0.31	-	0.32	-	-	-	0.34	-	1.00

Таблица 8. Значимые коэффициенты корреляции исследуемых показателей экранного времени молодежи 21-22 лет (r -критерий Спирмена, $p < 0,05$)

	Экранное время									
	Возраст	за последние сутки	среднее за день	WA*	Telegram	ВКонтакте	IT*	Видеохостинг YT	категории «общение»	категории «игры»
Возраст	1.00									
Экранное время за последние сутки	-	1.00								
Экранное время среднее за день	-0.37	0.54	1.00							
Экранное время WA*	-	-	-	1.00						
Экранное время Telegram	-	-0.39	-	-	1.00					
Экранное время ВКонтакте	-0.43	0.57	0.50	-	-0.60	1.00				
Экранное время IT*	-	0.39	0.46	-	-	-	1.00			
Экранное время Видеохостинг YT	-	-	-	-	0.37	-	-	1.00		
Экранное время общение	-	-	0.43	-	0.41	-	-	-	1.00	
Экранное время игры	-	-	-	0.45	-	-	-	-	-0.48	1.00

Сравнительный анализ коммуникативного поведения пользователей в возрастных когортах 17–18, 19–20 и 21–22 лет по различным категориям локаций в цифровом пространстве (мессенджеры, социальные сети,

Установлено, что увеличение экранного времени в Telegram сопровождается увеличением времени, отнесенного к категории «общение», включающей ориентировочную совокупную продолжительность коммуникации в различных локациях, что может свидетельствовать о генерализации коммуникативной активности молодежи в мессенджере Telegram в сравнении с другими цифровыми платформами (Рисунок 26) [33].

Анализ выявленных корреляционных связей позволил установить отличительные особенности в исследуемых возрастных диапазонах. Так, в

возрастной группе 17–18 лет обнаружена прямая зависимость между экранным временем в видеохостинге YouTube и временем, проводимым в Telegram. В когорте 19–20 лет выявлена прямо пропорциональная взаимосвязь между длительностью использования WA и временем, проводимым в IT, при этом зафиксированы обратные зависимости между экранным временем в WA и показателями активности в видеохостинге YouTube, а также в категории «игры» (Таблицы 6–8). В возрастном диапазоне 17–18 лет значимых корреляций с категорией «игры» не обнаружено, тогда как в возрастных группах 19–20 лет и 21–22 года такие связи фиксируются: у молодежи в возрасте 19–20 лет рост суммарного среднесуточного времени использования смартфона сопровождается увеличением экранного времени в категории «игры»; в возрастной когорте 21–22 лет рост суммарного среднесуточного времени в категории «общение» сопровождается уменьшением экранного времени, проводимого в категории «игры» (Таблицы 6–8) [33].

На втором этапе изучения особенностей коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде проводилось исследование коммуникативной компетентности и качества сформированности основных коммуникативных умений молодежи в нецифровой социальной реальности, а также оценивались показатели удовлетворенности собственной коммуникацией, коммуникацией других и коммуникацией в целом в цифровом социальном пространстве. Оценка сформированности коммуникативных умений в неопосредованной техническими средствами реальности проводилась на основании психодиагностической методики «Тест-опросник коммуникативных умений Л. Михельсона» (адаптация Ю.З. Гильбук). Субъективные показатели удовлетворенности коммуникацией в цифровом социальном пространстве анализировались на основании авторской анкеты, в которой испытуемым предлагалось ответить на следующие вопросы: «Удовлетворены ли вы коммуникацией/общением в социальных сетях/мессенджерах?», «Удовлетворены ли вы своей коммуникацией, тем, как вы общаетесь в социальных сетях/мессенджерах?» «Удовлетворены ли вы тем,

как с вами общаются другие в социальных сетях/мессенджерах?»).

В результате проведенного исследования уровня коммуникативной компетентности молодежи в нецифровой реальности по критерию сформированности/ не сформированности коммуникативных умений (на основании методики «Тест-опросник коммуникативных умений Л. Михельсона»), выявлено, что доля тех, чья эффективная коммуникация в нецифровой социальной среде не сформирована составляет 13% (28 испытуемых), а доля тех, чья эффективная коммуникация сформирована – 87% (191 испытуемый). При этом, сопоставляя результаты теста коммуникативных умений Л. Михельсона и результаты анкетирования, определившего субъективные показатели удовлетворенности коммуникацией в цифровом социальном пространстве, фиксируется противоречие: при несформированной коммуникации в нецифровой реальности доля лиц, удовлетворенных собственной коммуникацией в цифровой среде, составляет 89%, тогда как при сформированной коммуникации в нецифровой реальности, доля тех из них, кто полностью неудовлетворен своей коммуникацией в цифровой среде составляет 11%. Уровень компетентности в общении у молодежи определялся по количеству компетентных реакций. В результате установлено, что 17% обладают низким и пониженным уровнем коммуникативной компетентности, при этом более 85% из них оценивают собственную коммуникацию в цифровом социальном пространстве как полностью удовлетворительную (Таблица 9).

Таблица 9. Обобщенные результаты исследования коммуникативных умений молодежи

Уровень коммуникативной компетентности	Количество человек	Процент	Оценивают свою коммуникацию в социальных сетях как полностью удовлетворительную	Процент
Высокий	75	34%	69	92%
Выше среднего	46	21%	40	87%
Средний	61	28%	53	87%
Ниже среднего	26	12%	24	92%
Низкий	11	5%	9	82%

Высокая субъективная удовлетворенность коммуникацией в цифровой среде при объективно низком уровне коммуникативной компетентности в нецифровом взаимодействии рассматриваем как отсутствие сформированных субъективных ориентиров в реализации собственного коммуникативного поведения в социальных сетях и мессенджерах у молодежи. Кроме того, цифровое пространство предоставляет возможность анонимности, предзаготовленных текстов и визуальных фильтров, минимизируя у пользователей страх отвержения и социальную тревогу.

Результаты проведенного исследования (на основе анкетирования) удовлетворенности собственной коммуникацией, коммуникацией других и коммуникацией в целом в цифровой социальной среде демонстрируют тенденцию: удовлетворенность собственной коммуникацией в цифровой социальной среде выше, чем удовлетворенность коммуникацией других (Рисунок 27).

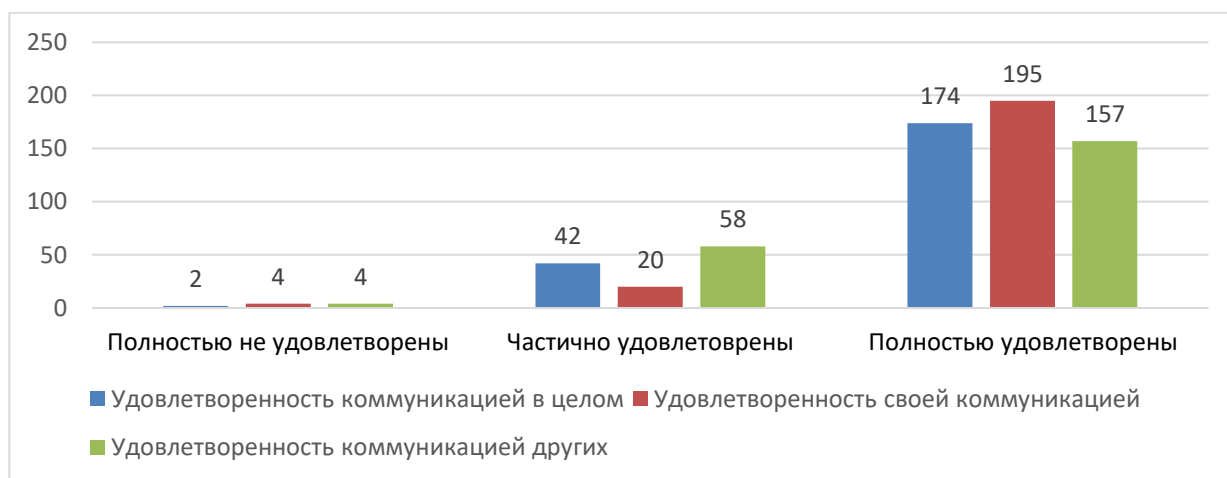

Рисунок 27. Гистограмма частот показателей удовлетворенности молодежью коммуникацией в цифровой социальной среде

Выявленная тенденция обусловлена характеристиками и особенностями коммуникации в цифровой социальной среде: собственная коммуникация оценивается как более успешная и соответствующая внутренним ожиданиям, нежели коммуникация других, ввиду отсутствия невербальных каналов коммуникации, понимания контекста и мотивов собеседника. Кроме того, возможность управления самопрезентацией в цифровой среде усиливает

восприятие собственной коммуникации как более осмысленной, целенаправленной и эффективной. Таким образом, коммуникативное поведение молодежи в цифровой среде реализуется через противоречие уровня удовлетворенности собственной коммуникацией и неудовлетворенности коммуникацией других пользователей (участников коммуникации).

2.3. Макропараметры коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде

Исследование макропараметров коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде осуществлялось в социальной сети «ВКонтакте» в крупном открытом сообществе, посвященном университетской среде. Выбор сообщества для анализа обусловлен его спецификой: исследование проводилось в неофициальной группе официального высшего учебного заведения с присутствием в группе значимого взрослого (администрация, ректор).

Под «открытой группой» в социальных сетях и мессенджерах понимается сообщество, в которое пользователь может вступить без предварительного одобрения модератора или приглашения администратора, с возможностью свободного доступа к размещенному контенту как участникам, так и любым другим пользователям платформы. Публикации и медиаматериалы, размещенные в открытой группе, не имеют ограничений по просмотру и потенциально ориентированы на широкую аудиторию.

Для молодежи характерным является стремление к образованию неформальных групп по интересам [74]. В цифровой социальной среде это проявляется в создании сообществ, которые обеспечивают удобный формат взаимодействия и оперативной реакции (лайки, подписки, репосты, эмодзи и другие формы цифровой обратной связи), что усиливает возникновение дополнительных коммуникативных эффектов в информационном пространстве [154]. Специфика взаимодействия в цифровой среде заключается

в том, что коммуникативное поведение участников как больших, так и малых групп существенно отличается от аналогичных форм общения в нецифровом пространстве: состав малых групп зачастую формируется стихийно, ролевая структура подвижна, а к числу «наблюдающих» могут относиться пользователи, не состоящие формально в группе, но читающие переписку, из-за чего участники не имеют точного представления о реальном размере аудитории [89, 91]. Молодежь, как большая социальная группа неоднородна: внутри молодежной среды возникают группы по интересам, которые переносятся в цифровое пространство и со временем трансформируются в устойчивые онлайн-платформы для взаимодействия. В университетской среде возникают сообщества по интересам, которые затем транслируются в цифровое пространство, создавая устойчивые онлайн-платформы для взаимодействия. Это способствует как расширению вовлеченности участников, так и установлению прямых коммуникаций между студентами и представителями администрации ВУЗа [29, 56].

Спецификой больших сообществ в социальных сетях является высокая степень гибкости и вариативности их структуры: пользователь может одновременно входить в неограниченное число групп, ориентированных на различные тематики и интересы.

Большие социальные группы отличаются динамичностью: их внешние характеристики, содержательное наполнение, а также цели, ценности и внутренние нормы могут трансформироваться практически мгновенно – в ответ на внешние события, смену модераторов или изменение аудитории. Большие группы в социальных сетях функционируют в рамках установленной социальной регуляции: их деятельность координируется администраторами и модераторами, а в отдельных случаях – службами поддержки платформы, осуществляющими контроль за соблюдением правил сообщества и модерацией контента (Рисунок 28) [32].

Рисунок 28. Характеристика коммуникативного поведения в больших и малых группах в цифровой социальной среде

На начальном этапе исследования макропараметров коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде была проведена количественная оценка параметров коммуникативного поведения пользователей в цифровом пространстве (в большой открытой группе в социальной сети ВКонтакте), которое реализуется вербально (публикация постов, написание комментариев, ответов на комментарии) и невербально (выражение своего отношения к информации через просмотры, лайки и репосты).

За исследуемый период (с апреля 2023 года по март 2024 года) было зафиксировано 98 исходных постов, 663 комментария к постам, 998 ответов на комментарии, 7467 репостов и 1600 лайков при общем числе просмотров постов за 12 месяцев 1586500. Анализ макропараметров коммуникативной активности показал, что количество постов в месяц варьируется в диапазоне от 1 (ноябрь 2023 г.) до 17 (март 2024 г.). Пик активности в группе фиксировался в весенние учебные месяцы и летний каникулярный период,

тогда как в ноябре, декабре и январе наблюдалось заметное снижение числа публикаций.

Анализ динамики соотношения между ежемесячным объемом публикуемого контента и совокупным числом просмотров постов (Рисунок 29) выявил прямо пропорциональную зависимость: увеличение числа публикаций сопровождается ростом показателя количества просмотров.

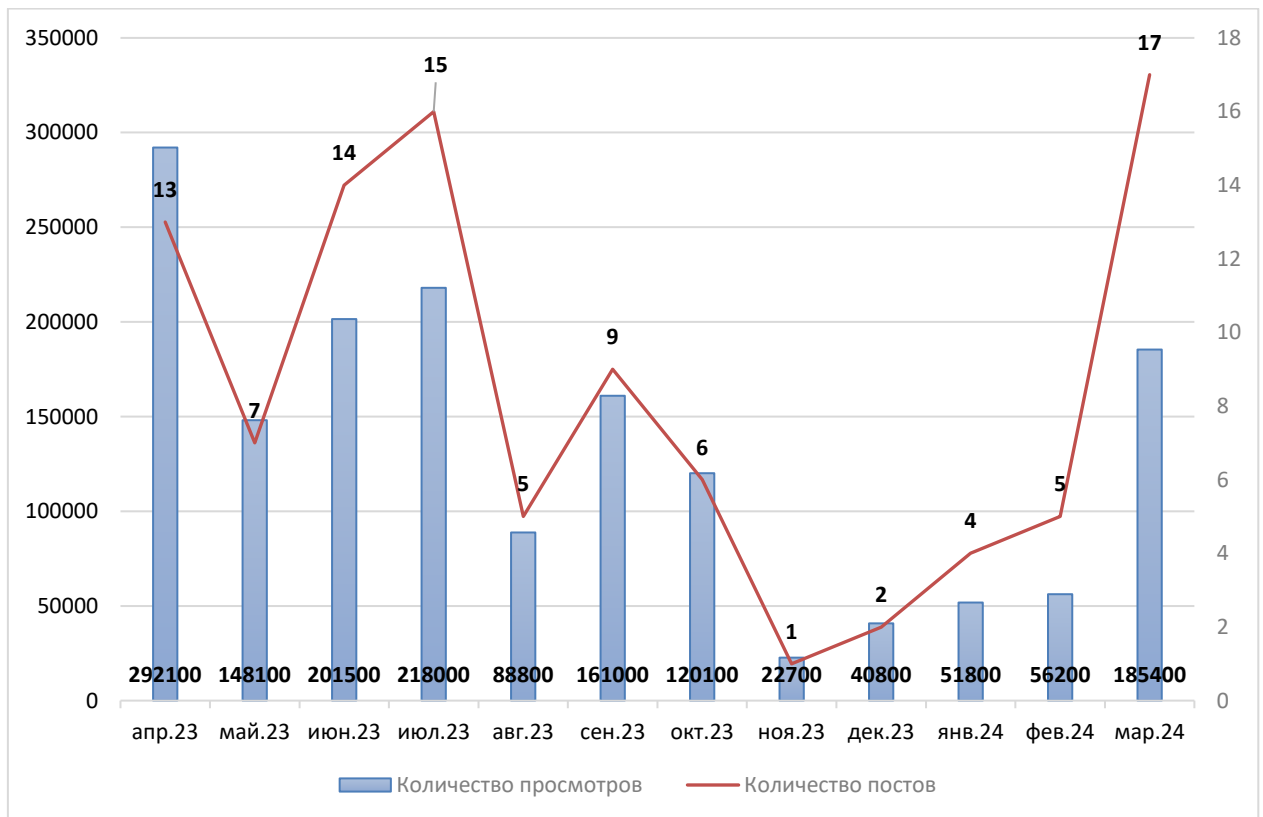

Рисунок 29. Гистограмма распределения количества просмотров и количества постов по месяцам

Вместе с тем, данная взаимосвязь не является строго устойчивой. В отдельные периоды – июнь и июль 2023 г., март 2024 г. – при относительно высоком числе постов фиксировалось меньшее количество просмотров. Кроме того, выявлено, что при равнозначном количестве постов в месяц число просмотров может существенно различаться [32].

Результаты контент-анализа показали, что наибольшее число просмотров получают сообщения, затрагивающие темы, которые воспринимаются молодежью как лично-значимые и эмоционально вовлекающие. Напротив, посты с информацией отвлеченного характера

(объявления, вакансии, приглашения на мероприятия), не несущие выраженного личностного содержания, как правило, набирают меньшее количество просмотров (Рисунок 30).

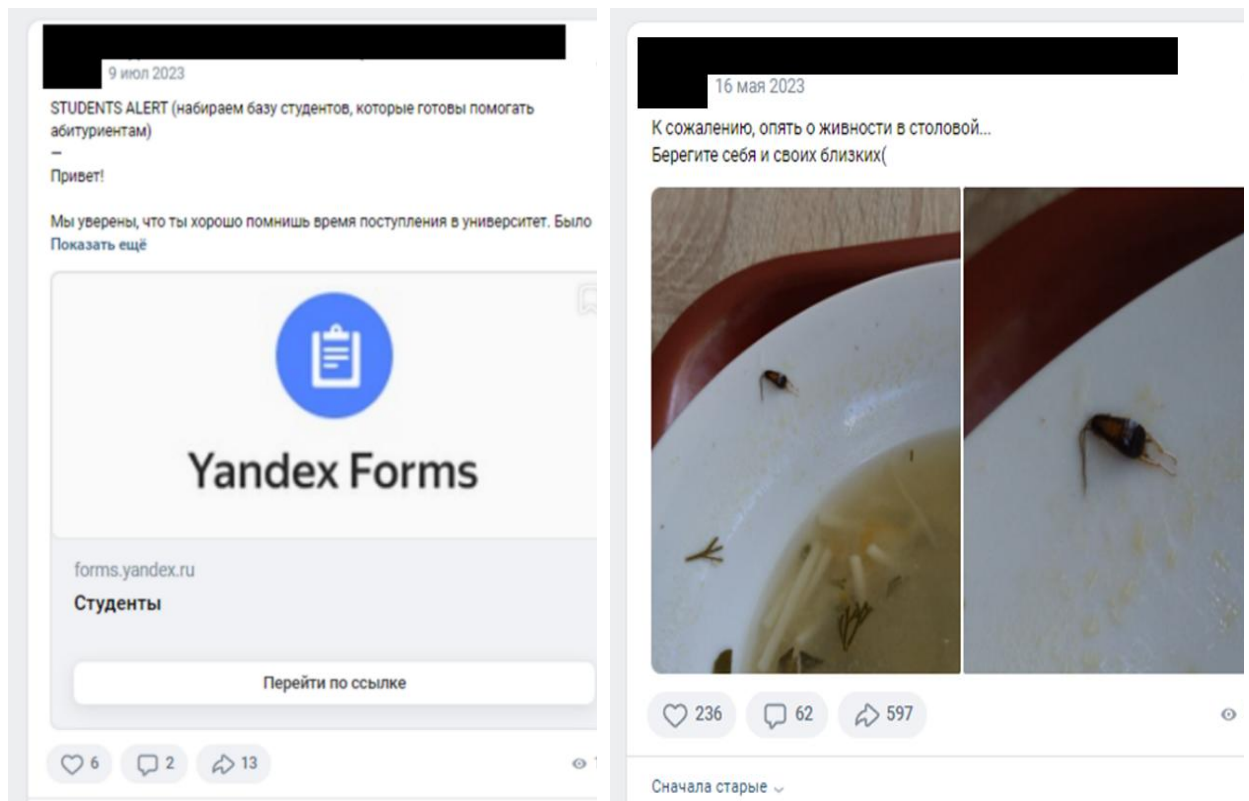

Рисунок 30. Примеры постов с большим и малым количеством просмотров

Коммуникативное поведение молодежи в цифровой социальной среде реализуется посредством активной (текстовые сообщения – посты, комментарии, ответы на комментарии) и пассивной (лайки, репосты, просмотры) позиции участников коммуникации. Сравнительный анализ количества текстовых сообщений, как показателя активной позиции участников коммуникации и числа репостов и лайков, как проявления пассивной позиции участников коммуникации (Рисунок 31), показывает, что коммуникативное поведение молодежи в цифровой социальной среде направлено на потребление и ретрансляцию информации, выражающееся в форме лайков или репостов и характеризуется отсутствием целенаправленного формирования речевого высказывания и развернутого обсуждения, выражающегося в текстовых сообщениях [32].

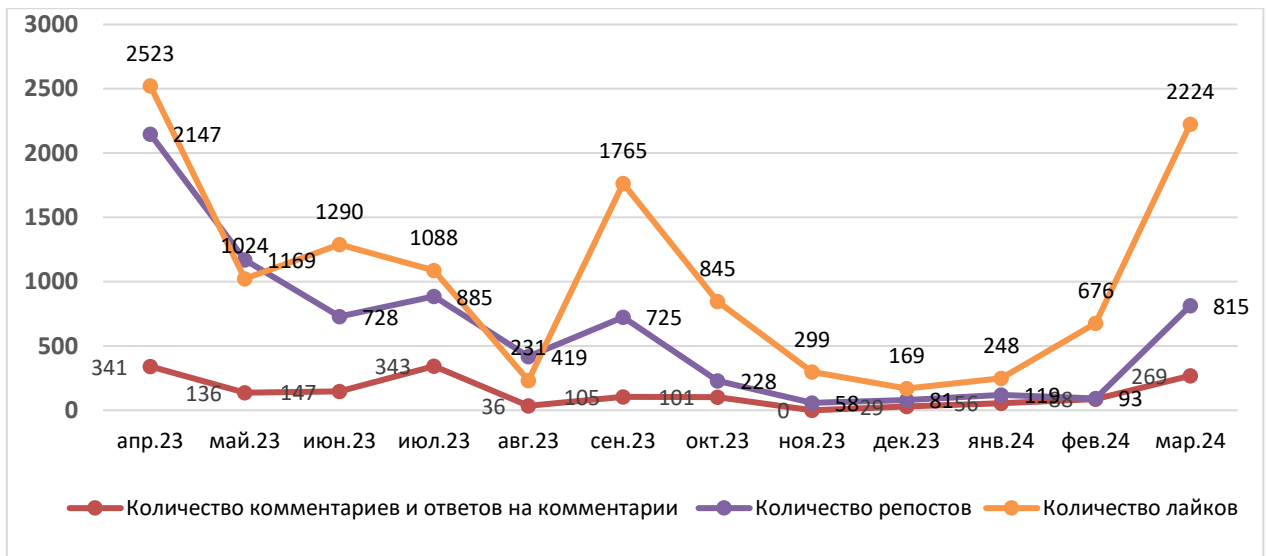

Рисунок 31. График распределения количества комментариев, ответов на комментарии, репостов и лайков по месяцам

Сопоставление средних показателей (в расчете на один пост) количества комментариев, ответов на комментарии и количества лайков и репостов также демонстрирует тенденцию преобладания невербальных форм коммуникации над текстовыми высказываниями, что подтверждает вывод о преобладании пассивной позиции участников коммуникации: большинство пользователей ограничиваются эмоциональной либо оценочной реакцией, не внося собственного содержательного вклада в общение. Репосты транслируют уже готовые сообщения, тогда как лайки, эмодзи и просмотры лишь фиксируют отношение, не дополняя информацию смысловым содержанием (Рисунок 32).

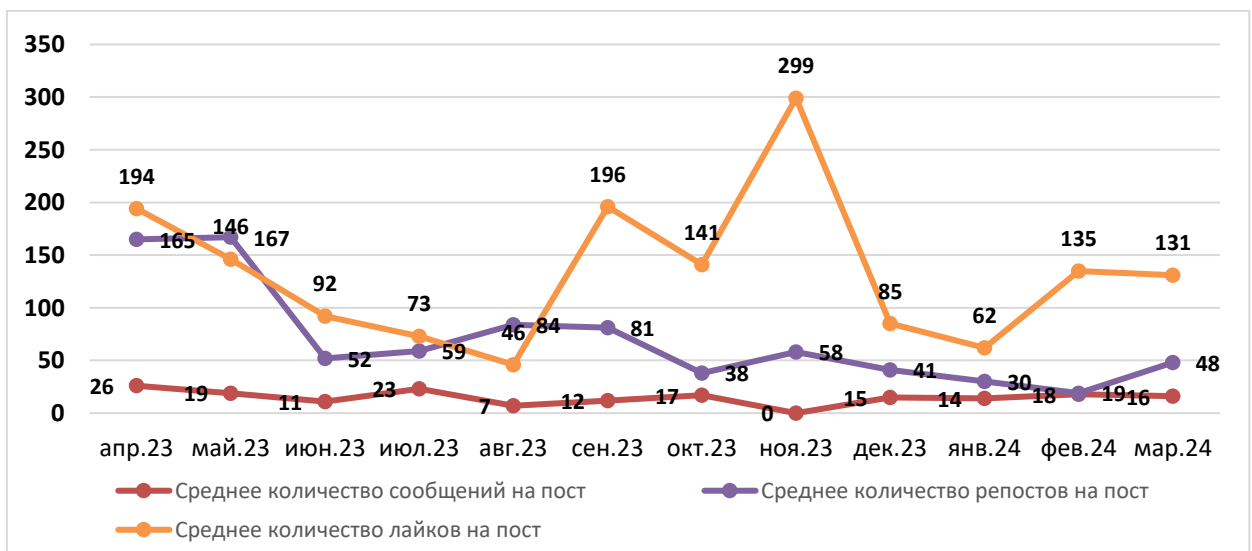

Рисунок 32. График распределения средних значений количества комментариев, лайков и репостов на один пост

Соотношение количества комментариев к основному посту и количества ответов на комментарии показывает, что в 58% случаев количество ответов на комментарии превышает количество комментариев, соответственно, в коммуникативном поведении молодежи в социальных сетях наибольший интерес и эмоциональный отклик вызывают именно оставленные комментарии, а не сами посты (Таблица 10, Рисунок 33).

Таблица 10. Сравнительная характеристика комментариев и ответов на комментарии в динамике года по месяцам

Месяц/год	04. 23	05. 23	06. 23	07. 23	08. 23	09. 23	10. 23	11. 23	12. 23	01. 24	02. 24	03. 24	Всего
Кол-во комментариев	116	70	76	84	15	51	42	0	15	24	51	119	663
Кол-во ответов на комментарии	225	66	71	259	21	54	59	0	14	32	37	150	988
Разница	109	-4	-5	175	6	3	17	0	-1	8	-14	31	424
Соотношение %	48%	6%	7%	67%	29%	6%	29%	0	7%	25%	27%	21%	43%

Результаты контент-анализа постов, комментариев и ответов на комментарии свидетельствуют о неравномерности вовлеченности пользователей в дискуссионное взаимодействие: не каждый пост сопровождается комментарием, а комментарий ответом, при этом, некоторые комментарии влекут за собой большое количество ответов. Это обусловлено тем, что комментарии, в большинстве своем, характеризуются более эмоционально-значимым содержанием, чем сами посты (так как часть постов являются информационно-содержательными) [32].

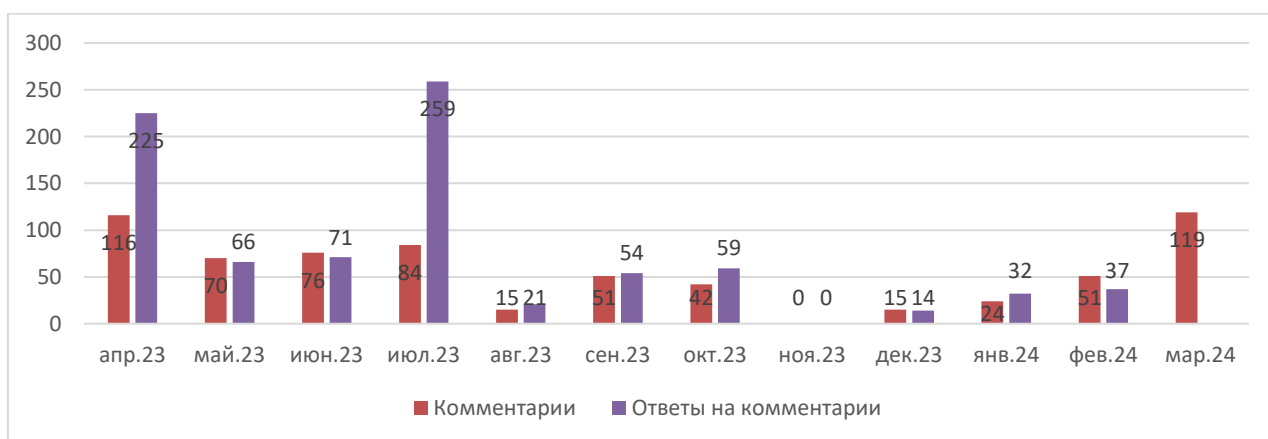

Рисунок 33. Гистограмма частот количества комментариев и ответов на комментарии в динамике года по месяцам

Таким образом, в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде эмоционально насыщенные посты и комментарии провоцируют большое количество ответов, в то время как нейтральные информационные посты остаются без обратной связи. Эмоциональные стимулы (гнев, юмор, агрессия, эмпатия и др.) вызывают спонтанную реакцию, усиливая вовлеченность через социальное подкрепление (лайки, репосты).

Таким образом, фиксируется тенденция преобладания пассивной позиции участников коммуникации в цифровой социальной среде в сравнении с активной коммуникацией. Пассивная позиция характеризуется отсутствием инициативы и целенаправленного формирования речевого высказывания: количество просмотров, лайков и репостов превышает количество текстовых комментариев и ответов на комментарии, таким образом, пользователи преимущественно потребляют информацию, принимая ее к сведению, а выражая свою позицию значительно чаще используют репосты и лайки, не затрачивая усилия на формулировку речевого сообщения. Макропараметры коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде не несут в себе деструктивного компонента и являются индикаторами деструктивности только в сочетании с микропараметрами коммуникативного поведения в социальных сетях.

2.4. Микропараметры деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде

Исследование микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровом пространстве осуществлялось в два этапа. На первом этапе проводилась оценка коммуникативных стратегий, модальности и тематик сообщений в большой открытой группе в социальной сети ВКонтакте, участниками которой являлись студенты высших учебных заведений (Таблица 11).

Таблица 11. Характеристики микропараметров большой группы в социальных сетях (коммуникативные стратегии, модальность, тематика сообщений)

Структурный компонент	Параметры	Измеряемый показатель
Коммуникативные стратегии	конфликтные поддерживающие нейтральные	Количество сообщений по каждой коммуникативной стратегии
Модальность сообщений	отрицательная положительная амбивалентная	Количество сообщений с положительной, отрицательной или амбивалентной модальностью
Тематика сообщений	жалобы благодарности помощь объявления учеба отвлеченные темы	Количество сообщений по каждой тематике

Контент-анализ тематического содержания сообщений в исследуемых группах социальных сетей показал, что наибольшую долю составляют публикации с тематиками жалоб (43%) и объявлений (28%), тогда как сообщения, связанные с учебным процессом (7%), а также посты с выражением благодарности (4%) встречаются с меньшей частотностью (Рисунок 34).

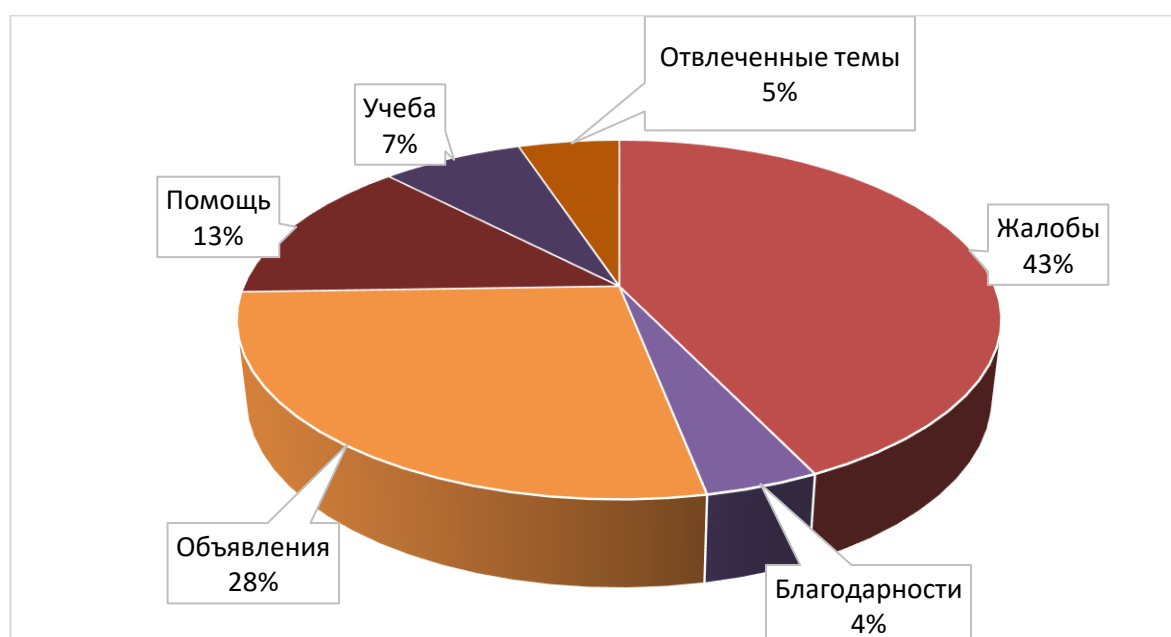

Рисунок 34. Диаграмма долевого распределения сообщений по тематикам

Темы жалоб характеризуются наибольшим количеством реакций как в форме комментариев, так и в форме ответов на комментарии, поскольку затрагивают эмоционально значимые для молодежи темы и стимулируют активное включение аудитории в обсуждение, кроме того, большое число реакций в ответ на посты с жалобами являются маркером социальной поддержки. Темы объявлений и учебы в большей степени ориентированы либо на простое информирование аудитории, либо, в случае объявлений, на конкретные ответные действия, вследствие чего количество комментариев, ответов на комментарии и реакции в виде лайков и репостов к таким сообщениям, как правило, минимальны. Выражение благодарностей, как позитивная эмоциональность, в цифровой среде воспринимается как завершенное действие, не требующее дальнейшего вовлечения [32].

Анализ модальности сообщений, размещенных в большой группе социальной сети «ВКонтакте», выявил преобладание высказываний с отрицательной модальностью. Данная закономерность сохраняется независимо от формата коммуникативного действия: публикации исходного поста, комментария к нему или ответа на комментарий (Рисунок 35).

В результате анализа модальности сообщений в комментариях и ответах на комментарии установлено, что участники коммуникации в значительной степени воспроизводят модальность исходной публикации. Таким образом, модальность сообщений, характеризующая целевую направленность речи и позицию коммуниканта к содержанию собственного высказывания, в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде можно рассматривать как относительно устойчивую характеристику дискурса: эмоциональная коммуникативная направленность исходного сообщения, как правило, сохраняется в последующих высказываниях, включая комментарии и ответы на них [32]. Пользователи, сталкиваясь с критическим или агрессивным постом, чаще склонны поддерживать уже заданную модальность, чтобы снизить внутренний дискомфорт и избежать конфликта. Кроме того, анонимность в коммуникации в цифровой среде ослабляет действие

социальных запретов (эффект «растормаживания»), в результате чего негативные эмоции получают более свободное вербальное выражение, чем это было бы допустимо в нецифровой среде.

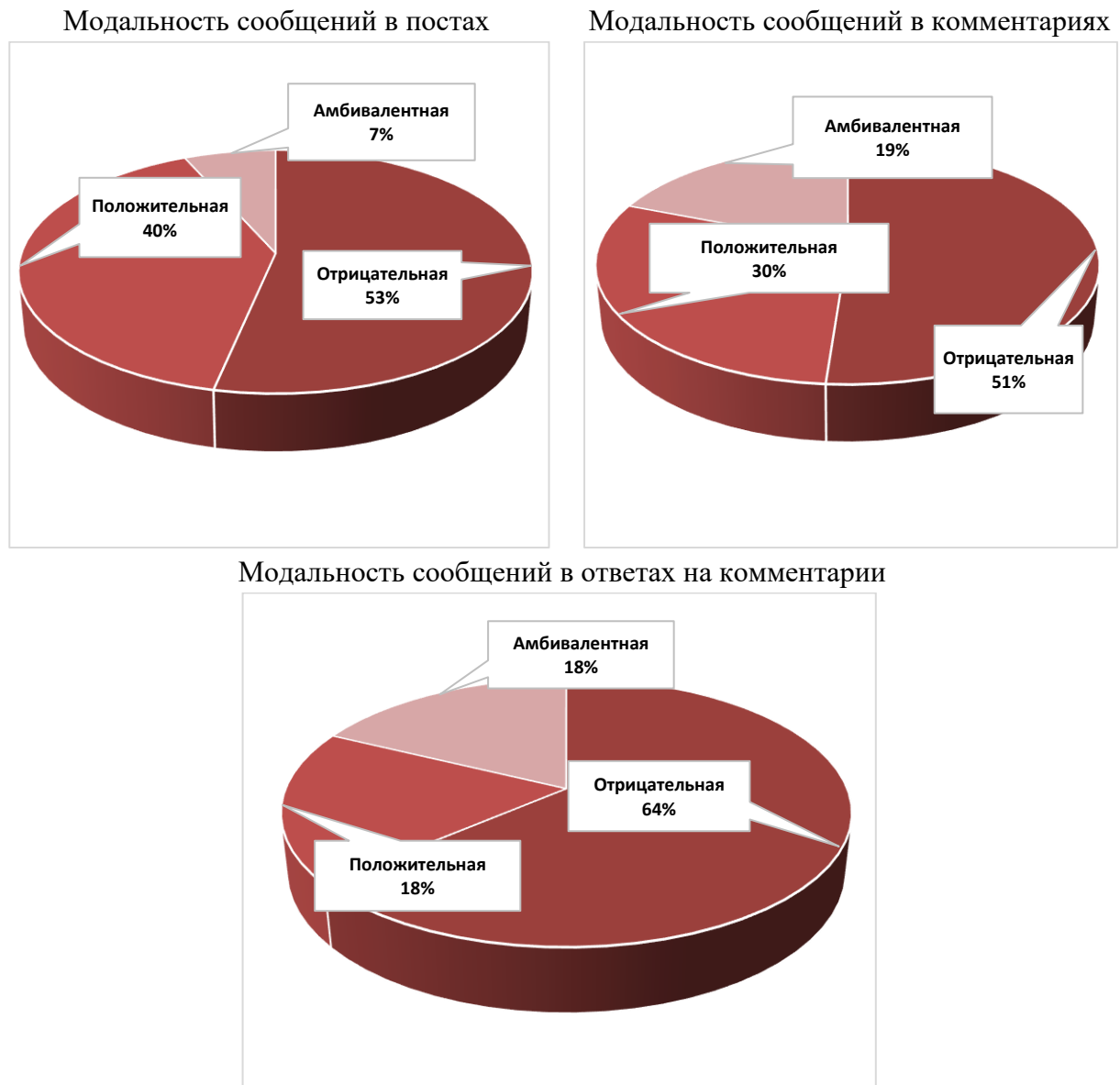

Рисунок 35. Диаграммы долевого распределения модальности сообщений в постах, комментариях и ответах на комментарии

Для дальнейшего анализа используемых коммуникативных стратегий пользователей в цифровой социальной среде, все сообщения были дифференцированы на три категории коммуникативных стратегий: поддерживающие, нейтральные и конфронтационные. Установлено, что конфронтационная коммуникативная стратегия преобладает во всех формах коммуникации в цифровом пространстве: в постах (46%), в комментариях (49%) и в ответах на комментарии (54%) (Рисунок 36).

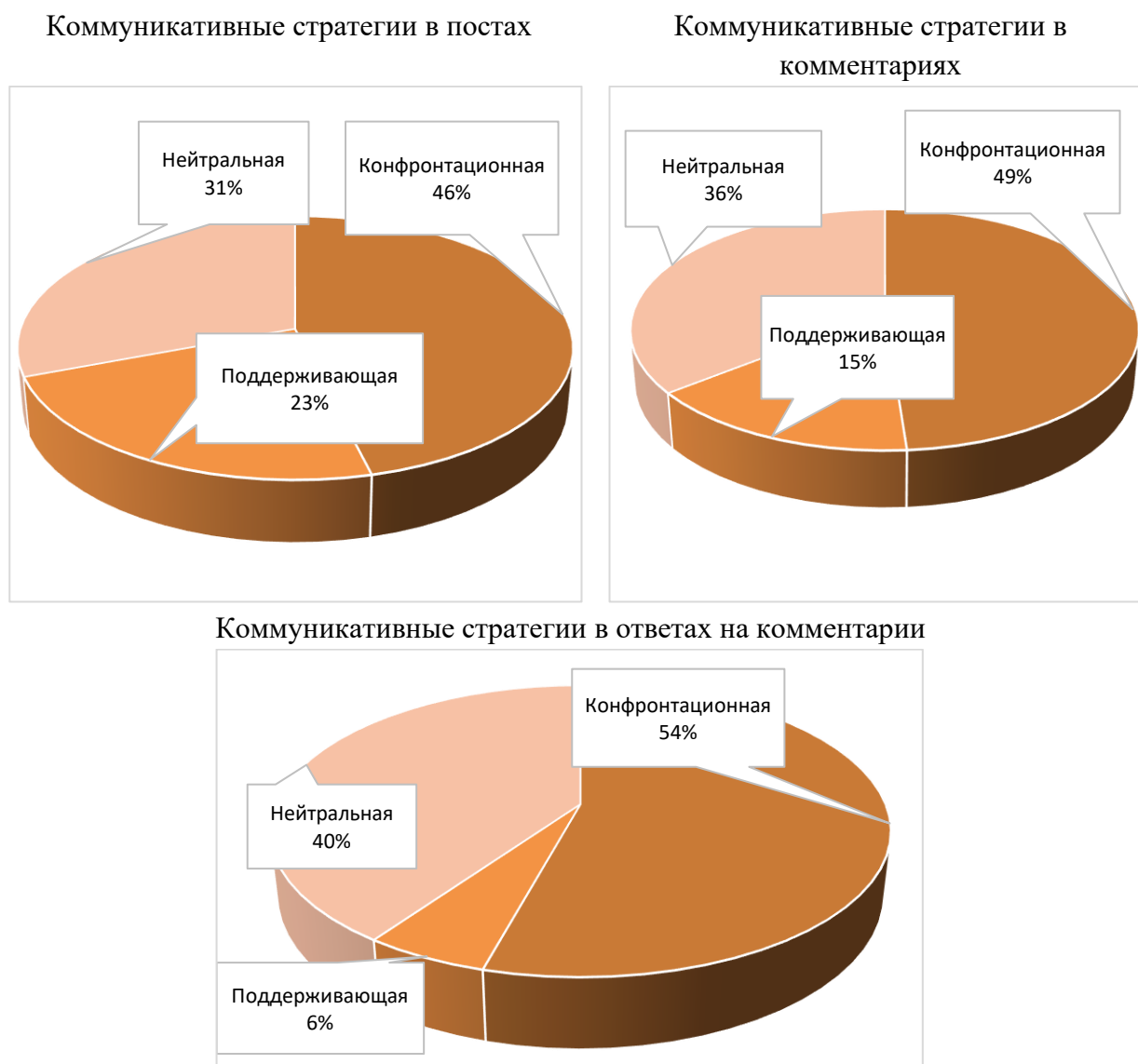

Рисунок 36. Диаграммы долевого распределения коммуникативных стратегий в постах, комментариях и ответах на комментарии

Сопоставление модальности сообщений с коммуникативными стратегиями, используемыми пользователями в цифровой социальной среде показывает, что при доминировании отрицательной модальности (вне зависимости от формы реализации сообщения) пользователи чаще прибегают к конфронтационным стратегиям взаимодействия, как в исходных постах, так и в последующих комментариях и ответах на комментарии (Таблица 12). Данное соотношение является закономерным, поскольку модальность отражает эмоциональное отношение автора и, как правило, воспроизводится в ответных репликах, создавая эффект эмоционального «заражения» [32].

Таблица 12. Показатели микропараметров коммуникативного поведения молодежи в большой группе в цифровой социальной среде

Структурный компонент	Параметры	Процент
Коммуникативные стратегии в постах	конфронтационные	46%
	поддерживающие	23%
	нейтральные	31%
Коммуникативные стратегии в комментариях	конфронтационные	49%
	поддерживающие	15%
	нейтральные	36%
Коммуникативные стратегии в ответах на комментарии	конфронтационные	54%
	поддерживающие	6%
	нейтральные	40%
Модальность сообщений в постах	отрицательная	53%
	положительная	40%
	амбивалентная	7%
Модальность сообщений в комментариях	отрицательная	51%
	положительная	30%
	амбивалентная	19%
Модальность сообщений в ответах на комментарии	отрицательная	64%
	положительная	18%
	амбивалентная	18%
Тематика сообщений	жалобы	43%
	благодарности	4%
	помощь	13%
	объявления	28%
	учеба	7%
	отвлеченные темы	5%

Таким образом, установлено, что коммуникативное поведение молодежи в цифровой социальной среде на уровне микропараметров характеризуется преобладанием сообщений с конфронтационной коммуникативной стратегией, а также устойчивой тенденцией преобладания отрицательных по модальности сообщений. Высказывания, реализующие конфронтационные коммуникативные стратегии, поддерживаются максимальным количеством комментариев и ответов на комментарии, что обусловлено столкновением позиции участников коммуникации с дискуссионной направленностью таких сообщений. Сообщения с

поддерживающими и нейтральными коммуникативными стратегиями ориентированы на выражение согласия с исходным высказыванием, не несут конфликтного содержания и вызывают минимальную ответную реакцию. Преобладание сообщений с отрицательной модальностью, обезличенный или анонимный характер высказываний и ориентация на взаимодействие в рамках больших социальных сообществ создают предпосылки для поддержания устойчивой коммуникативной активности в максимально широкой аудитории и вовлечению значительного количества участников в рамках больших сетевых сообществ.

На втором этапе исследования микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи был проведен анализ 21677 сообщений в групповых чатах мессенджера Telegram. Анализировались длина речевого сообщения, лингвистические и семантические параметры сообщений. Из общего массива текстовых сообщений были исключены 6065 сообщений, представлявших собой автоматические ответы и команды, адресованные ботам, поскольку они не содержали значимой для целей исследования информации. В итоговую выборку были включены 15612 речевых сообщений конструктивного и деструктивного дискурса, из которых 1887 были классифицированы как деструктивные и использованы для дальнейшего анализа.

В коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде, реализующемся в мессенджере Telegram посредством вербальных средств коммуникации – текстовых сообщений в чатах, установлено, что 58% исследуемых деструктивных сообщений носили диалогический характер (участие двух коммуникантов), 42% являлись сообщениями полилогического характера, предполагающими присоединение к диалогу других участников чата и включение в обсуждение трех и более человек (Рисунок 37). Деструктивность в диалогической коммуникации проявлялась как в исходных сообщениях, так и в ответах на сообщения, в то время как в полилогической коммуникации пользователи, присоединяющиеся к уже существующему

диалогу, могли демонстрировать как конструктивное, так и деструктивное поведения [93].

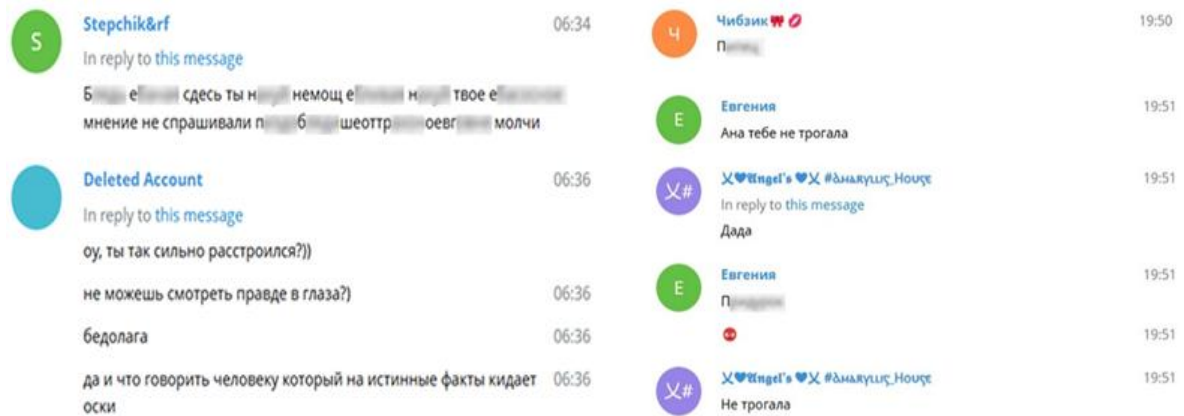

Рисунок 37. Пример диалогических сообщений и полилогических сообщений

В результате лингвистического анализа деструктивных сообщений молодежи в цифровой социальной среде установлено, что совокупное количество лингвистических единиц в исследуемых сообщениях составляет 7320 слов. Из них 19,8% – существительные, 18,9% – глаголы, 3,7% – прилагательные, 8,1% – наречия, 14,3% – местоимения, 35,2% – прочие категории (Рисунок 38). Общая долевая представленность существительных и глаголов составляет 39%, что может указывать на тенденцию упрощения лингвистической структуры речевых сообщений в условиях цифровой коммуникации, так как данное сочетание соответствует структуре простого нераспространенного предложения [93].

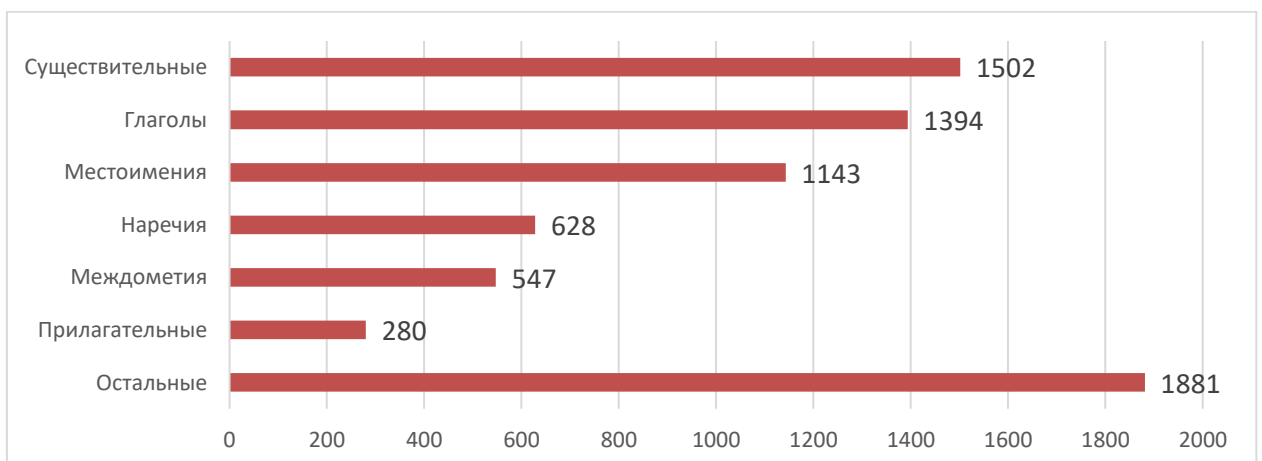

Рисунок 38. Накопительная гистограмма частот встречаемости вербальных средств коммуникации (частей речи) в деструктивных сообщениях

Наличие обсценной лексики фиксируется во всех частях речи и варьируется в диапазоне от 12% до 60% (Рисунок 39), что свидетельствует о высокой степени распространенности и генерализованности данного феномена в речевом поведении молодежи в цифровой социальной среде.

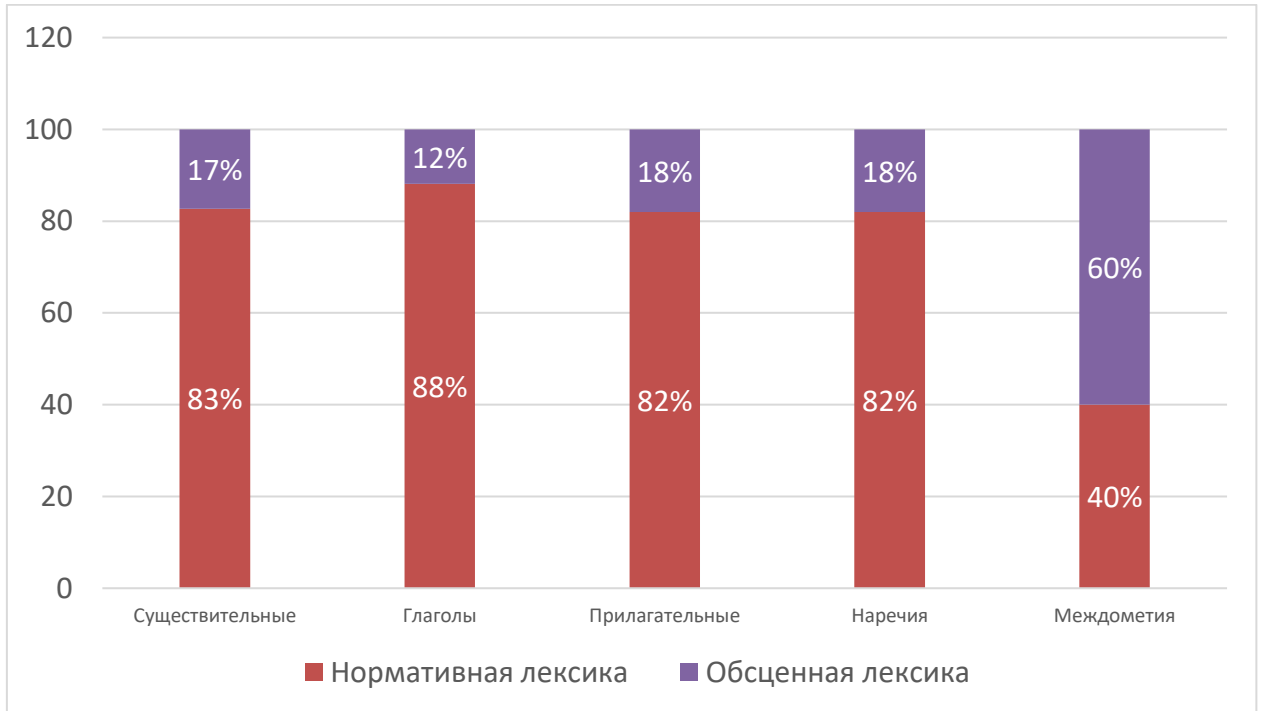

Рисунок 39. Накопительная гистограмма долевого соотношения обсценной и нормативной лексики в деструктивных сообщениях молодежи в цифровой социальной среде

Анализ речевых сообщений в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде позволил провести дифференциацию высказываний по типам речевых единиц: заимствования («офф», «рил»), междометия («фуу», «буээ»), сленг («сигма», «оффница»), сокращения («хз», «поч»), средства невербальной коммуникации («☹», «☠», «💡»), обсценная лексика, а также высказывания, выражающие физическую агрессию («сдохни») и сексуальную агрессию. Речевые единицы, относящиеся к категории обсценной лексики и междометий выполняют в коммуникации агрессивную-экспрессивную функцию, маркируя негативное отношение говорящего к адресату и выступая индикатором речевой агрессии в интернет-дискурсе [41]. Нейтральные междометия (например, «ой», «та» и др.) включены в анализ с целью дифференциации экспрессивных, но

неагрессивных языковых элементов от агрессивных форм [141].

Сленг в коммуникативном поведении в цифровой среде представляет собой динамическую речевую единицу и может являться как средством эмоциональной разрядки, так и способом идентификации участника коммуникации частью группы. Сокращения и заимствования являются как средством выражения агрессии, так и элементами молодежного жаргона и способом выражения иронии и сарказма [182, 181, 143].

Невербальные элементы (эмодзи, графические элементы) могут использоваться с целью маскировки негативной интенции или способствовать усилению смыслового содержания вербального сообщения [65]. Оскорбления, а также речевые единицы, содержащие вербальные проявления сексуальной и физической агрессии рассматриваются как крайне выраженные формы деструктивного коммуникативного поведения.

Речевые единицы, как вербальные средства коммуникативного поведения в цифровой социальной среде, с использованием метода функциональной прагматики по их интенциональному признаку были классифицированы на предикторы и маркеры деструктивности (Таблица 13) по следующим критериям:

- цель коммуникации,
- коммуникативные стратегии и средства,
- отношение к адресату,
- прагматический результат.

На уровне цели коммуникации оценивалось установление взаимодействия и сотрудничества, либо доминирование, агрессия, провокация. На уровне коммуникативных средств – аргументированное, уважительное взаимодействие, либо речевая агрессия. По отношению к адресату рассматривалось признание субъектности собеседника или ее отрицание, проявление уничижения и насмешки. Прагматический результат анализировался по достижению взаимопонимания либо эскалации конфликта [93].

Таблица 13. Классификация вербальных средств коммуникации (речевых единиц), являющихся предикторами и маркерами деструктивности в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде

Предикторы деструктивности		Маркеры деструктивности	
Междометия	«бэээ», «ну-ну», «тьфу»	Обценная лексика	«х****», «п****а»
Сленг	«кринжжж», «имба», «деград»	Обценная лексика как междометие	«е****ь», «б****ь»
Сокращения	«пжлста», «крч», «норм»	Оскорбления	«пи****с», «м****к»
Заимствования	«имхо», «афк», «хейт», «нонейм»	Сексуальная агрессия	«Я тебя в****у»
Средства невербального общения	«D:<», «(非益)», «гп(▲_▲)гп»	Физическая агрессия	«сдохни тв****», «получишь по е****лу»

Оценка долевого распределения речевых единиц в анализируемых сообщениях проводилась отдельно по единицам, являющимся предикторами и маркерами деструктивности. Анализ показал, что на уровне предикторов деструктивности коммуникативного поведения в социальных сетях наблюдается генерализация междометий, тогда как на уровне маркеров деструктивности фиксируется генерализация обценной лексики (Рисунок 40).

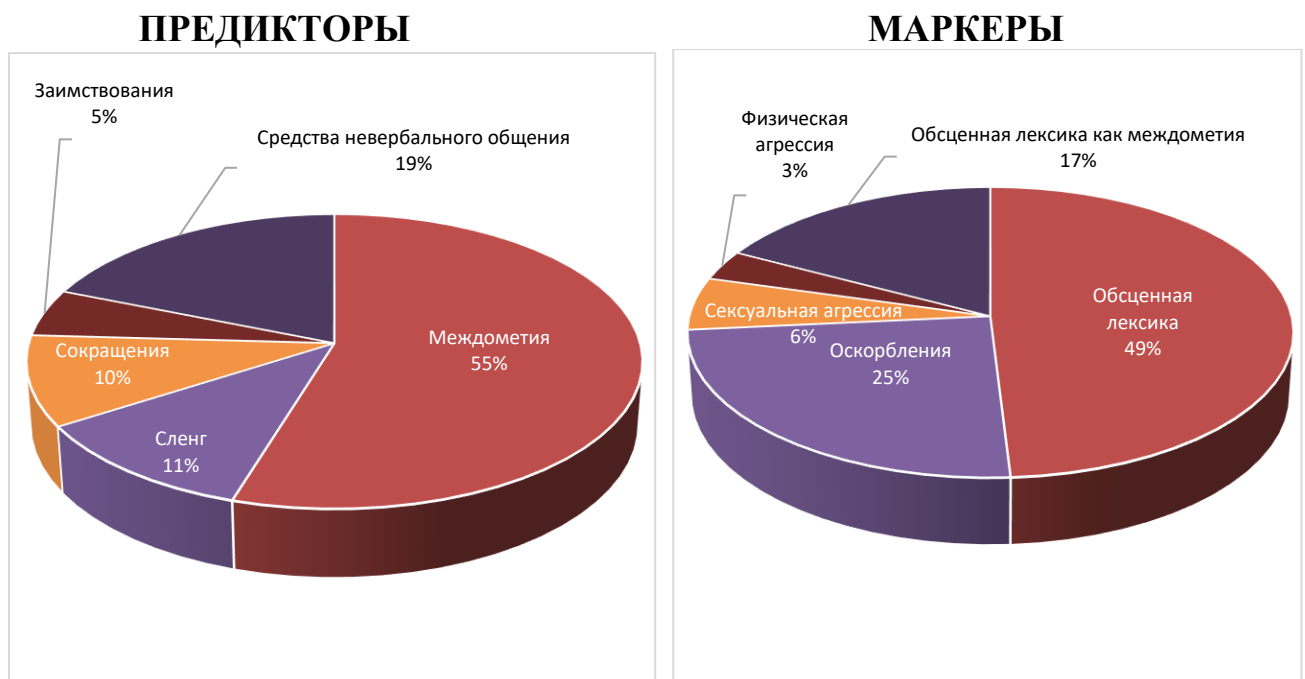

Рисунок 40. Диаграммы долевого распределения вербальных средств коммуникации (речевых единиц), являющихся предикторами и маркерами деструктивности в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде

Результаты проведенного контент-анализа речевых сообщений молодежи в цифровом пространстве позволяют утверждать, что генерализованные предикторы и маркеры деструктивности характеризуются отсутствием выраженного семантического содержания, реализуя эмоциональную составляющую коммуникации. Примеры сообщений с отсутствием семантического содержания: «Я колетт на серебро 2апнул», «хыхыхыхыхыхых да», «1579к смс, шо за движ?», «Бик боксирь», «Рсзосзосоцрмзозмозсщнзсрмощрсщнрщмщомощм9гхлихл», «Что за нн», «Загщнышеыхгех», «Фри фаер?», «Пппппппппппчппппппппппппппч», «Пхшзалхшппхшхшппл», «Это смех или это пхадазахххвазазавзвзвзазазавз», «пошли в шд», «Глаз боба, пробивон?».

Анализ деструктивных сообщений молодежи в цифровой социальной среде демонстрирует наличие во всем диапазоне частей речи, реализующих вербальные средства коммуникации, обценной лексики, не имеющей собственного смыслового содержания и демонстрирующей преимущественно эмоциональные реакции (доминирование/снижение социальной дистанции), либо выполняющей функции организации речевого высказывания как вербального средства реализации процесса коммуникации (для связи слов в предложении). Такие речевые единицы как заимствования и сленг, являясь индикаторами принадлежности к определенному социальному сообществу и актуальному культурному пространству, выполняют идентификационную и статусную функцию, являясь показателем групповой самоидентификации. Вербальные проявления сексуальной и физической агрессии являются проявлениями борьбы за статус, установления иерархии. Генерализация данных речевых единиц фиксирует процессы нормализации эмоционально грубой, ненормативной лексики как приемлемого и социально-поддерживаемого способа коммуникации в цифровой среде. Примерами деструктивных сообщений являются: «А н*** ты мя в контакты добавила», «И мне по*** на твое мнение», «Еб*** на*** вам так много ботов?», «6 месяц ну я ва*** вообще».

По результатам лингвосемантического анализа были определены наиболее характерные для коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде типы схем структуры деструктивных речевых сообщений (Таблица 14) [93].

Таблица 14. Схемы структуры вербальных средств коммуникации (речевых сообщений) молодежи в цифровой социальной среде

СХЕМА 1	
Лингвистическая	Местоимение + Существительное + Прилагательное
Семантическая	Местоимение + Сленг-заимствование + Оскорбление + Оскорбление
Пример	«Ты рил тупой м****?»
СХЕМА 2	
Лингвистическая	Местоимение + Существительное + Прилагательное
Семантическая	Местоимение + Оскорбление + Обценная лексика
Пример	«ты свинья е****», «ты кринж е****»
СХЕМА 3	
Лингвистическая	Местоимение + Существительное + Существительное
Семантическая	Местоимение + Оскорбление
Пример	«Ты сын ш****»
СХЕМА 4	
Лингвистическая	Местоимения + Прилагательное + Междометие
Семантическая	Местоимение + Частица + Оскорбление + Обценное междометие
Пример	«вы же тупые б**»
СХЕМА 5	
Лингвистическая	Междометие + Местоимение + Прилагательное
Семантическая	Обценное Междометие + Местоимение + Оскорбление/ Обценная Лексика
Пример	«Б**** ты е*****»
СХЕМА 6	
Лингвистическая	Глагол + Местоимение + Существительное + Наречие
Семантическая	Сленг + Местоимение + Оскорбление + Обценная лексика
Пример	«Кикните это животное н****»

С целью выявления статистически значимых взаимосвязей между частотностью употребления различных частей речи и количеством речевых единиц был использован коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена ($p < 0,05$) (Таблица 15).

Таблица 15. Результаты корреляционного анализа показателей количества вербальных средств коммуникации (частей речи и речевых единиц) ($p < 0,05$)

Variable	Spearman Rank Order Correlations (Spreadsheet1) MD pairwise deleted Marked correlations are significant at $p < 0,05000$						
	Существительные	Глаголы	Прилагательные	Наречия	Местоимения	Междометия	Прочее
Общечная лексика	0,44*	0,47*	0,57*	0,62*	0,51*	0,43*	0,48*
Общечные междометия	0,06	-0,01	0,09	0,05	0,04	0,55*	0,02
Междометия	-0,12	-0,11	-0,03	-0,08	-0,08	0,62*	-0,06
Сленг	0,09	0,10	0,01	0,03	0,01	-0,01	0,01
Займствования	0,47*	0,53*	0,44*	0,51*	0,46*	0,54*	0,50*
Сокращения	0,03	0,01	-0,02	0,09	0,04	0,04	0,07
Оскорбления	0,38	-0,06	0,22	-0,05	0,03	-0,01	-0,06
Невербальные	-0,05	-0,02	-0,04	0,00	-0,04	-0,05	-0,02
Сексуальная агрессия	0,10	0,17	-0,01	-0,03	0,09	-0,05	-0,01
Физическая агрессия	0,02	0,14	-0,05	0,04	0,05	-0,06	0,03

В результате корреляционного анализа установлено, что на уровне речевых единиц общечная лексика и займствования демонстрирует значимые корреляции со всеми анализируемыми частями речи (Таблица 15, Рисунок 42). Выявленная генерализация общечной лексики и займствований свидетельствует о смещении акцента с передачи содержания высказывания на экспрессию и групповую самоидентификацию (займствования и сленг, являясь индикаторами принадлежности к актуальному культурному пространству, выполняют идентификационную и статусную функцию), что фиксирует процессы нормализации эмоционально грубой, ненормативной лексики как приемлемого и социально-поддерживаемого способа коммуникации в цифровой социальной среде [93].

Анализ взаимосвязей между лингвосемантическими единицами, выступающими в роли предикторов деструктивности и маркеров деструктивности, выявил обратно пропорциональные статистически значимые зависимости (Таблица 16).

Таблица 16. Результаты корреляционного анализа исследуемых показателей предикторов и маркеров деструктивности ($p < 0,05$)

Variable	Spearman Rank Order Correlations (Spreadsheet1) MD pairwise deleted Marked correlations are significant at $p < 0,05000$									
	Общен ная лекси ка	Общен ные междо метия	Межд омети я	Сленг	Заим ство вани я	Сокр ащен ия	Оско рбле ния	Неве рбал ьные	Секс уаль ная агрес сия	Физ ичес кая агрес сия
Общенная лексика	1,00									
Общенны междометия	0,52*	1,00								
Междометия	0,04	0,14	1,00							
Сленг	-0,01	0,00	-0,01	1,00						
Заимствования	-0,01	-0,02	-0,01	0,07	1,00					
Сокращения	0,03	0,03	0,00	-0,01	0,08	1,00				
Оскорбления	0,12	0,05	-0,03	0,00	0,03	-0,01	1,00			
Невербальные	-0,49*	-0,47*	-0,02	0,03	0,00	-0,02	-0,08	1,00		
Сексуальная агрессия	0,05	-0,05	-0,03	-0,52*	0,01	-0,02	0,00	-0,03	1,00	
Физическая агрессия	-0,06	-0,04	-0,57*	-0,01	0,04	-0,01	-0,05	-0,01	-0,04	1,00

Средства невербального общения отрицательно коррелируют с обценной лексикой и обценными междометиями (визуальные символы позволяют выразить эмоцию без вербализации ненормативных слов); междометия отрицательно коррелируют с речевыми единицами, содержащими вербальные проявления физической агрессии (часть аффективного напряжения заменяется краткими эмоциональными реакциями вместо разворачивания прямых угроз); сленг отрицательно коррелирует речевыми единицами, содержащими вербальные проявления сексуальной агрессии (агрессия остается вербально игровой, переходит в форму грубой шутки, не доходя до прямой сексуализированной инвективы) (Таблица 16, Рисунок 41).

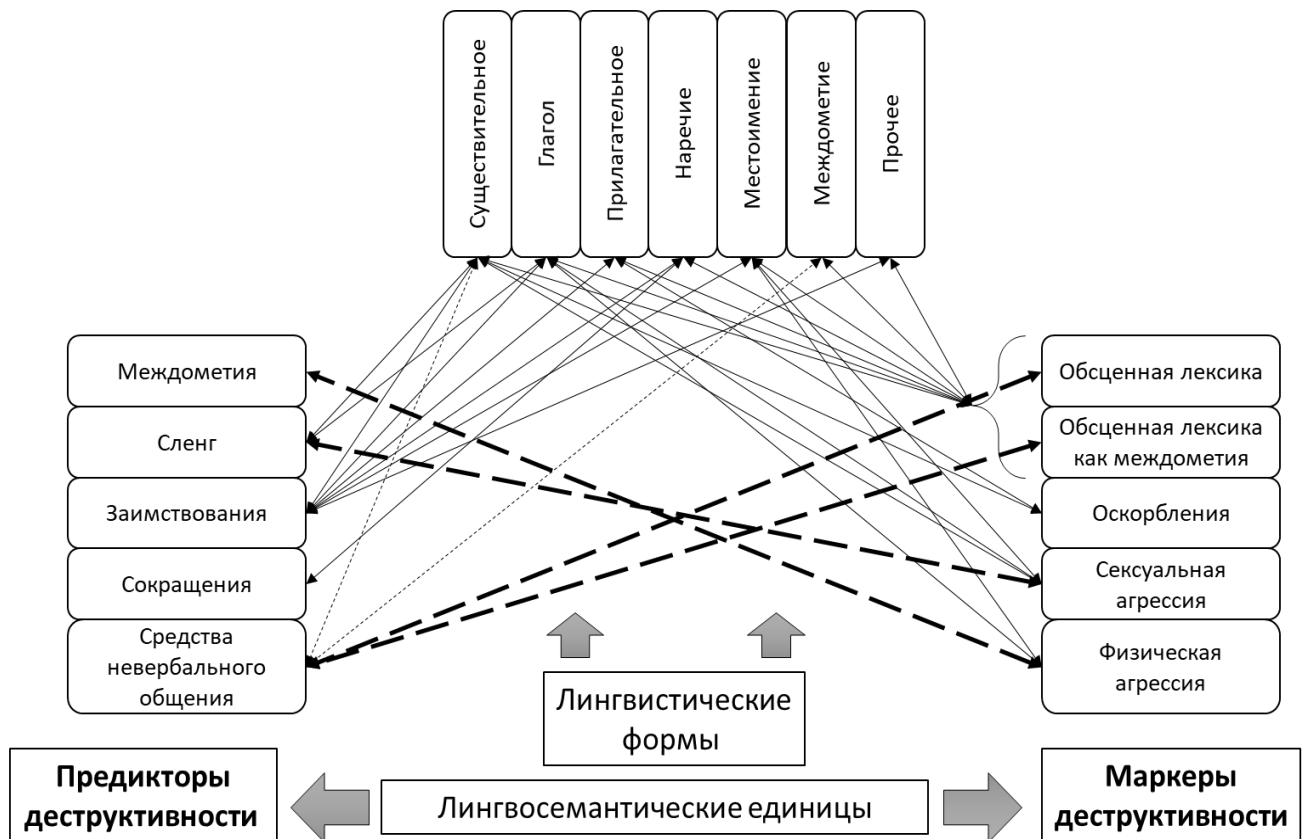

Рисунок 41. Схема взаимосвязей показателей количества вербальных средств коммуникации (частей речи и речевых единиц) ($r < 0,05$)

Таким образом, такие речевые единицы как междометия, сленг и средства невербального общения становятся социально приемлемыми (в рамках коммуникации в цифровом социальном пространстве) каналами аффективной разрядки, которые удерживают коммуникацию от перехода к наиболее крайним формам деструктивности, не отменяя при этом общей негативной эмоциональной тональности.

Исследование микропараметров коммуникативного поведения в цифровой социальной среде включало также анализ средней длины речевых сообщений молодежи в цифровой социальной среде. Данный анализ осуществлялся в мессенджере Telegram в чатах, участниками которых являлись ученики общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений. В результате проведенного анализа выявлено, что средний размер конструктивного речевого сообщения составляет $3,5 \pm 3,03$ лингвистические единицы, а деструктивного речевого сообщения – варьируется от $3,4 \pm 3,1$ до $3,9 \pm 2,5$ лингвистических единиц (количество слов). Полученные результаты

подтверждают эффект когнитивной экономии в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде. Общаясь в социальных сетях и мессенджерах молодежь предпочитает короткие реплики, минимизируя усилия на обработку информации в условиях переизбытка стимулов. Отсутствие значительных различий по средней длине речевого сообщения между конструктивными и деструктивными высказываниями указывает на универсальность данного механизма – деструктивность не требует большего объема, так как опирается на эмоциональный импульс, а не на аргументацию [92, 93].

Формирующаяся в цифровом социальном пространстве количественная и качественная трансформация речевых сообщений, выражающаяся в редукции или утрате смысловой составляющей при сохранении эмоционального компонента (преобладание коротких, шаблонных, эмоционально насыщенных фраз вместо рефлексивного обсуждения), способствует формированию и закреплению коммуникативных стереотипов преимущественно деструктивного характера. Повторяющиеся конструкции «обсценная лексика + минимальная семантика» становятся привычным способом реагирования, снижая чувствительность к агрессии и грубости (эффект десенсибилизации). Поскольку значительная часть коммуникативной активности молодежи реализуется преимущественно в цифровой социальной среде (социальных сетях и мессенджерах), их речевое поведение, демонстрирующее преобладание эмоциональных реакций над семантическим содержанием стереотипизируется, а длительное пребывание в цифровом пространстве способствует переносу как конструктивных, так и деструктивных паттернов коммуникативного поведения в сферу непосредственных межличностных контактов, не опосредованных техническими средствами. Речевое поведение, ранее маркирующееся как допустимое только в закрытых, неформальных контекстах, начинает проявляться и в повседневной коммуникации в неопосредованной техническими средствами реальности, усиливая риск конфликтности,

снижения чувствительности к вербальной агрессии и повышения толерантности к деструктивным формам коммуникативного поведения.

2.5. Структурная организация деструктивных сообщений молодежи в цифровой социальной среде

Исследование структурной организации деструктивных сообщений в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде проводилось в мессенджере Telegram в чатах, участниками которых являлись ученики общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений. Общее количество проанализированных сообщений составило 10016 единиц. Анализируемые сообщения были дифференцированы на экспериментальную и контрольную группы на основании метода функциональной прагматики: в экспериментальную группу были включены 5008 сообщений, характеризующихся наличием деструктивного дискурса, в контрольную группу – другие 5008 сообщений, характеризующихся наличием конструктивного дискурса.

В коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде в качестве основной единицы анализа рассматривались вербальные средства коммуникации – конструктивные и деструктивные речевые сообщения, в которых анализировались лингвистические (части речи) и семантические (обсценная лексика, обсценные междометия, нейтральные междометия, сленг, сокращения, заимствования, оскорбления, невербальные элементы, речевые единицы, содержащие вербальные проявления сексуальной и физической агрессии) единицы. В категории конструктивных речевых сообщений вместо речевых единиц, содержащих вербальные проявления сексуальной и физической агрессии, рассматривались единицы, выражающие сексуально-ориентированные реакции или реакции воздействия.

Показатели долевого распределения вербальных средств коммуникации в цифровой социальной среде по лингвистическим единицам в конструктивных и деструктивных сообщениях представлены в Таблице 17.

Таблица 17. Показатели долевого распределения вербальных средств коммуникации молодежи в цифровой социальной среде по лингвистическим единицам в конструктивных и деструктивных сообщениях

	Конструктивные сообщения (18652 лингвистические единицы)		Деструктивные сообщения (17962 лингвистические единицы)	
	%	единицы	%	единицы
Существительные	21,25%	3965	20,96%	3767
Глаголы	15,49%	2889	17,07%	3067
Прилагательные	3,9%	729	3,8%	683
Наречия	7,78%	1451	8,49%	1525
Местоимения	12,7%	2369	13,56%	2436
Междометия	4,47%	833	7,4%	1336
Прочие Слова	29,02%	5416	23,09%	4148

Установлено, что деструктивные сообщения молодежи в цифровой социальной среде отличаются более высокой аффективной насыщенностью, что подтверждается увеличением доли междометий на 2,93% по сравнению с конструктивными сообщениями. Остальные грамматические категории демонстрируют различия по категориям конструктивных и деструктивных сообщений менее 2%. Подтверждается преобладание простейшей модели «действующее лицо (существительное) – действие (глагол)» как в деструктивных, так и в конструктивных речевых сообщениях, соответственно, коммуникативное поведение молодежи в социальных сетях и мессенджерах ориентировано на простые по структуре высказывания, в речи преобладает быстрая, импульсивная реакция, а не развернутое аргументированное высказывание [92].

Сравнительный анализ соотношения нормативной и обценной лексики продемонстрировал, что обценная лексика присутствует как в деструктивных, так и в конструктивных сообщениях в коммуникативном поведении молодежи в цифровом социальном пространстве. В конструктивных сообщениях доля обценной лексики минимальна (менее 2%), за исключением междометий (20,76%). В деструктивных сообщениях фиксируется увеличение доли обценной лексики, содержание которой во всех частях речи варьируется в диапазоне от 14% до 57% (Рисунок 42).

Рисунок 42. Накопительные гистограммы долевого соотношения обценной и нормативной лексики в конструктивных (1) и деструктивных (2) сообщениях в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде

Таким образом, обценная лексика становится частью коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве, даже в условиях конструктивной коммуникации, что подтверждается наличием обценных единиц в конструктивных сообщениях. Наибольшая представленность обценной лексики в конструктивных сообщениях фиксируется среди междометий, в качестве которых обценные речевые единицы становятся социально допустимым способом эмоционального реагирования, даже когда намерение автора не деструктивно (обценные междометия используются как привычные реакции удивления, раздражения, восторга, а не только как элементы агрессии). Происходит нормализация грубой эмоциональной манеры выражения эмоций, обценная лексика перестает быть маркером только деструктивного поведения и

становится частью конструктивного общения в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде. Наличие обценной лексики в конструктивных и деструктивных сообщениях отражает ее функцию как социально приемлемого эмоционального регулятора: в конструктивных сообщениях обценные междометия служат эмоциональной разрядкой, укрепляя групповую идентичность, что стирает границы деструктивности, нормализуя обценную лексику как норму молодежного дискурса.

Проведенный семантический анализ деструктивных сообщений позволил установить, что совокупное количество речевых единиц в данной категории сообщений – 6633 единицы. Доминирующее положение в структуре деструктивной коммуникации занимает обценная лексика, частотность которой достигает 2576 речевых единиц. Оскорбления составляют 1347 речевых единиц, междометия – 1322 речевые единицы (обценные междометия – 701, нейтральные междометия – 621). Сленг представлен 568 речевыми единицами, невербальные графические элементы – 429 единицами. Наименьшей частотностью представлены вербальные проявления сексуальной и физической агрессии (349 и 289 речевых единиц соответственно), а также сокращения и заимствования (235 и 118 речевых единиц соответственно) (Рисунок 43) [92].

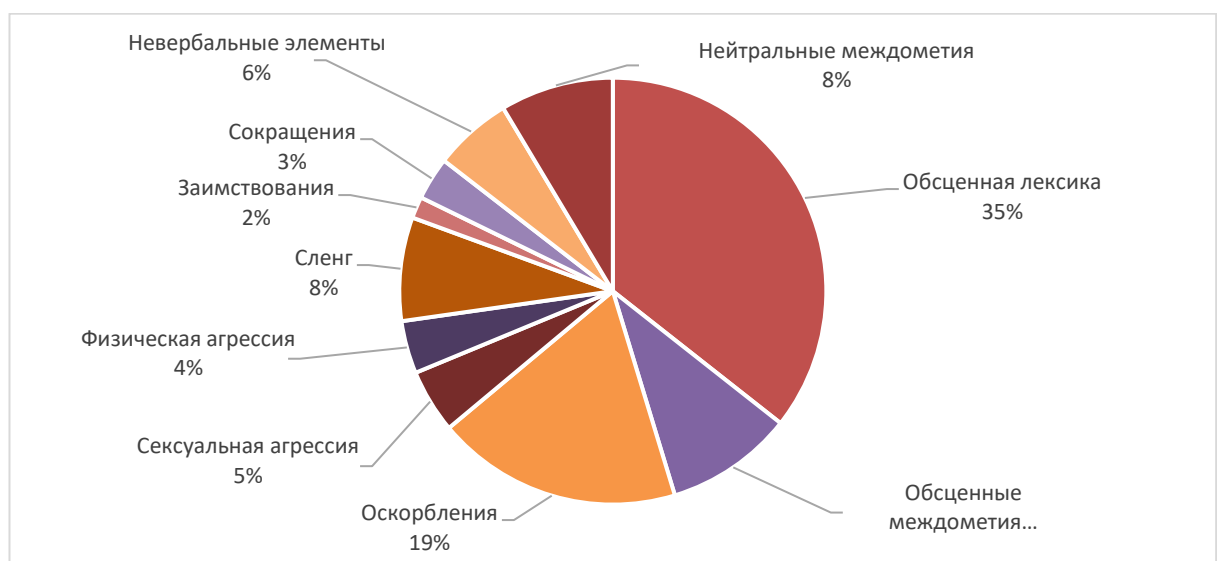

Рисунок 43. Долевое распределение вербальных средств коммуникации (речевых единиц) в деструктивных речевых сообщениях в цифровой социальной среде

В коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде в структуре деструктивных речевых сообщений фиксируется преобладание экспрессивных и эмоционально окрашенных единиц (междометия и обценная лексика), что указывает на аффективную направленность дискурса и тенденцию к снижению семантического содержания речевых сообщений. Деструктивные сообщения одновременно выполняют регулятивную функцию (воздействие, подавление, давление на адресата) и внутриличностную функцию (разрядка аффекта, выражение накопленного напряжения), являясь не просто «эмоциональным» сообщением, а сообщением, лексически насыщенным агрессией. Обценная лексика в нем используется для оскорбления и унижения адресата, демонстрации пренебрежения к нормам, демонстрации «силы», доминирования, включенности в субкультурную норму, привлечения внимания. В конструктивных высказываниях наблюдается высокий уровень нормативной лексики и снижение агрессивной языковой экспрессии, с незначительным присутствием обценного содержания (преимущественно в междометиях). Отличия в конструктивных и деструктивных сообщениях проявляются в лексическом наполнении и степени аффективной насыщенности: деструктивные сообщения характеризуются большей представленностью обценной лексики во всех лингвистических единицах, что свидетельствует о преобладании эмоционально реактивного, агрессивного стиля общения. При этом, обценная лексика присутствует и в конструктивных сообщениях, что отражает нормализацию грубо эмоциональной манеры выражения чувств и эмоций в коммуникативном поведении молодежи в социальных сетях.

Для установления статистически значимых различий между конструктивными и деструктивными речевыми сообщениями по лингвистическим и семантическим параметрам, был проведен сравнительный анализ с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Выявлены статистически значимые различия по следующим частям речи: существительные, глаголы, наречия, прочие части речи (Таблица 18), что

позволяет сделать вывод о различиях в грамматическом и функциональном оформлении сообщений. Различия по прилагательным и местоимениям не достигли уровня статистической значимости, что указывает на их равномерное использование как в конструктивных, так и в деструктивных сообщениях. По междометиям U-критерий приблизился к критическому порогу, но не подтвердил значимых различий. Статистически значимые различия по большинству частей речи подтверждают функциональные различия: деструктивные сообщения ориентированы на импульсивную агрессию, в то время как конструктивные сохраняют большую семантическую нейтральность.

Таблица 18. Результаты сравнения частоты встречаемости вербальных средств коммуникации (частей речи) в конструктивных и деструктивных речевых сообщениях по U-критерию Манна-Уитни ($p < 0,05$)

Параметры	U	p-value
Существительные	$1,299 \times 10^7***$	$<0,001$
Глаголы	$1,221 \times 10^7*$	0,011
Прилагательные	$1,260 \times 10^7$	0,468
Наречия	$1,231 \times 10^7*$	0,045
Местоимения	$1,263 \times 10^7$	0,476
Междометия	$1,148 \times 10^7$	$<0,001$
Прочее	$1,439 \times 10^7**$	$<0,001$

Выявленные статистически значимые различия по частям речи в конструктивных и деструктивных сообщениях позволяют сделать вывод о том, что данные типы сообщений исходят из разных коммуникативных задач, но имеют и схожие черты. Оценивание («какой он/она/они») и отнесение к «я/ты/они» присутствуют и в конструктивных, и в деструктивных сообщениях, таким образом оценочность и категоризация являются индикатором не только деструктивной, но и конструктивной коммуникации. Аффективная реактивность (восклицания, эмоциональные «ах»/«фуу») характерна в целом для коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде, но в деструктивных сообщениях она более выражена. В деструктивных сообщениях преобладает ориентация на воздействие (не просто обозначить объект, а «что-то с ним сделать» – унизить, оттолкнуть, подчинить).

Анализ на уровне речевых единиц, являющихся законченным коммуникативным смысловым образованием целого тематического высказывания, выявил статистически значимые различия между конструктивными и деструктивными сообщениями в следующих категориях: частота употребления обценной лексики, обценных междометий, нормативных междометий, заимствований, сокращений, оскорблений, невербальных элементов, речевых единиц, содержащих вербальные проявления сексуальной и физической агрессии (Таблица 19).

Таблица 19. Результаты сравнения частоты встречаемости вербальных средств коммуникации (речевых единиц) в конструктивных и деструктивных речевых сообщениях по U-критерию Манна-Уитни ($p < 0,05$)

Параметры	U-статистика	p-value
Обценная лексика	$7,537 \times 10^6$ ***	<0,001
Обценные междометия	$1,125 \times 10^7$ ***	<0,001
Междометия	$1,235 \times 10^7$ *	0,017
Сленг	$1,253 \times 10^7$	0,942
Заимствования	$1,285 \times 10^7$ ***	<0,001
Сокращения	$1,331 \times 10^7$ ***	<0,001
Оскорбления	$9,369 \times 10^6$ ***	<0,001
Невербальные элементы	$1,274 \times 10^7$ ***	<0,001
Вербальные проявления сексуальной агрессии	$1,182 \times 10^7$ **	<0,001
Вербальные проявления физической агрессии	$1,186 \times 10^7$ ***	<0,001

По таким речевым единицам, как сленг не установлено значимых различий (Таблица 19), что объясняется его полифункциональностью в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде: сленг является как средством идентификации пользователя частью группы, так и выполняет деструктивную функции. В отличие от прямых оскорблений и обценной лексики, сленговые единицы менее однозначны и зависят от контекста. Частое использование сокращений и заимствований в деструктивных сообщениях отражает когнитивную экономию и импульсивность коммуникативного поведения. Специфика коммуникации в цифровой среде предполагает упрощение языковых структур, что особенно характерно для эмоционально заряженных, агрессивных высказываний.

С целью определения взаимосвязей частоты встречаемости частей речи и речевых единиц в деструктивных сообщениях был проведен тест ранговой корреляции Спирмена (Таблица 20).

Таблица 20. Результаты корреляционного анализа показателей частотности вербальных средств коммуникации (частей речи и речевых единиц) деструктивных речевых сообщений с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена ($p < 0,05$)

Показатели частоты		г
Существительные	Прилагательные	0,100***
	Местоимения	0,173***
	Общественная лексика	0,159**
	Сленг	0,106***
	Заимствования	0,106***
	Вербальные проявления сексуальной агрессии	0,100***
	Междометия как части речи	-0,141***
	Нормативные междометия	-0,121***
Глаголы	Наречия	0,208***
	Местоимения	0,276***
	Сленг	0,131***
	Вербальные проявления сексуальной агрессии	0,183***
	Вербальные проявления физической агрессии	0,198***
	Междометия как части речи	-0,129***
	Оскорбления	-0,121***
Наречие	Местоимения	0,131***
	Общественная лексика	0,119***
Междометия как части речи	Общественные междометия	0,640***
	Оскорбления	-0,110***
Междометия как части речи	Нейтральные междометия	0,548***
	Общественная лексика	0,298***
Общественная лексика	Общественные междометия	0,452***
	Оскорбления	0,165***
Сленг	Заимствования	0,372***
Оскорбления	Существительные	0,402***
	Прилагательные	0,262***
* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$		

Полученные результаты свидетельствуют о том, оскорбления чаще всего вербализуются через номинативные структуры, а именно – существительные, несущие уничижительный смысл и выполняющие функцию приписывания собеседнику негативных качеств, отнесения его к определенным социальным категориям («дебил», «ишак»), а также, являются формой категоризации: обозначить собеседника уничижительным существительным или прилагательным, приписывая собеседнику определенную роль, статус, место в иерархии («лох», «нищ», «дебил» и т.п.), что оказывает прямое влияние на самооценку, включенность и позицию жертвы в группе. Глаголы в деструктивных сообщениях выражают намерение насилия («сделай с ним ...», «убей», «унижай» и т.п.). Наречия усиливают эти намерения, придавая им интенсивность или презрительность («прямо убей», «совсем уничтожу», «жестко унизь»). Прямо пропорциональная взаимосвязь глаголов с наречиями и речевыми единицами, содержащими вербальные проявления сексуальной и физической агрессии, показывает, что деструктивное сообщение не только описывает негативную оценку, но и часто предписывает или воображает действие – реальное или воображаемое насилие, контроль, доминирование, что усиливает регулятивную функцию агрессии: через язык задается, что «можно» делать с другими, сдвигая норму насилия в сторону допустимого. В деструктивных речевых сообщениях наречия часто выполняют функцию обстоятельств образа действия, уточняя манеру или способ реализации действия, выраженного глаголом и, как правило, используются для эмоционального акцентирования или усиления агрессивной интенции действия. Выявленная прямо пропорциональная взаимосвязь глаголов с речевыми единицами, содержащими вербальные проявления сексуальной и физической агрессии, свидетельствует о том, что подобные формы деструктивного поведения преимущественно реализуются через глагольные конструкции, обозначающие насильственные, уничижительные или доминирующие действия. Обратно пропорциональная зависимость оскорблений с глаголами и междометиями указывает на их менее тесную связь

с динамическими и экспрессивными формами речевых единиц.

Решая задачу выявления параметров, повышающих вероятность деструктивности речевых сообщений молодежи в цифровой среде, была разработана модель коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве на основе логистического регрессионного анализа, позволившего выявить ряд лингвистических и семантических параметров, статистически значимо предсказывающих вероятность проявления деструктивности (уровень значимости $p < 0,05$). Интерпретация коэффициентов логистической регрессии проводилась с использованием показателя отношения шансов (Odds Ratio, OR), отражающего степень влияния каждого лингвосемантического параметра на вероятность отнесения сообщения к деструктивной категории. Значения $OR > 1$ указывают на увеличение риска деструктивности речевого сообщения, значения $OR < 1$ интерпретируются как фактор, снижающий риск.

Разработанная модель коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве на основе логистического регрессионного анализа, свидетельствует о высокой прогностической вероятности выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде по вербальным проявлениям, включающим:

- междометия как части речи ($OR = 1,563$; Wald = 106,271, $p < 0,001$);
- обценная лексика ($OR = 10,851$; Wald = 839,700, $p < 0,001$);
- нормативные междометия ($OR = 1,846$; Wald = 31,470, $p < 0,001$);
- сленг ($OR = 1,498$; Wald = 30,844, $p < 0,001$);
- оскорбления ($OR = 59,089$; Wald = 442,673, $p < 0,001$);
- вербальные проявления сексуальной агрессии ($OR = 7,688$; Wald = 180,636, $p < 0,001$);
- вербальные проявления физической агрессии ($OR = 81,848$; Wald = 88,031, $p < 0,001$).

На минимальные риски проявления деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде указывают вербальные проявления, имеющие собственное смысловое содержание и включающие:

- существительные (OR = 0,735; Wald = 80,383, $p < 0.001$);
- прилагательные (OR = 0,771; Wald = 13,559, $p < 0.001$);
- заимствования (OR = 0,542; Wald = 18,259, $p < 0.001$);
- сокращения (OR = 0,544; Wald = 41,090, $p < 0.001$).

Таким образом, наблюдается устойчивая связь между использованием обценной, агрессивной, оскорбительной, уничижительной лексики и увеличением вероятности деструктивности речевого сообщения. Наличие в сообщении экспрессивной лексики (обценные и нормативные междометия) статистически значимо увеличивает вероятность деструктивности речевого сообщения. Например, использование междометий «блин», «фу» само по себе является параметром деструктивности, но в сочетании с обценной лексикой или оскорблениями, вероятность деструктивности речевого сообщения повышается. Вероятность деструктивности речевого сообщения значительно возрастает при использовании речевых единиц, выражающих вербальные проявления сексуальной и физической агрессии, а также сленга. Сленг может выполнять прагматическую функцию провокации собеседника или выражать иронично-агрессивный тон, усиливая общую деструктивную направленность речевого сообщения, при этом, не обязательно сопровождаться обценной лексикой. Наличие таких грамматических категорий, как существительные и прилагательные, а также использование относительно нейтральных речевых единиц (заимствований, сокращений) снижает вероятность деструктивности сообщения.

2.6. Обсуждение результатов исследования

В результате проведенного исследования макро- и микропараметров деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде выявлено увеличение доли пользователей, проводящих за

экранами смартфонов от 6 до 9 часов в сутки, при одновременном снижении количества пользователей со среднесуточной активностью до 3 часов. Основной объем коммуникации в цифровом социальном пространстве для исследуемой возрастной категории сосредоточен в мессенджерах и социальных сетях, что сопоставимо с результатами исследования О.В. Иевлевой (2023) по изучению риска использования мобильных электронных устройств для здоровья студентов-медиков в части показателей среднесуточного суммарного экранного времени и распределения суммарной среднесуточной активности экранного времени студенческой молодежи в смартфонах по локациям [52]. По данным исследования О.В. Иевлевой, студенты-медики проводят в смартфонах в среднем 413,5 минуты в день, что сопоставимо с установленным в настоящем исследовании значением – 420 минут в день. Кроме того, О.В. Иевлева фиксирует, что порядка 62% среднесуточного экранного времени студентов-медиков приходится на использование социальных сетей и мессенджеров, что подтверждает выявленную в настоящем исследовании тенденцию к генерализации экранной активности именно в данных цифровых платформах [52].

Сопоставляя полученные данные с результатами исследований В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш и др. фиксируем общую тенденцию сокращения длины речевого сообщения в коммуникативном поведении в цифровом пространстве. В 2013–2014 гг. средний объем одного высказывания составлял 6 ± 2 слова, в 2018–2019 гг. сократился до 4 ± 2 слов, в 2024 г. он уменьшился до $3,4 \pm 3,1$ и $3,5 \pm 3,03$ слов в одном сообщении. Как показывают исследования В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш и соавторов, в коммуникативном поведении молодежи в цифровой среде порядка 70% речевых единиц, являющихся вербальными средствами коммуникации, лишены семантической составляющей, что подтверждается и полученными в настоящем исследовании результатами [89, 91]. При этом, такие речевые единицы, как междометия и обценная лексика, выполняют преимущественно коннотативную функцию, связывая и структурируя высказывания при

минимальном объеме собственно смыслового содержания, что свидетельствует о деструктивной направленности и преимущественно негативной эмоциональной окраске коммуникации, а многократное повторение таких речевых элементов способствует формированию устойчивых стереотипизированных паттернов общения.

Результаты исследования также согласуются с позицией М.М. Козыревой, согласно которой обценная лексика используется не только как средство выражения вербальной агрессии, но и как инструмент оптимизации межличностного общения в неконфликтных ситуациях, будучи способной выражать как отрицательные, так и положительные эмоции и оценки [60]. Факт присутствия обценной лексики как в деструктивных, так и в конструктивных сообщениях подтверждает тенденцию нормализации эмоционально-грубой манеры общения и ненормативной лексики в цифровом социальном пространстве [185]. Преобладание в структуре деструктивных речевых сообщений молодежи в цифровой среде сочетаний «существительное+глагол», а также фиксация наличия в данных частях речи обценной лексики согласуется с исследованиями В.И. Карасика [54], фиксирующего, что инвектива в форме существительных характерна для лингвосемантического типа личностных оскорблений и исследованиями Wright M.F., Kowalski R.M., Giumetti G.W., подтверждающими доминирующую роль глаголов в высказываниях с угрозами и призывами к насильственным или сексуализированным действиям [223, 155]. Выявленная в исследовании прямо пропорциональная взаимосвязь между частотностью встречаемости оскорблений и прилагательных указывает на активное использование оценочной лексики: прилагательные с негативной коннотацией («тупой», «жирная») усиливают инвективную номинацию или выступают самостоятельным средством агрессивной категоризации собеседника. Исследования, посвященные изучению эмоциональной оценки в речи, показывают, что прилагательные широко используются в стратегиях агрессивной категоризации и служат для выстраивания иерархических

отношений между коммуникантами [157].

Применение логистического регрессионного анализа позволило количественно оценить вклад разных лингвистических и семантических единиц в вероятность отнесения высказывания к деструктивному типу коммуникативного поведения в цифровой социальной среде. Подтверждается роль обценной лексики в качестве основного маркера деструктивности: ее присутствие статистически значимо повышают вероятность того, что сообщение будет нести деструктивное содержание, что согласуется с выводами Т.В. Егоровой и других авторов, рассматривающих обценную лексику как один из базовых индикаторов вербальной агрессии [45].

ГЛАВА 3. РАЗРАБОТКА ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА МОНИТОРИНГА И АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ДЕСТРУКТИВНОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

3.1. Моделирование программного комплекса мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде

Смещение активности коммуникативного поведения молодежи в цифровое социальное пространство обуславливает увеличение объема информации, ее разнообразие, а также тенденцию распространенности деструктивного коммуникативного поведения в цифровой среде. Кроме того, согласно Распоряжению Правительства РФ от 30.04.2026 № 1030-р «Об утверждении комплекса мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2026 – 2030 годы», перед специалистами ставится задача разработки подходов и технологий выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения молодежи в цифровом пространстве с целью мониторинга активности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Исследование больших массивов текстовой информации, не подлежащих ручной обработке в следствие большого объема, предполагает использование современных систем автоматизированного контент-анализа текстовой информации посредством разработки и применения алгоритмических методов и методов машинного обучения [48, 49]. Выявленные в результате проведенного исследования параметры деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде позволяют проводить не только ретроспективный анализ речевых актов, но и служат основой для разработки программного комплекса мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде. Предлагаемый программный комплекс разработан для персонализированного анализа

коммуникативного поведения путем обработки совокупности вербальных средств коммуникации – речевых (текстовых) сообщений, созданных конкретным пользователем. Предложенное программное решение применимо в исследованиях, направленных на выявление и изучение деструктивных форм коммуникации в цифровом пространстве [107].

Внедрение предлагаемой системы мониторинга деструктивного коммуникативного поведения с использованием разработанного программного комплекса, с учетом требований законодательства о персональных данных и этических норм, возможно только при условии предварительного ознакомления и получения от пользователей добровольного информированного согласия, которое является обязательным, ввиду того, что предлагаемый программный комплекс предусматривает сбор, обработку и интерпретацию персональных данных пользователей, включая анализ речевых сообщений. В содержании информированного согласия необходимо четко обозначить цели мониторинга, методы анализа, а также возможные последствия и возможные способы реагирования специалистов в случае выявления деструктивности в коммуникативном поведении пользователей. При реализации системы мониторинга в открытых чатах, каналах, группах или аккаунтах социальных сетей и мессенджеров следует руководствоваться политикой соответствующих платформ, согласно которым, публикуя информацию в открытых сообществах и на персональных страницах, пользователи понимают и соглашаются с тем, что данная информация будет доступна любым пользователям сети Интернет.

Разработанный программный комплекс основан на результатах логистического регрессионного анализа и метода функциональной прагматики. Используется гибридный метод – rule-based классификация сообщений и вероятностное моделирование на основе интегрального индекса деструктивности (ID). Предложенный программный комплекс мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде ориентирован на

реализацию в автоматизированных системах с акцентом на участников коммуникации. Программа предоставляет специалистам не только автоматическую оценку риска, но и детальную аналитику: распределение маркеров деструктивности, динамику изменения индекса во времени, статистику по каналам и участникам, что позволяет принимать обоснованные решения о необходимости вмешательства. По результатам анализа для каждого пользователя или группы/сообщества/чата формируется индивидуальный профиль, включающий: долевое распределение частей речи и речевых единиц по всем его сообщениям и их структурирование; средние значения ключевых лингвосемантических параметров (например, доля обценной лексики, междометий и пр.); частотность и сочетание деструктивных маркеров в сообщениях; индекс деструктивности, усредненный или максимальный по всем сообщениям. Анализ на уровне отдельного пользователя позволяет осуществлять целенаправленный мониторинг деструктивного коммуникативного поведения в цифровой социальной среде, с возможностью фиксации временной динамики распределения сообщений и их расположения в контексте конкретных диалогов. Это представляется актуальным, поскольку коммуникация в цифровой среде характеризуется краткими, взаимодополняющими речевыми сообщениями, а особенностями коммуникации в социальных сетях являются ее асинхронность и фрагментарность.

3.2. Организационно-технические характеристики и процедура использования программного комплекса мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде

Разработанный программный комплекс включает пять этапов анализа речевых сообщений пользователя (Рисунок 44). На первом этапе осуществляется лингвистическая предварительная обработка текста: очистка от нерелевантных символов, токенизация, лемматизация и морфологический

анализ с использованием языка программирования Python и специализированных NLP-библиотек. В результате каждое сообщение преобразуется в структурированный набор лемм, с указанием частей речи и принадлежности к определенным семантическим категориям, таким как обценная лексика, оскорбления, выражение физической и сексуальной агрессии и другие.

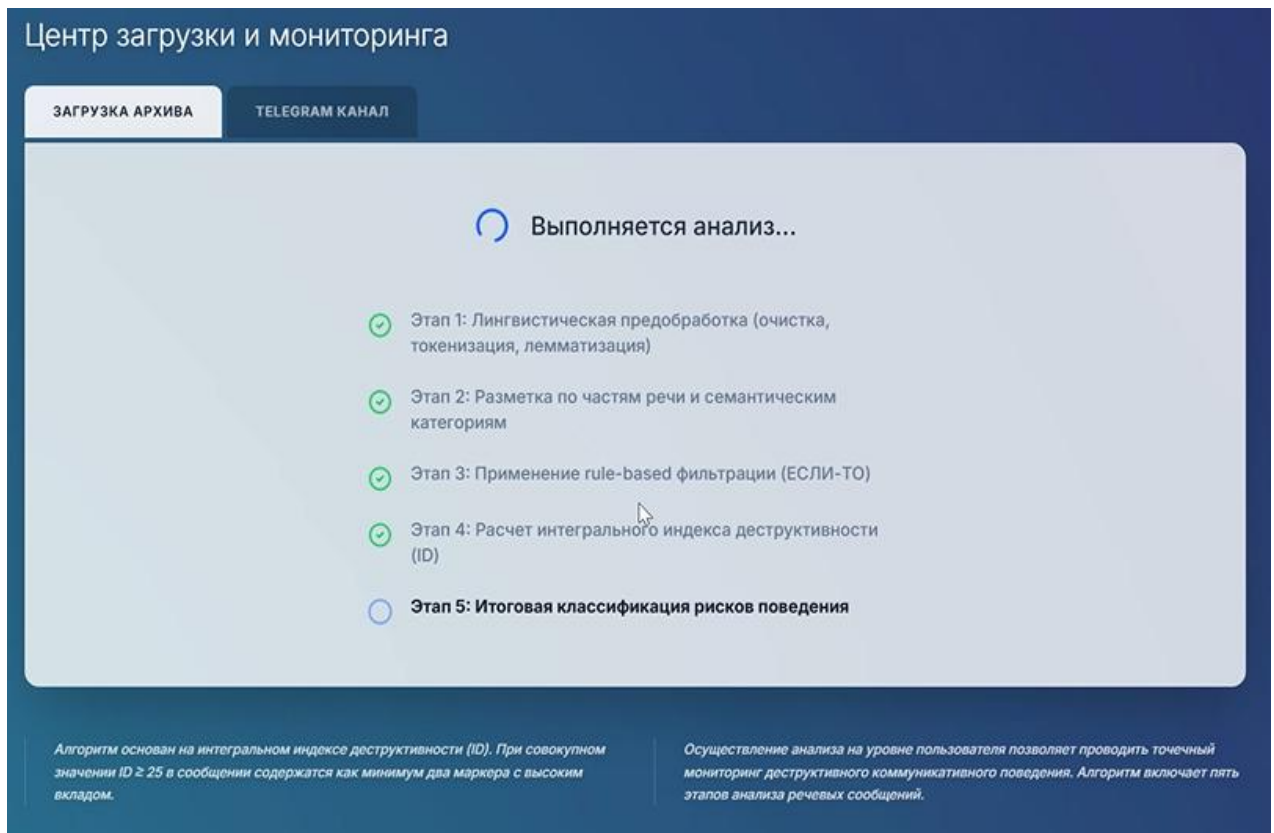

Рисунок 44. Интерфейс страницы программного комплекса мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде

На втором этапе осуществляется разметка речевых сообщений по лингвистическим (части речи: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, местоимения, междометия, прочие) и семантическим (речевые единицы: обценная лексика, обценные междометия, нормативные междометия, сленг, заимствования, сокращения, оскорбления, невербальные элементы, вербальные проявления сексуальной агрессии, вербальные проявления физической агрессии) параметрам.

Третий этап включает применение правил-ориентированного (rule-

based) механизма. В основе таких систем лежат логические правила формата «ЕСЛИ – ТО», описывающие коммуникативные паттерны деструктивного поведения. Подобные подходы получили широкое распространение в психолингвистике и задачах обработки естественного языка (NLP – natural language processing), особенно при автоматической идентификации деструктивного контента. К каждому сообщению пользователя последовательно применяются логические правила, сформулированные на основании выявленных параметров деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде (Рисунок 45):

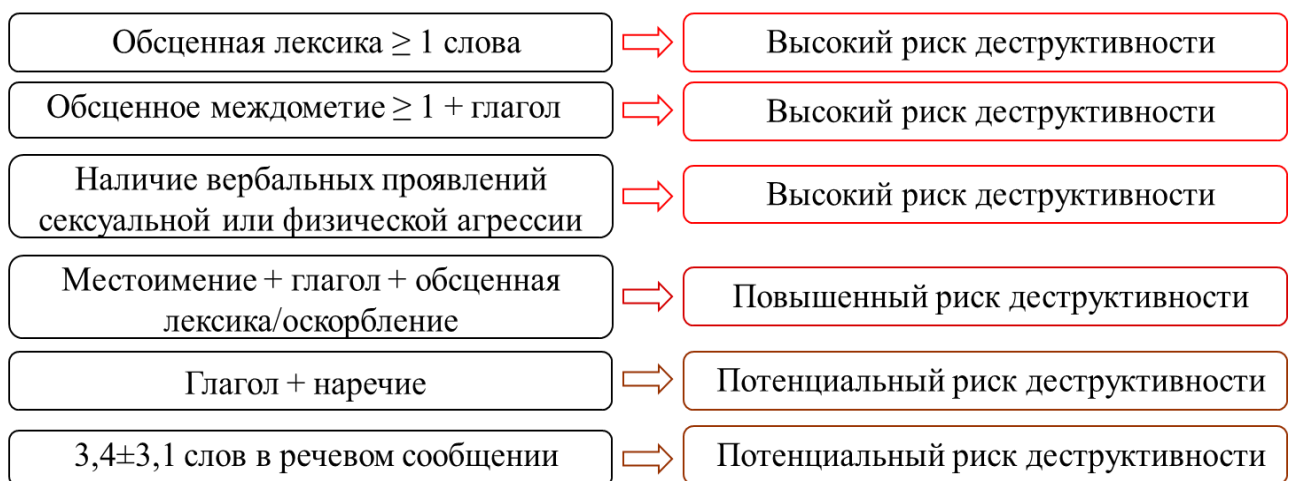

Рисунок 45. Правила rule-based системы для обнаружения вероятности деструктивности речевого сообщения

На четвертом этапе осуществляется вероятностное моделирование: на основе логистических весов, полученных в результате регрессионного анализа, вычисляется интегральный индекс деструктивности (ID). Пороговые значения индекса деструктивности были выбраны на основе анализа логистических коэффициентов и частотного распределения маркеров в выборке. Наиболее значимые маркеры (физическая агрессия, оскорбления, обценная лексика) имеют отношение шансов (OR) от 10 до 80, что позволяет предположить, что при совокупном значении $ID \geq 25$ в сообщении содержатся как минимум два маркера с высоким вкладом. Значения от 10 до 24 отражают умеренную агрессивную направленность, а значения ниже 10 не обеспечивают достаточных оснований для выявления деструктивности без дополнительных признаков.

В программный комплекс заложена следующая формула расчета интегрального индекса: $ID = w_1 * Об + w_2 * ОбМ + w_3 * Оск + w_4 * СА + w_5 * ФА + w_6 * Сл + w_7 * Мж - w_8 * Сущ - w_9 * Прил - w_{10} * Сокр - w_{11} * Заим$; где ID – индекс деструктивности, w – вес логистической регрессии, $*$ – умножение.

Пороговые значения индекса деструктивности: $ID \geq 25$ – высокий риск деструктивности; $ID < 25$ – повышенный риск деструктивности; $ID < 10$ – потенциальный риск деструктивности или отсутствие деструктивности (в зависимости от дополнительных признаков).

В предлагаемой формуле отсутствуют невербальные элементы, так как по результатам логистического регрессионного анализа данные единицы не показали значительного отношения шансов (OR), продемонстрировали низкую частотность – лишь 6,52% от всех речевых единиц, а также не обнаружили значимых корреляций с другими речевыми единицами. Кроме того, невербальные элементы обладают высокой контекстуальной и дискурсивной зависимостью и не являются устойчивыми маркерами деструктивности.

На пятом этапе осуществляется классификация речевых сообщений с целью оценки риска проявления деструктивности коммуникативного поведения у конкретного пользователя. Оценка проводится на основе трех ключевых параметров: количества выявленных деструктивных сообщений, числа сработавших правил и значения интегрального индекса деструктивности (Рисунок 46):

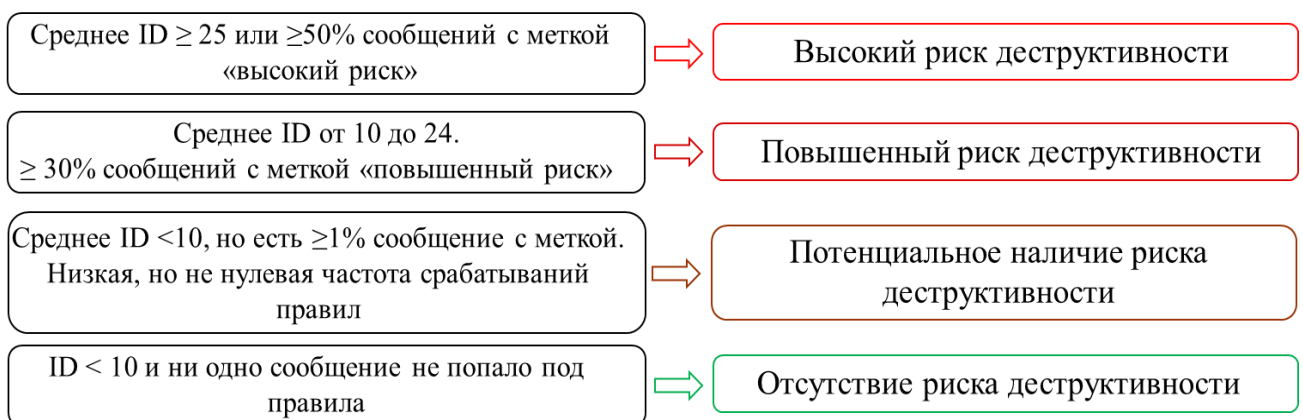

Рисунок 46. Критерии классификации риска деструктивности вербальных средств коммуникации (речевых сообщений)

Для минимизации ложноположительных результатов и исключения стигматизации пользователей, в алгоритм интегрирован многоуровневый морфологический фильтр (на базе библиотек Rymorphy2 и Natasha). На первом этапе анализа проводится автоматическое снятие морфологической омонимии, что позволяет отличить сленговые деструктивные элементы от нейтральной лексики. На втором этапе система сопоставляет выявленные лексемы с общелингвистическим профилем группы. Итоговый индекс деструктивности рассчитывается с учетом весовых коэффициентов, где грамматические формы, выражающие прямую интенцию агрессии, имеют приоритет над описательными формами.

Кроме того, используемый алгоритм CyberPulse применяет синтаксический анализ на базе библиотеки SpaCy/Natasha, осуществляя не поиск по отдельным словам, а анализ речевых единиц (синтаксических групп). При обнаружении отрицательных частиц («не», «нет») или усилителей («совсем», «очень»), связанных с маркерами деструктивности, весовой коэффициент данной лексемы в формуле расчета индекса деструктивности динамически корректируется. Это позволяет дифференцировать реальную интенцию (намерение) от специфических форм доверительного общения в молодежной среде.

Разработанное программное обеспечение функционирует как платформа для специалистов, предоставляя инструменты для:

- мониторинга коммуникативного поведения участников цифровых групп и сообществ в режиме реального времени;
- автоматического выявления речевых сообщений с признаками деструктивности на основе лингвосемантического анализа;
- формирования индивидуальных профилей пользователей с расчетом индекса деструктивности и категоризацией уровня риска;
- визуализации результатов анализа через интерактивные дашборды и аналитические отчеты;
- управления каналами мониторинга социальных сетей и

мессенджеров с возможностью подключения различных источников данных.

Пример отображения интерфейса программы и результатов проведенного анализа речевых сообщений по чату/группе/сообществу и по отдельному пользователю представлен на Рисунках 47-48.

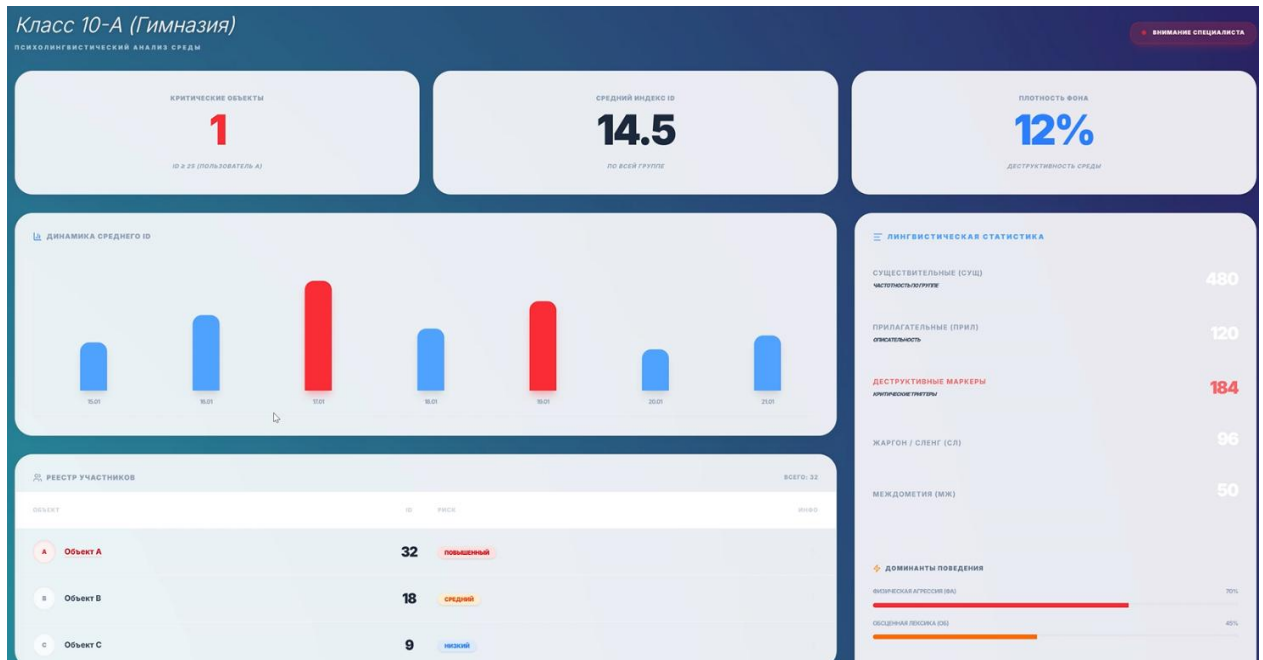

Рисунок 47. Интерфейс страницы анализируемого чата/группы в программном комплексе мониторинга и выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой среде

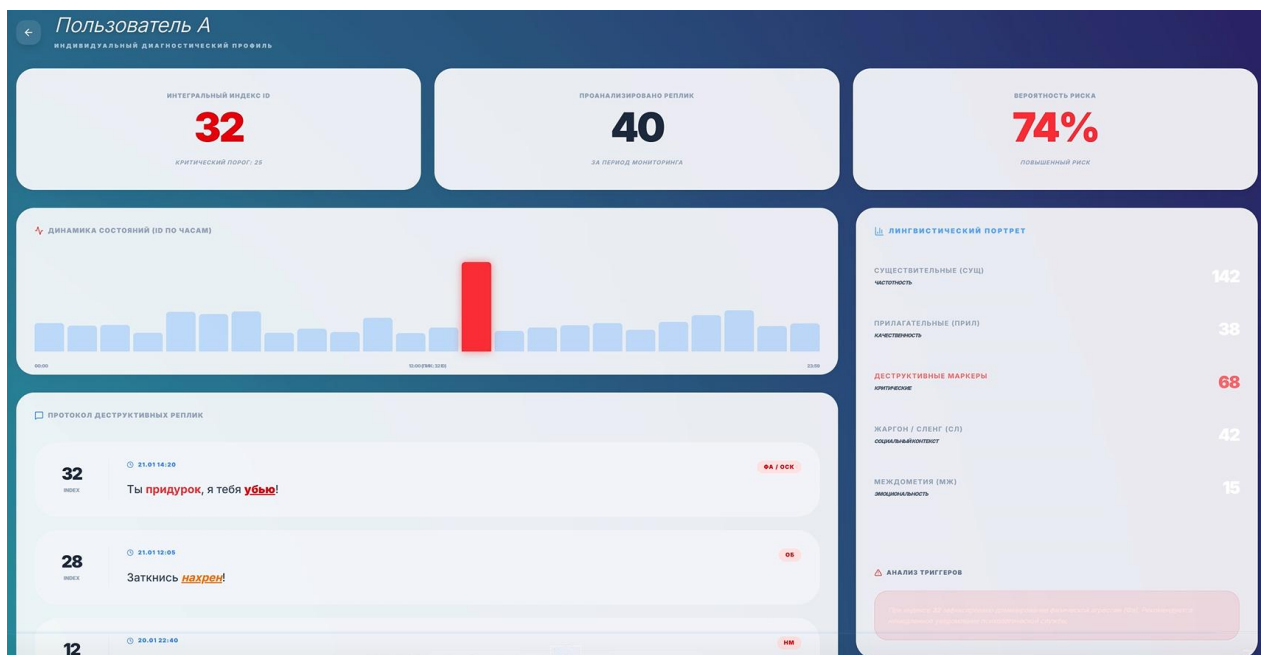

Рисунок 48. Интерфейс страницы анализируемого пользователя в программном комплексе мониторинга и выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой среде

Система может быть реализована в двух вариантах использования:

- как веб-приложение для командной работы специалистов с централизованным доступом к данным и возможностью распределения ролей;
- как десктопное приложение – для автономной работы отдельного специалиста без необходимости подключения к серверу.

Архитектура программы построена на принципах масштабируемости и микросервисной архитектуры: компонент лингвистического анализа работает независимо от основной системы, что позволяет обрабатывать большие объемы сообщений без снижения производительности интерфейса пользователя. Программа обеспечивает непрерывное обновление лингвистических баз данных, включая современный сленг, новые речевые шаблоны и паттерны коммуникации, что критически важно для анализа динамично изменяющейся речевой модели в цифровом социальном пространстве. Важной особенностью системы является контекстный анализ последовательностей сообщений: программа учитывает фрагментарность современной коммуникации в цифровой среде и анализирует серии связанных сообщений как единое высказывание, что повышает точность выявления скрытых деструктивных паттернов.

На начальном этапе работы над программным комплексом была разработана и зарегистрирована программа для ЭВМ «Программа психолингвистического анализа структуры речевых сообщений в социальных сетях») [106]. Разработанный и получивший свидетельство государственной регистрации программы для ЭВМ «Программный комплекс мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде» [107] представляет собой одну из базовых версий программного обеспечения подобного типа. Предложенная программа обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития. Перспективные направления развития включают расширение функциональных возможностей, а также повышение адаптивности и диагностической точности за счет внедрения

дополнительных методов анализа и упрощения проведения мониторинга пользователей модераторами и другими специалистами. Программа работает на постоянном дообучении и обновлении данных в части сленга, речевых шаблонов, сокращений и тд. Также, возможно внедрение иных уже существующих NLP-библиотек по анализу с предварительным обучением моделей. Применение более сложных инструментов искусственного интеллекта позволит повысить точность проводимого анализа. В целях повышения эффективности существующего программного комплекса в последующих версиях может быть усовершенствована система классификации за счет введения дополнительных градаций признаков деструктивности коммуникативного поведения. Расширение функционала предполагает внедрение анализа невербальных маркеров, включающих графические символы (смайлы, знаки препинания, скобки), регистр написания и иные визуальные индикаторы эмоционального фона. Кроме того, перспективным направлением может быть интеграция механизмов семантического анализа для выявления скрытой иронии и сарказма. Однако, чтобы избежать ложных срабатываний из-за гиперчувствительности к входным данным, данные функции целесообразно реализовать в виде гибкого переключаемого модуля.

Разработанное программное решение предусматривает возможность регулярного обновления на основе новых массивов данных, поскольку коммуникативное поведение молодежи в цифровой среде отличается высокой динамичностью, а языковые практики пользователей быстро меняются, например, в части сленга, который требует пересмотра и актуализации не реже одного раза в полгода. Поскольку в основе программы лежит механизм rule-based, она предполагает автономное обучение. Данный подход, с одной стороны, снижает риск неконтролируемых ошибок при анализе текстов, а с другой – требует периодического пересмотр накопленных данных и ручного переобучения действующих моделей, включая добавление или исключение отдельных лингвосемантических маркеров. Такая процедура позволяет

поддерживать соответствие программы актуальным культурным нормам и особенностям коммуникативного поведения в цифровой среде. Таким образом, программа по мониторингу деструктивного коммуникативного поведения на базе выявления лингвосемантических параметров деструктивности обладает значительным потенциалом для дальнейшего совершенствования и является перспективным инструментом для повышения эффективности и упрощения работы специалистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование макро- и микропараметров коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде позволило установить, как содержательные, так и структурные параметры деструктивности коммуникативного поведения в условиях цифрового социального пространства. Продолжительное и интенсивное пребывание молодежи в цифровой среде способствует формированию устойчивых (в том числе деструктивных) коммуникативных стереотипов, которые впоследствии транслируются в нецифровую среду непосредственного взаимодействия. Такая трансформация обусловлена характерными особенностями цифровой коммуникации: сокращением объема речевых сообщений, упрощением их лингвистической структуры, а также доминированием эмоциональной реакции над смысловым содержанием высказывания. Фиксируемые изменения, характеризующиеся, как сокращением размера речевого сообщения, так и полной потерей, либо уменьшением объема его смыслового содержания (через использование в структуре сообщения элементов, не имеющих семантического содержания) с сохранением лишь эмоциональной составляющей, приводит к формированию коммуникативных стереотипов, являющихся в большинстве своем деструктивными. Значительная доля коммуникативного поведения молодежи реализуется в цифровом пространстве (социальных сетях, мессенджерах), что приводит к переносу сформированных в нем, в том числе деструктивных, стереотипов коммуникативного поведения в нецифровое взаимодействие.

Результаты диссертационного исследования дают основание для формулирования следующих выводов:

1. Выявлено смещение коммуникативной активности молодежи в цифровую социальную среду, что может приводить к снижению активной коммуникации в непосредственной технической среде реальности: фиксируется увеличение объема и доли времени, проводимого в цифровой социальной среде с 3 – 6 часов до 6 – 9 часов в день, суммарное среднесуточное

времени нахождения в мессенджерах и социальных сетях составляет 65% от общего экранного времени. Установлено, что собственная коммуникация в цифровой среде оценивается как более успешная, эффективная и соответствующая внутренним ожиданиям, нежели коммуникация других.

2. Выявлена тенденция преобладания пассивной позиции участников коммуникации в социальных сетях, характеризующейся отсутствием инициативы и целенаправленного формирования речевого высказывания в сравнении с активной коммуникацией: количество просмотров, лайков и репостов превышает количество текстовых комментариев и ответов на комментарии, таким образом, пользователи преимущественно потребляют информацию, принимая ее к сведению, а выражая свою позицию значительно чаще используют репосты и лайки, не затрачивая усилия на формулировку речевого сообщения.

3. Установлено, что в коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде преобладающей модальностью сообщений, характеризующей целевую направленность речи и позицию коммуниканта к содержанию собственного высказывания, является отрицательная модальность, проявляющаяся в негативном эмоционально-личностном содержании. При этом, большинство сообщений являются безадресными (как правило, посты размещаются для максимально большой аудитории чаще с обезличенным обращением). Установлено, что преобладающими коммуникативными стратегиями в цифровой социальной среде являются конфронтационные стратегии, характеризующие конфликтное поведение. Преобладающей тематикой постов и сообщений молодежи, описывающей содержание коммуникативного поведения в цифровой социальной среде, являются жалобы, характеризующиеся максимально большим количеством комментариев и ответов на них, так как данная тематика является эмоционально значимой. В коммуникативном поведении молодежи в цифровой социальной среде выявлена устойчивая тенденция сокращения размера речевых сообщений с упрощением лингвистической структуры и

возрастанием доли общенной лексики. Данная тенденция проявляется в минимизации и искажении смыслового содержания в процессе коммуникации. Представленность общенной лексики во всем диапазоне частей речи, реализующих вербальные средства коммуникации, с одной стороны, указывает на генерализацию данного феномена в коммуникативном поведении молодежи в цифровом социальном пространстве в целом, с другой стороны – на искажение и сокращение семантического содержания коммуникативного процесса. Установлено, что в качестве предикторов деструктивности коммуникативного поведения в цифровом социальном пространстве выступают такие вербальные средства коммуникации, как междометия, сленг, сокращения, заимствования, визуальные элементы. Маркерами, указывающими на деструктивность коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде, являются общенная лексика, оскорбления, вербальные проявления сексуальной и физической агрессии.

4. Установлено, что содержание коммуникативного поведения молодежи в цифровой социальной среде обеспечивается речевыми сообщениями, содержащими общенную лексику как в конструктивных, так и в деструктивных сообщениях. Данная тенденция отражает нормализацию грубой эмоциональной манеры выражения чувств и эмоций в процессе коммуникации молодежи в цифровом пространстве. Разработана модель коммуникативного поведения молодежи в цифровом социальном пространстве на основе логистической регрессии. Данная модель позволяет определять вероятность наличия в речевом сообщении деструктивного содержания коммуникации в зависимости от лингвистической и семантической структуры сообщения. Междометия, общенная лексика, сленг, оскорбления, вербальные проявления сексуальной и физической агрессии указывают на высокую прогностическую вероятность проявления деструктивности коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях. Сокращения, заимствования, прилагательные и существительные, имеющие собственное смысловое содержание, указывают на минимальные риски

проявления деструктивности коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях.

5. В результате проведенного исследования разработан программный комплекс мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде с опорой на выявленные в работе лингвосемантические маркеры, который позволит обеспечить автоматизированный мониторинг коммуникативной активности молодежи в цифровом социальном пространстве.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

КП – коммуникативное поведение

КП в СС – коммуникативное поведение в социальных сетях

КП в ЦС – коммуникативное поведение в цифровой среде

ЦСС – цифровая социальная среда

UNICEF – международная организация защиты детей

ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

КоАП РФ – Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации

ОБ – обценная лексика,

ОБМ – обценные междометия,

НМ – нормативные междометия,

С – сленг,

Заим – заимствования,

Сокр – сокращения,

Оск – оскорбления,

Нев – невербальные элементы,

СА – вербальные проявления сексуальной агрессии,

ФА – вербальные проявления физической агрессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст]: от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

1. Агеева Н. С. Трансформация подходов к изучению компьютерно-опосредованной коммуникации в англоязычном научном сообществе / Н. С. Агеева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 4 (40). – С. 12–24.

2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 282 с. – (Мастера психологии). – ISBN 5-272-00315-2.

3. Андреева Г. М. Социальное познание и социальные проблемы / Г.М. Андреева // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1 (9). – С. 39–49.

4. Андреева Г. М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры. / Г. М. Андреева // Психологические исследования. – 2013. – № 6 (30). – С. 5–12.

5. Анохина В. С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) / В. С. Анохина // Наука. Инновации. Технологии. – 2008. – №. 3. – С. 64-71.

6. Аудитория Telegram [Электронный ресурс] : отчет по данным Mediascope, январь 2024 / Mediascope. – Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/0c1/bkercpc19h48r7e0ifzioccun2qq2zhk/Telegram_%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C2024.pdf

7. Белинская Е. П. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты [Электронный ресурс] / Е. П.

Белинская, А. Е. Жичкина // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования: сборник статей / под ред. В. С. Собкина. – Москва: ЦСО РАО, 2000. – С. 395–428. – Режим доступа:

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22598577&ysclid=milg02g3ak714253151>.

8. Белинская Е. П. Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте / Е. П. Белинская, З. Д. Шаехов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2023. – №. 3. – С. 239-260.

9. Беляева А. В. Компьютерно-опосредствованная совместная деятельность и проблема психического развития / А. В. Беляева, М. Коул // Психологический журнал. – 1991. – Т. 12, № 2. – С. 145–152.

10. Бергельсон М. Б. Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики (проспект учебного пособия) / М. Б. Бергельсон // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 3. – С. 54–68

11. Бикен Н. С. Типы коммуникативного поведения российских интернет-пользователей / Н. С. Бикен // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2014. – Т. 3, № 8. – С. 72–75.

12. Бодалев А. А. Психология общения. Избранные психологические труды / А. А. Бодалев; – Москва : Институт практической психологии; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996. – 255 с.

13. Бодалев А. А. Восприятие человека человеком / А.А. Бодалев; – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1965. – 123 с.

14. Бондаренко С. В. Модель социализации пользователей в киберпространстве [Электронный ресурс] / С. В. Бондаренко // Интернет-проект CYBERPSY. – 2017. – Режим доступа: https://cyberpsy.ru/articles/bondarenko-cyberspace_socialization/.

15. Бочавер А. А. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков / А. А. Бочавер, С. В. Докука, Е. В.

Сивак, И. Б. Смирнов // Клиническая и специальная психология. – 2019. – Т. 8, № 3. – С. 1–18.

16. Бочавер А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 3. – С. 177–191.

17. Булаев Д. Ю. Психологические особенности коммуникации и агрессивного поведения подростков в онлайн-пространстве / Д. Ю. Булаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1 (184). – С. 85–91.

18. Взрослые и дети в интернете: цифровые привычки, риски и безопасность : аналитический отчет / Лаборатория Касперского. – Москва, 2025. – URL: https://kids.kaspersky.ru/files/2025_02_Kaspersky_kids.pdf

19. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1 / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. – Москва: Гнозис, 1994. – 612 с.

20. Войскунский А. Е. Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций / А. Е. Войскунский // Вопросы психологии. – 1991. – № 6. – С. 142–147.

21. Войскунский А. Е. Альтернативная идентичность в социальных сетях / А. Е. Войскунский, А. С. Евдокименко, Н. Ю. Федунина // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 1. – С. 66–83.

22. Войскунский А. Е. Познание и коммуникация – вызовы современности / А. Е. Войскунский, М. Ю. Солодов // Философские науки. – 2018. – № 4. – С. 114–132.

23. Войскунский А. Е. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование / А. Е. Войскунский, А. С. Евдокименко, Н. Ю. Федунина // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 2. – С. 98.

24. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Я. А. Волкова. – Волгоград, 2014. – 430 с.

25. Воронин А. Н. Методологические проблемы исследования субъектности сетевых сообществ / А. Н. Воронин // Психология и психотехника. – 2019. – № 3. – С. 1–14.

26. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации / Т. А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2016. – № 2. – С. 110–115.

27. Воякина Е. Ю. Дискурсивные практики интернет-коммуникации в свете лингвистических исследований: системный обзор / Е. Ю. Воякина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 11. – С. 3439–3446.

28. Галяшина Е. И. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя / Е. И. Галяшина, В. Д. Никишин // Lex Russica. – 2021. – № 6 (175). – С. 143–154.

29. Гамбеева Ю. Н. Цифровая трансформация современного образовательного процесса / Ю. Н. Гамбеева, Е. И. Сорокина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5. – С. 35–43.

30. Ганский П. Н. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества / П. Н. Ганский // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 17. – С. 118–121.

31. Горбачева А. С. Библиометрический анализ научных публикаций по проблематике коммуникативного поведения / А. С. Горбачева, М. Ю. Казарян // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 125–146.

32. Горбачева А.С. Макро- и микропараметры коммуникативного поведения в больших группах социальных сетей / А. С. Горбачева, В. Б. Никишина, М. Ю. Казарян, Е. А. Петраш // Психологический журнал. – 2025. – Т. 46, № 1. – С. 45–57.

33. Горбачева А. С. Особенности коммуникативной активности подростков и студенческой молодежи в цифровой социальной среде / А. С. Горбачева // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 121-141.
34. Гордеева Н. Д. Функциональная структура действия / Н. Д. Гордеева, В. П. Зинченко. – Изд-во Московского университета, 1982. – 208 с.
35. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е. И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел : ОГИИК, 2007. – Вып. 5. – С. 223–237.
36. Горошко Е. И. Современные интернет-коммуникации: структура и основные характеристики / Е. И. Горошко // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / под ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – Москва : Наука; Флинта, 2012. – С. 9–52. – ISBN 978-5-9765-1310-5.
37. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. А. Д. Ковалёва. – Москва : Канон-пресс-Ц; Кучково-поле, 2000. – 304 с. – ISBN 5-93354-006-4.
38. Гримов О. А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения / О. А. Гримов // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2019. – № 3. – С. 42–50.
39. Гусельцева М. С. Трансформации идентичности в информационной культуре / М. С. Гусельцева // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме : коллективная монография / под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. – Москва : МПГУ, 2019. – С. 36-43.
40. Демин П. Н. Риски и возможности онлайн-социализации подростков и молодежи / П. Н. Демин // Ценности и смыслы. – 2022. – № 3 (79). – С. 76–85.
41. Доброва М. С. Способы эвфемизации русской обценной лексики

в коммуникативном пространстве интернета / М. С. Доброва // Шаги. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 221–231.

42. Доценко Е. Л. Семантика межличностного общения : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.11 / Доценко Евгений Леонидович. – Москва, 2000. – 510 с.

43. Дроздова А. В. Концептуализация повседневности в эпоху цифровой культуры / А. В. Дроздова // Вестник Гуманитарного университета. – 2018. – №. 2. – С. 96-104.

44. Дускаева Л. Р. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры (опыт обобщения) / Л. Р. Дускаева, Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3. – С. 51–57.

45. Егорова Т. В. Вульгаризация как лингвотоксичное явление современной русской речи. / Т. В. Егорова. // Вестник. Серия филологическая, – 2019. – № 2(174), С. 131-139.

46. Жичкина А. Е. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков-пользователей Интернета [Электронный ресурс] / А. Е. Жичкина, Е. П. Белинская // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования : сборник статей / под ред. В. С. Собкина. – Москва: ЦСО РАО. – 2000. – С. 431–460. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22598578&ysclid=milfvz1sk5390952059>.

47. Жичкина А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете [Электронный ресурс] / А. Е. Жичкина // Флогистон : [сайт]. – 2007. – Режим доступа: <http://flogiston.df.ru/projects/articles/refmf.shtml>

48. Журавлев А. Л. Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы мировых исследований / А. Л. Журавлев, Д. А. Китова // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, № 2. – С. 105-115.

49. Журавлев А. Л. Вычислительный подход к анализу обыденного сознания: на примере изучения интернет-пространства / А. Л. Журавлев, Д. А.

Китова // Методология современной психологии. – 2024. – № 22. – С. 70-84.

50. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – Москва: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2001. – 432 с. – ISBN 5-89502-253-7

51. Иванова Н. Л. Социальная и профессиональная идентичность личности в психологических исследованиях: проблема соотношения / Н. Л. Иванова, И. А. Булгаков // Мир психологии. – 2023. – № 3(114). – С. 216-230.

52. Иевлева О. В. Оценка риска использования мобильных электронных устройств для здоровья студентов: дис. ... канд. мед. наук: 14.02.01 / Иевлева Ольга Владимировна. – Москва, 2023. – 187 с.

53. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 4-е изд., стереотип. – Москва: КомКнига, 2006. – 288 с. – ISBN 5-354-00323-7.

54. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Волгоград. гос. пед. ун-т, Н.-и. лаб. «Аксиол. лингвистика». – Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с. – Библиогр.: с. 435–476.

55. Касьянов В. В. Социология Интернета: учебник для вузов / В. В. Касьянов, В. Н. Нечипуренко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 459 с. – ISBN 978-5-534-16959-1.

56. Кирьякова А. В. Развитие молодежных сообществ в экосистеме университета – ресурсы, проекты и риски / А. В. Кирьякова, Н. А. Каргапольцева, И. Д. Белоновская, С. А. Дужников // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 8–9. – С. 116–136.

57. Кисляков П. А. Психологическая безопасность и коммуникативные трудности преподавателей и студентов при длительном онлайн-обучении / П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева, А.-Л. С. Меерсон // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 1. – С. 148–168.

58. Кисляков П. А. Устойчивость личности к социокультурным угрозам в условиях цифровой трансформации общества / П. А. Кисляков, А.-Л. С. Меерсон, Е. А. Шмелева, М. О. Александрович // Образование и наука. –

2021. – Т. 23, № 9. – С. 142–168.

59. Ковальчук М. А. Проблема особенностей личности нового типа в цифровом обществе / М. А. Ковальчук // Теоретическая экономика. – 2022. – № 11. – С. 56–68.

60. Козырева М. М. Обсценная лексика в речи образованных носителей английского и русского языков: функционально-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Козырева Мария Михайловна. – Москва, 2013. – 224 с.

61. Кольцова Е. А. Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении / Е. А. Кольцова, Ф. И. Карташкова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – № 3. – С. 756–776.

62. Корниенко Д. С. Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством / Д. С. Корниенко, Н. А. Руднова // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 47–64.

63. Куницына В. Н. Трудности межличностного общения : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / Куницына Валентина Николаевна. — Санкт-Петербург, 1991. — 358 с.

64. Курбатов В. И. Виртуальная коммуникация, виртуальный язык и виртуальное мышление / В. И. Курбатов // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 11. – С. 42–47.

65. Курьянова И. В. Маркеры речевой агрессии в интернет-коммуникации при исследовании текстов экстремистской направленности / И. В. Курьянова // Вестник МГЛУ. – 2018. – № 6. – С. 29–30.

66. Лабунская В. А. О смысловом пространстве невербального общения / В. А. Лабунская // Российский психологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 93–109.

67. Лажинцева Е. М. Интернет как новая среда для проявления девиантного поведения подростка / Е. М. Лажинцева, А. А. Бочавер // Вопросы

психологии. – 2015. – № 4. – С. 49–58.

68. Леденева В. Ю. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровой реальности / В. Ю. Леденева // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 295–304.

69. Леньков С. Л. Цифровая личность как системное отражение психологии субъекта / С. Л. Леньков, Н. Е. Рубцова // Методология современной психологии. – 2026. – № 30. – С. 202–214.

70. Леньков С. Л. Специфика деструктивной киберагрессии в образовательной среде / С. Л. Леньков // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 4 (115). – С. 107–117.

71. Леньков С. Л. Действие в киберпространстве / С. Л. Леньков, Н. Е. Рубцова // Мир психологии. – 2020. – № 2(102). – С. 231–244.

72. Леонтьев А. А. / Психология общения. – Москва: Смысл, 1997. – 240 с.

73. Литвишко О. М. Лингвокреативность в дискурсе электронных СМИ: средства и методы / О. М. Литвишко, Н. С. Руденко, Ю. П. Чалая // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 1. – С. 117–130.

74. Логвинова М. И. Психологические особенности представителей студенческих молодежных субкультур просоциальной направленности / М. И. Логвинова, С. В. Сарычев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2022. – № 3. – С. 70–73.

75. Лозовский А. В. Приемы и стратегии провокативного ролевого поведения участников текстовой интернет-коммуникации / А. В. Лозовский // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2020. – № 3. – С. 66–77.

76. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 233–

242.

77. Лутовинова О. В. Языковая игра в интернет-коммуникации / О. И. Лутовинова // Известия ВГПУ. – 2015. – № 2 (97). – С. 94–98.

78. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: монография / О. В. Лутовинова. – Москва : Флинта, 2013. – 279 с.

79. Лутовинова, О. В. О лингвокультурных типажах виртуального дискурса / О. В. Лутовинова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 9. – С. 58–63.

80. Лучинкина А. И. Троллинг в интернет-пространстве как результат девиантной интернет-социализации // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 68–76.

81. Лучинкина А. И. Особенности сетевой агрессии интернет-активной молодёжи / А. И. Лучинкина, Л. В. Жихарева, И. С. Лучинкина [и др.] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2022. – № 3. – С. 21–35.

82. Лучинкина А. И. Подростковые девиации в сетевом сообществе / А. И. Лучинкина, Т. В. Юдеева, Л. В. Жихарева [и др.] // Российский психологический журнал. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 34-44.

83. Марцинковская Т. Д. Динамика психологического благополучия в ситуации транзитивности и пандемии / Т. Д. Марцинковская // Новые психологические исследования. – 2022. – Т. 2, №. 2. – С. 88-102.

84. Марцинковская Т. Д. Целостность и хрупкость личности в современном цифровом мире / Т. Д. Марцинковская // Вопросы философии. – 2025. – № 11. – С. 124-131.

85. Маршакова-Шайкевич И. В. Роль библиометрии в оценке исследовательской активности науки / И. В. Маршакова-Шайкевич // Управление большими системами. – 2013. – Вып. 44. – С. 268–291.

86. Молчанов С. В. Когнитивные способы переработки социальной информации из интернет-сети в подростковом возрасте / С. В. Молчанов, О. В. Алмазова, Н. Н. Поскребышева // Национальный психологический журнал.

– 2018. – № 3. – С. 57–68.

87. Никитина Э. В. К вопросу о правовом ограничении свободы в виртуальной реальности / Э. В. Никитина, Д. А. Волкова // Вестник Российского университета кооперации. – 2021. – №. 3 (45). – С. 130-135.

88. Никишина В. Б. Сексуальная агрессия и флирт как коммуникативные паттерны подростков в социальных сетях / В. Б. Никишина, Н. И. Ключева, О. И. Самосват // Мир психологии. – 2017. – № 4 (92). – С. 245–253.

89. Никишина В. Б. Лингвосемантические характеристики коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях / В. Б. Никишина, Е. А. Петраш, И. В. Запесоцкая // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38, № 5. – С. 69–79.

90. Никишина В. Б. Прогностические риски влияния цифровой социальной среды на развитие детей и подростков / В. Б. Никишина, Е. А. Петраш. – Москва; Курск: Курский государственный медицинский университет, 2023. – 136 с. – ISBN 978-5-7487-3071-6.

91. Никишина В. Б. Трансформация параметров сообщений молодежи в социальных сетях / В. Б. Никишина, Е. А. Петраш, А. Н. Моргун, И. В. Запесоцкая // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41, № 4. – С. 78–91.

92. Никишина В. Б. Структурная организация деструктивных сообщений подростков в социальных сетях / В. Б. Никишина, А. С. Горбачева, А. А. Вишневская // Национальный психологический журнал. – 2026. – Т. 21, №. 2. – С. 81-96.

93. Никишина В. Б. Лингвосемантические маркеры деструктивности коммуникативного поведения подростков в социальных сетях / В. Б. Никишина, А. А. Вишневская, А. С. Горбачева [и др.] // Психологический журнал. – 2025. – Т. 46, № 6. – С. 46-56.

94. Носкова Т. Н. Анализ отечественных и международных подходов к передовым образовательным практикам в среде электронных сетей / Т. Н. Носкова, Т. Б. Павлова, О. В. Яковлева // Интеграция образования. – 2016. – Т.

20, № 4. – С. 456–467.

95. Носкова Т. Н. Стратегии информационного поведения студентов в условиях непрерывного образования / Т. Н. Носкова, О. В. Яковлева, Т. Б. Павлова, Е. Смирнова-Трибульска // Открытое образование. – 2018. – Т. 22, № 3. – С. 25–34.

96. Отклоняющееся онлайн-поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях: учебное пособие / под ред. Н.В. Дворянчикова, О.В. Рубцовой. – Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – 100 с. – ISBN 978-5-94051-255-4.

97. Пикулева М. Поколения в диджитал: факты и тренды [Электронный ресурс] / М. Пикулева ; Mediascope. – Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/539/up8plax5ej1yfcbiijmvr9fv03thyuy/Mediascope_DBD_%D0%9F%D0%B8%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf

98. Позднякова М. Е. Агрессивное поведение детей и подростков как предиктор девиантного и криминального поведения: средовые и личностные факторы / М. Е. Позднякова, В. В. Брюно // Россия реформирующаяся. – 2023. – № 21. – С. 314–333.

99. Полева Н. С. Психология смешанной реальности цифрового пространства / Н. С. Полева // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме : коллективная монография / под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. – Москва : МПГУ, 2019. – С. 43-48.

100. Полоскина О. В. Роль интернета в формировании деструктивного поведения современных подростков / О. В. Полоскина, С. А. Меркулова // Гуманитарные науки. – 2023. – № 4 (64). – С. 111–117.

101. Попов Л. М. Предикторы сетевой социальной успешности личности / Л. М. Попов, Г. З. Вахитов, П. Н. Устин, Ф. М. Гафаров // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2023. – Т. 33, № 4. – С. 344-355.

102. Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е.

Прохоров, И. А. Стернин. – Москва: Флинта, 2006. – 328 с. – ISBN 978-5-89349-812-7.

103. Пучкова Е. Б. Когнитивно-личностные предикторы кибербуллинга / Е. Б. Пучкова, Е. И. Чердымова, Е. А. Сорокоумова, Д. Д. Зайцева // Педагогика и психология образования. – 2024. – №. 4. – С. 133-150.

104. Розина И. Н. Компьютерно-опосредованная коммуникация в практике образования и бизнеса / И. Н. Розина // Теория коммуникации и прикладная коммуникация: сборник научных трудов / под общ. ред. И. Н. Розиной. – Ростов н/Д: ИУБиП, 2004. – С. 185–192.

105. Рягузова Е. В. Номо Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – № 3. – С. 320-325.

106. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025660140 Российская Федерация. Программа психолингвистического анализа структуры речевых сообщений в социальных сетях : заявл. 12.04.2025 : опубл. 21.04.2025 / А. С. Горбачева, Е. С. Орлова, Е. А. Петраш

107. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2026611986 Российская Федерация. Программный комплекс мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде : заявл. 15.01.2026 : опубл. 22.01.2026 / В. Б. Никишина, А. С. Горбачева, Е. И. Куликова

108. Седов К. Ф. Теоретическая модель психолингвоперсонологии / К. Ф. Седов // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №. 7. – С. 12-23.

109. Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Юрислингвистика. – 2005. – № 6. – С. 87-103.

110. Сарычев С. В. Социальная психология [Электронный ресурс]: учебное пособие для среднего профессионального образования / С. В. Сарычев, О. В. Чернышова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство

Юрайт, 2025. – 90с. – ISBN 978-5-534-03253-6. – Режим доступа: <http://urait.ru/bcode/563098>.

111. Скирко М. О. Цифровые компетенции для цифрового поколения / М. О. Скирко // Образование в современном мире: практики цифровой трансформации Всероссийская научно-методическая конференция с международным участием (Самара, 25 февр. 2021 г.): сборник научных трудов / М-во науки и высшего образования РФ, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, Российская академия образования, Московский психолого-социальный университет; отв. ред. Т. И. Руднева. – Самара: Ваш Взгляд, 2021. – С. 256–262.

112. Скуратов А. Б. Модерация и «Пассивные» пользователи в практике деятельности локальных интернет-сообществ / А. Б. Скуратов // Вестник БГУ. – 2016. – № 6. – С. 112–117.

113. Соболева А. В. Модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации / А. В. Соболева, О. А. Обдалова // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 497. – С. 193–202.

114. Солдатова Г. У. Агрессивность и черты Темной триады как факторы распространения деструктивного онлайн-контента в подростковой и молодежной среде / Г. У. Солдатова, С. Н. Илюхина // Вопросы психологии. – 2023. – № 2. – С. 35–48.

115. Солдатова Г. У. Личностные характеристики и психологическая саморегуляция студентов онлайн и офлайн: некоторые особенности цифровой социальности / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 24–37.

116. Солдатова Г. У. Психологические особенности участников ситуации кибербуллинга: анализ ролевого онлайн-поведения / Г. У. Солдатова С. И. Чигарева, К. Р. Калинина // Познание и переживание. – 2022. – Т. 3, № 1. – С. 46–71.

117. Солдатова Г. У. Безопасность подростков в Интернете: риски,

совладание и родительская медиация / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3 (15). – С. 39–51.

118. Солдатова Г. У. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 2 (38). – С. 16–29.

119. Солдатова Е. Л. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы / Е. Л. Солдатова, Д. Н. Погорелов // Образование и наука. – 2018. – № 5. – С. 125–142.

120. Сорокоумова Е. А. Диагностика психологических рисков обучающихся в цифровой образовательной среде / Е. А. Сорокоумова, Е. Б. Пучкова, Л. И. Темнова // Педагогика и психология образования. – 2022. – № 2. – С. 161–177.

121. Социальные сети в России: цифры и тренды, весна 2025 [Электронный ресурс] // Brand Analytics. – Режим доступа: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2025>.

122. Среднее ежедневное время, проведенное в социальных сетях во всем мире с 2012 по 2025 год [Электронный ресурс] // Statista. – Режим доступа: <https://www.statista.com/chart/18983/time-spent-on-social-media/>

123. Стернин И. А. Коммуникативное поведение. Вып. 17 : Вежливость как коммуникативная категория / науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 172 с.

124. Стернин И. А. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин, У. Д. Камбаралиева // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2 (16). – С. 20–34.

125. Тихомандрицкая О. А. Связь базовых ценностей личности с характером психологической адаптации к глобальным цифровым рискам / О. А. Карабанова, О. А. Тихомандрицкая, С. В. Молчанов // Психологическая наука и образование. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 104-125.

126. Тихомиров О. К. Общение, опосредованное компьютером / О. К. Тихомиров, Ю. Д. Бабаева, А. Е. Войсунский // Вестник Московского

университета. Серия 14: Психология. – 1986. – № 3. – С. 31–42.

127. Толоконникова А. В. Возможности удовлетворения психологических потребностей подростков в цифровой медиасреде / А. В. Толоконникова, Д. В. Дунас, Д. Ю. Кульчицкая // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2020. – Т. 5, № 1. – С. 51–69.

128. Федоров, В. В. Эффект деконструкции существующего типа культуры и морально-этических норм общения в пространстве социальных сетей / В. В. Федоров // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2016. – № 4 (21). – С. 80–85.

129. Фриндте В. Публичное конструирование Я в опосредованном компьютером общении / В. Фриндте, Т. Келер // Гуманитарные исследования Интернета: сборник научных трудов / под ред. А. Е. Войскунского. – Москва : Триумф, 2000. – С. 40–54.

130. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. с нем. Э. М. Телятниковой. – Москва : АСТ, 2015. – 618 с. – ISBN 978-5-17-087248-0.

131. Хломов К. Д. Кибербуллинг в опыте российских подростков / К. Д. Хломов, Д. Г. Давыдов, А. А. Бочавер // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 276–295.

132. Чердымова Е. И. Социально-психологический анализ предикторов кибербуллинга как формы цифровой агрессии [Электронный ресурс] / Е. И. Чердымова, Е. Б. Пучкова, Е. А. Сорокоумова // Феномен агрессии в системе ценностей современного общества / отв. ред. А. В. Гаврилов. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство "Зебра"), 2024. – С. 86–95. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=74879852>.

133. Честных А. Большая маленькая Россия [Электронный ресурс] / А. Честных. Mediascope, 2025. – Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/806/62bc19uf64iehj79jdee36nu1brewrw/Mediascope_DBD_%D0%A7%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D1%85.pdf.

134. Шамионов Р. М. Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве / Р. М. Шамионов, Н. В. Суздальцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 21–38.

135. Шамионов Р. М. Роль ценностей и вовлеченности молодежи в различные формы активности в предпочтении онлайн/офлайн среды / Р. М. Шамионов Н. И. Суздальцев, Е. Е. Бочарова, Ю. А. Акаимова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 38–50.

136. Шейнов В. П. Проблемное использование смартфона подростками и его связь с макиавеллизмом, направленностью личности и коммуникативными умениями / В. П. Шейнов, Н. Л. Бортулева, В. О. Ермак // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2023. – Т. 8, № 2 (30). – С. 18–35.

137. Шейнов В. П. Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности / В. П. Шейнов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2020. – № 4. – С. 120–127.

138. Шорохова Е. В. Социальная психология (проблемы и задачи) // Методологические проблемы социальной психологии. – М. : Наука, 1975. – С. 3–16.

139. Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа / Л. Ю. Щипицина. – Москва: Красанд, 2010. – 294 с. – ISBN 978-5-396-00221-0.

140. Юдеева Т. В. Мотивация деструктивного коммуникативного поведения подростков в социальных сетях / Т. В. Юдеева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 2 (116). – С. 178-182.

141. Яшенева А. С. Психолингвистические признаки агрессивной речи / А. С. Яшенева // Наука и образование сегодня. – 2023. – № 2(67). – С. 67–69.

142. A networked self: Identity, community, and culture on social network sites / edited by Z. Papacharissi. – New York : Routledge, 2011. – 337 p. –

ISBN: 9781138705937.

143. Al-Azzawi Q. O. A linguistic study of offensive language in online communication / Q. O. Al-Azzawi, M. J. Al-Ghizzy // *International Journal of Linguistics Studies*. – 2022. – Vol. 2, No. 2. – P. 171–173.

144. An experimental study of word learning in minimally verbal children and adolescents with autism spectrum disorder / R. M. Joseph, M. Pecukonis, L. M. Delgado [et al.] // *Autism & Developmental Language Impairments*. – 2019. – Vol. 4. – P. 1–17.

145. Anagnostopoulou P. Artificial intelligence in autism assessment / P. Anagnostopoulou, V. G. Kaburlasos, E. Vrochidou A. Luciothanasi // *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)*. – 2020. – Vol. 15, No. 6. – P. 95-107.

146. Analysing digital discourse: New insights and future directions / eds. P. Bou-Franch, P. Garcés-Conejos Blitvich. – London: Springer, 2018. – 398 p. – ISBN 9783319926636.

147. Andreassen C. S. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study [Электронный ресурс] / C. S. Andreassen, T. Torsheim, G. S. Brunborg, S. Pallesen // *Psychology of Addictive Behaviors*. – 2016. – Vol. 30, No. 2. – P. 252–262. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26999354/>.

148. Andreassen C. S. The relationship between addictive use of social media, narcissism, and self-esteem: Findings from a large national survey [Электронный ресурс] / C. S. Andreassen, S. Pallesen, M. D. Griffiths // *Addictive Behaviors*. – 2017. – Vol. 64. – P. 287–293. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27072491/>.

149. Baron R. A. Social psychology: Understanding human interaction / R. A. Baron, D. E. Byrne. – 2nd ed. – Boston; Toronto: Allyn and Bacon, 1977. – 590 p.

150. Baym N. K. Tune in, log on: Soaps, fandom, and online community / N. K. Baym. – Thousand Oaks : Sage Publications, 2000. – 258 p. – ISBN-

100761916490.

151. Boyd D. M. Social network sites: Definition, history, and scholarship / D. M. Boyd, N. B. Ellison // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2007. – Vol. 13, No. 1. – P. 210–230.

152. Boyd D. *It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens* / D. Boyd. – New Haven; London: Yale University Press, 2014. – 273 p. – ISBN 978-0-300-16631-6.

153. Brief report: Associations between preverbal social communication skills, language and symptom severity in children with autism: An investigation using the early sociocognitive battery [Электронный ресурс] / L. J. Taylor¹, T. Charman, P. Howlin // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – 2020. – Vol. 50, № 4. – P. 1434–1442. – Режим доступа: <https://www.sci-hub.ru/10.1007/s10803-020-04364-z>.

154. Bucher T. *If... Then. Algorithmic Power and Politics*. / T. Bucher. – Oxford: University Press. – 2018. – 195 p. – ISBN 978-0-190-49303-5.

155. Bullying in the digital age [Электронный ресурс] / R. M. Kowalski, G. W. Giumetti, A. N. Schroeder, M. R. Lattanner // *Cybercrime and its victims* / edited by [редактор(ы)]. – Abingdon : Routledge, 2017. – P. 167–186. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/24512111/>.

156. Concurrent social communication predictors of expressive language in minimally verbal children and adolescents with autism spectrum disorder / M. Pecukonis, L. M. Delgado, S. B. Yoder [et al.] // *Journal of autism and developmental disorders*. – 2019. – Vol. 49, № 9. – P. 3767–3785.

157. Culpeper J. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence* / J. Culpeper. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 290 p. – ISBN 978-1-107-00079-6.

158. de Lenne O. Researching the Malleability Narrative on Professional Ideals: The Role of Internal Attribution in the Relations Between Media and Adolescents' Well-Being / O. de Lenne, S. Eggermont, L. Vandenbosch // *Communication Studies*. – 2022. – Vol. 73, № 5-6. – P. 527–543.

159. Digital 2025: The Russian Federation [Электронный ресурс] / DataReportal. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation>.
160. Digital 2025: Global Overview Report [Электронный ресурс] / DataReportal. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report>.
161. Digital 2024: Global Overview Report [Электронный ресурс] / DataReportal. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report>.
162. Dimitropoulos C. The Use of ICTs by Children and Young People with Mental Retardation and Syndrome Down in Domains of their Daily Life / C. Dimitropoulos, A. Drigas, E. Z. Kontostavlou, Hantziara C. M. // *Technium Sustainability*. – 2022. – Vol. 2, № 5. – P. 16–38.
163. Douglas K. M. The psychology of conspiracy theories / K. M. Douglas, R. M. Sutton, A. Cichocka // *Current directions in psychological science*. – 2017. – Vol. 26, № 6. – P. 538–542.
164. Early predictors of language skills at 3 years of age vary based on diagnostic outcome: A baby siblings research consortium study [Электронный ресурс] / M. Pecukonis, L. M. Delgado, L. R. Edwards [et al.] // *Autism research*. – 2022. – Vol. 15, № 7. – P. 1324–1335. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35652157/>.
165. *Evaluating New Telecommunications Services* / eds. M. C. J. Elton, W. A. Lucas, D. W. Conrath. – New York: Plenum Press, 1971. – 773 p.
166. *Exploring Adolescents' Social Media Connection and Disconnection: A Latent Class Approach* / L. Nassen, K. Karsay, L. Vandenbosch, L. Schreurs // *Media and Communication*. – 2024. – Vol. 12. – P. 1–15.
167. Fichman P. The impact of culture on online toxic disinhibition: Trolling in India and the USA / P. Fichman, M. Rathi // *Proceedings of the 55th Hawaii International Conference on System Sciences*. – 2022. – P. 2890–2897.
168. Gillespie T. The relevance of algorithms / T. Gillespie // *Media*

Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society. – 2014. – Vol. 167. – P. 167.

169. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society/ J. Habermas. – Boston: Beacon Press, 1984. – 465 p. – ISBN 0-8070-1506-7.

170. Hardaker C. Trolling in asynchronous computer-mediated communication: From user discussions to academic definitions / C. Hardaker // Journal of Politeness Research. – 2010. – Vol. 6, № 2. – P. 215–242.

171. Hiltz S. R. The network nation: Human communication via computer / S. R. Hiltz, M. Turoff. – 2nd ed. – Cambridge : MIT Press, 1993. – 557 p. – ISBN 978-0201031409.

172. Herring S. C. Slouching toward the ordinary: Current trends in computer-mediated communication / S. C. Herring // New media & society. – 2004. – T. 6, № 1. – C. 26-36.

173. Hinduja S. Bullying, cyberbullying, and suicide / S. Hinduja, J. W. Patchin // Archives of Suicide Research. – 2010. – Vol. 14, № 3. – P. 206–221.

174. Hinduja S. Cyberbullying: An exploratory analysis of factors related to offending and victimization / S. Hinduja, J. W. Patchin // Deviant Behavior. – 2008. – Vol. 29, № 2. – P. 129–156.

175. Hinduja S. School climate 2.0: Preventing cyberbullying and sexting one classroom at a time / S. Hinduja, J. W. Patchin. – Thousand Oaks : Corwin Press, 2012. – 193 p. – ISBN 978-1412997836.

176. Hine C. Ethnography for the internet: Embedded, embodied and everyday / C. Hine. – London: Routledge, 2020. – 240 p. – ISBN 9781003085348.

177. Joinson, A. N. Self-disclosure in computer-mediated communication: The role of self-awareness and visual anonymity / A. N. Joinson // European Journal of Social Psychology. – 2001. – Vol. 31, № 2. – P. 177–192.

178. Jørgensen M. Discourse Analysis as Theory and Method / M. Jørgensen, L. J. Phillips. – London: SAGE Publications Ltd., 2002. – 229 p. – ISBN 0-7619-7112-2.

179. Kircaburun K. et al. Problematic online behaviors among adolescents and emerging adults: Associations between cyberbullying perpetration, problematic social media use, and psychosocial factors / K. Kircaburun, C. M. Kokkinos, Z. Demetrovics, O. Király, M. D. Griffiths, T. S. Çolak // *International Journal of Mental Health and Addiction*. – 2019. – T. 17, №. 4. – C. 891-908.
180. Kircaburun K. Uses and Gratifications of Problematic Social Media Use Among University Students: a Simultaneous Examination of the Big Five of Personality Traits, Social Media Platforms, and Social Media Use Motives / K. Kircaburun, S. Alhabash, Ş. B. Tosuntaş M.D. Griffiths // *International Journal of Mental Health and Addiction*. – 2020. – Vol. 18. – P. 525–547.
181. Khamitov E. A. linguistic analysis of the evolution of internet slang / N. Jumanazarova, E. Khamitov // *Central Asian Journal of Multidisciplinary Research and Management Studies*. – 2024. – T. 1, №. 17. – C. 133-135.
182. Komilova M. A. A linguistic analysis of the evolution of internet slang / M. A. Komilova // *Zenodo*. – 2023. – P. 105–106.
183. Kontostavlou E. Z. The Use of Information and Communications Technology (ICT) in Gifted Students / E. Z. Kontostavlou, A. S. Drigas // *International Journal of Recent Contributions in Engineering, Science & IT*. – 2019. – Vol. 7, № 2. – P. 60–67.
184. Kowalski R. M. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth / R. M. Kowalski, G. W. Giumetti, A. N. Schroeder, M. R. Lattanner // *Psychological Bulletin*. – 2014. – Vol. 140, № 4. – P. 1073–1137.
185. Kryucheva Y. Utilização de linguagem obscena entre os jovens / Y. Kryucheva, E. O. Akvazba // *Nuances: Estudos sobre Educação*. – 2024. – Vol. 35. – P. 1–12.
186. Kuss D. J. Social networking sites and addiction: Ten lessons learned / D. J. Kuss, M. D. Griffiths // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2017. – Vol. 14, № 3. – P. 311-327.
187. Lapidot-Lefler N. Effects of anonymity, invisibility, and lack of eye-

contact on toxic online disinhibition / N. Lapidot-Lefler, A. Barak // *Computers in Human Behavior*. – 2012. – Vol. 28, № 2. – P. 434–443.

188. Lima A.C.E.S., de Castro L.N. Predicting Temperament from Twitter Data // 2016 5th IIAI International Congress on Advanced Applied Informatics (IIAI-AAI). – IEEE, 2016. – C. 599-604.

189. Ling R. Hyper-coordination via mobile phones in Norway / R. Ling, B. Yttri // *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance*. – 2002. – No 4. – P. 138-163.

190. Ling R. Taken for Grantedness: The Embedding of Mobile Communication into Society / R. Ling. – Cambridge: London: MIT Press, 2012. – 256 p. – ISBN 978-0-262-01813-5.

191. Livingstone S. EU kids online: final report [Электронный ресурс] / S. Livingstone, L. Haddon. – London: LSE, 2011. – 54 p. – Режим доступа: <https://eprints.lse.ac.uk/24372/1/EU%20Kids%20Online%20final%20report%20009%28lsero%29.pdf>.

192. Marwick A. E. I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience / A. E. Marwick, D. Boyd // *New Media & Society*. – 2011. – Vol. 13. – № 1. – P. 114 – 133.

193. Motivational processes and dysfunctional mechanisms of social media use among adolescents: A qualitative focus group study / A. M. Throuvala, M. D. Griffiths, M. Rennoldson, D. J. Kuss // *Computers in Human Behavior*. – 2019. – Vol. 93. – P. 164–175.

194. Nitschinsk L. The Disinhibiting Effects of Anonymity Increase Online Trolling / L. Nitschinsk, S. J. Tobin, E. J. Vanman // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. – 2022. – Vol. 25, № 6. – P. 377–383.

195. Nöth W. Zeichen und Semiose / W. Nöth // *Sprache und Kommunikation. Behinderung, Bildung, Partizipation: enzyklopädisches handbuch der behindertenpädagogik*) / hrsg. von O. Braun. – Stuttgart: Kohlhammer, 2012. – Bd. 8. – S. 161–176.

196. Papanastasiou G. Brain computer interface based applications for

training and rehabilitation of students with neurodevelopmental disorders. A literature review / G. Papanastasiou, A. Drigas, C. Skianis, M. Lytras // *Heliyon*. – 2020. – Vol. 6, № 9. – P. e04250.

197. Papoutsi C. Mobile Applications to Improve Emotional Intelligence in Autism-A Review / C. Papoutsi, A. Drigas, C. Skianis // *International Journal of Interactive Mobile Technologies*. – 2018. – Vol. 12, № 6. – P. 47-61.

198. Parent-child interaction during the first year of life in infants at elevated likelihood of autism spectrum disorder / M. K. J. Pijl, C. Bontinck, N. N. J. Rommelse et al. // *Infant Behavior and Development*. – 2021. – Vol. 62. – P. 101521.

199. Pennebaker J. W. Psychological aspects of natural language use: Our words, our selves / J. W. Pennebaker, M. R. Mehl, K. G. Niederhoffer // *Annual Review of Psychology*. – 2003. – Vol. 54, № 1. – P. 547–577.

200. Perception and text comprehension. It's a matter of perception! / A. Tourimpampa, A. Drigas, A. S. D. R. Economou P. Roussos // *International Journal of Emerging Technologies in Learning (Online)*. – 2018. – Vol. 13, № 7. – P. 228–242.

201. Pieschla S. Beware of Publicity! Perceived Distress of Negative Cyber Incidents and Implications for Defining Cyberbullying / S. Pieschla, C. Kuhlmann, T. Porsch // *Journal of School Violence*. – 2015. – Vol. 14, № 1. – P. 111–132.

202. Potter J. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour / J. Potter, M. Wetherell. – London: Sage Publications, 1987. – 216 p. – ISBN 978-0803980556.

203. Psychology and the Internet intrapersonal, interpersonal, and transpersonal implications / ed. by Jayne Gackenbach. – 2nd ed.. – Burlington: Acad. press, cop. 2007. – XV, 374 p. – ISBN 978-0-12-369425-6.

204. Rousseau A. The reciprocal relations between facebook relationship maintenance behaviors and adolescents' closeness to friends / A. Rousseau, E. Frison, S. Eggermont // *Journal of Adolescence*. – 2019. – Vol. 76. – P. 173–184.

205. Schement J. R. Competing visions, complex realities: Social aspects of the information society / J. R. Schement, L. A. Lievrouw. – Norwood; New York:

Ablex Publishing Corporation, 1987. – 212 p. – ISBN 9780893914028.

206. Schmidt A. A survey on hate speech detection using natural language processing / A. A. Schmidt, M. Wiegand // Proceedings of the Fifth International Workshop on Natural Language Processing for Social Media. – 2017. – P. 1–10.

207. Short J. The social psychology of telecommunications / J. Short, E. Williams, B. Christie. – London; New York: John Wiley & Sons, 1976. – 195 p. – ISBN 0471015814.

208. Slonje R. The nature of cyberbullying, and strategies for prevention / R. Slonje, P. K. Smith, A. Frisén // Computers in human behavior. – 2013. – Vol. 29, № 1. – P. 26–32.

209. Sociolinguistics: Selected readings / ed. J. B. Pride, J. Holmes. – Harmondsworth: The Penguin? 1972. – 381 p. – ISBN 0140806652.

210. Suler J. The online disinhibition effect / J. Suler // CyberPsychology & Behavior. – 2004. – Vol. 7, № 3. – P. 321–326.

211. Tager-Flusberg H. Risk factors associated with language in autism spectrum disorder: Clues to underlying mechanisms / H. Tager-Flusberg // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. – 2016. – Vol. 59, № 1. – P. 143–154.

212. The Logic of Grammar / eds. D. Davidson, G. Harman. – Encino, CA: Dickenson, 1975. – 307 p. – ISBN 0-8221-0143-2.

213. The SAGE handbook of social media / edited by J. Burgess, A. Marwick, T. Poell. – London : SAGE Publications, 2018. – 662p. – ISBN 9781412962292.

214. Treem J. W. Social media use in organizations: Exploring the affordances of visibility, editability, persistence, and association / J. W. Treem, P. M. Leonardi // Annals of the International Communication Association. – 2013. – Vol. 36, № 1. – P. 143–189.

215. Trembath, D. Assessing communication in children with autism spectrum disorder who are minimally verbal / D. Trembath, J. Paynter¹, R. Sutherland, H. Tager-Flusberg // Current developmental disorders reports. – 2019. – Vol. 6. – P. 103–110.

216. Twenge J. M. Increases in depressive symptoms, suicide-related outcomes, and suicide rates among US adolescents after 2010 and links to increased new media screen time / J. M. Twenge, T. E. Joiner, M. L. Rogers, G. N. Martin // *Clinical Psychological Science*. – 2018. – Vol. 6, № 1. – P. 3–17.

217. UNESCO. Addressing hate speech: educational responses [Электронный ресурс] – Paris : UNESCO, 2022. – 14 с. – Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000382290/PDF/382290eng.pdf.multi>.

218. Valkenburg P. M. Friend networking sites and their relationship to adolescents' well-being and social self-esteem / P. M. Valkenburg, J. Peter, A. P. Schouten // *CyberPsychology & Behavior*. – 2006. – Vol. 9, No. 5. – P. 584–590.

219. Walther J. B. Interpersonal effects in computer-mediated interaction: A relational perspective // *Communication Research*. – 1992. – Vol. 19, № 1. – P. 52–90.

220. Walther J. B. Selective self-presentation in computer-mediated communication: Hyperpersonal dimensions of technology, language, and cognition / J. B. Walther // *Computers in Human Behavior*. – 2007. – Vol. 23, No. 5. – P. 2538–2557.

221. Wiggins B. E. The discursive power of memes in digital culture: Ideology, semiotics, and intertextuality / B. E. Wiggins. – New York : Routledge, 2019. – 210 p. – ISBN 978-1138588400.

222. World Health Organization 2020 guidelines on physical activity and sedentary behaviour. [Электронный ресурс] / F. C. Bull, S. S. Al-Ansari, S. Biddle et al. // *Br J Sports Med*. – 2020. – 54(24). – P. 1451-1462. – PMID: 33239350; PMCID: PMC7719906. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33239350/>.

223. Wright M. F. Parental mediation, cyberbullying, and digital media literacy / M. F. Wright // *Youth Cyberbullying: Causes, Consequences and Interventions*. – 2017. – P. 189–195.

о государственной регистрации программы для ЭВМ

№ 2025660140

Программа психолингвистического анализа структуры речевых сообщений в социальных сетях

Правообладатель: **Куликова Елизавета Игоревна (RU)**

Авторы: Горбачева Анаит Сансаровна (RU), Орлова Екатерина Сергеевна (RU), Петраш Екатерина Анатольевна (RU), Казарян Мария Юрьевна (RU), Куликова Елизавета Игоревна (RU)

Заявка № 2025618963

Дата поступления **12 апреля 2025 г.**

Дата государственной регистрации

в Реестре программ для ЭВМ **21 апреля 2025 г.**

Руководитель Федеральной службы
по интеллектуальной собственности

Документ подписан электронной подписью
Сертификат: 0694e7d08c700c54d2c0f670cccd2026
Владимир Зубов Юрий Сергеевич
Действителен с 01.01.2021 по 01.01.2025

Ю.С. Зубов

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации программы для ЭВМ

№ 2026611986

**Программный комплекс мониторинга и
автоматизированного выявления признаков
деструктивности коммуникативного поведения в
цифровой социальной среде**

Правообладатель: *Куликова Елизавета Игоревна (RU)*

Авторы: *Никишина Вера Борисовна (RU), Горбачева Анаит
Санасаровна (RU), Куликова Елизавета Игоревна (RU),
Вишневская Александра Андреевна (RU), Калитвенцев
Даниил Вячеславович (RU)*

Заявка № 2026610571

Дата поступления 15 января 2026 г.

Дата государственной регистрации

в Реестре программ для ЭВМ 22 января 2026 г.

*Руководитель Федеральной службы
по интеллектуальной собственности*

документ подписан электронной подписью
Сертификат 00a57064734d8d531b4b8818e75629506
Владелец **Зубов Юрий Сергеевич**
Действителен с 04.05.2025 по 28.11.2026

Ю.С. Зубов

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Анкета

1. Ваш возраст _____
2. Ваш пол _____
3. Являетесь ли Вы студентом ВУЗа? _____
4. Являетесь ли Вы учеником средней школы? _____
5. Экранное время за последние сутки _____
6. Экранное время в среднем за день _____
7. Экранное время за неделю _____
8. Экранное время за сутки в социальных сетях и мессенджерах:
 - WhatsApp* _____
 - Telegram _____
 - ВКонтакте _____
 - Instagram* _____
 - YouTube _____
9. Экранное время за сутки по категориям:
 - Общение _____
 - Игры _____
 - Развлечения _____
 - Покупки и еда _____

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Анкета

Укажите ваши фамилию, имя, отчество _____

Ваш возраст _____

Ваш пол _____

"Удовлетворены ли вы коммуникацией/общением в социальных сетях/мессенджерах?"

0 - совершенно не удовлетворен, 5 - полностью удовлетворен _____

"Удовлетворены ли вы своей коммуникацией, тем, как вы общаетесь в социальных сетях/мессенджерах?"

0 - совершенно не удовлетворен, 5 - полностью удовлетворен _____

"Удовлетворены ли вы тем, как с вами общаются другие в социальных сетях/мессенджерах?"

0 - совершенно не удовлетворен, 5 - полностью удовлетворен _____

Инструкция: внимательно прочитайте каждую из описанных ситуаций и выберите один вариант поведения в ней.

Это должно быть наиболее характерное для Вас поведение, то, что Вы действительно делаете в таких случаях, а не то, что, по-вашему, следовало бы делать.

1. Кто-либо говорит Вам: «Мне кажется, что Вы замечательный человек». Вы обычно в подобных ситуациях:

- а) Говорите: «Нет, что Вы! Я таким не являюсь»;
- б) Говорите с улыбкой: «Спасибо, я действительно человек выдающийся»;
- в) Говорите: «Спасибо»;
- г) Ничего не говорите и при этом краснеете.
- д) Говорите: «Да, я думаю, что отличаюсь от других и в лучшую сторону».

2. Кто-либо совершает действие или поступок, которые, по Вашему мнению, являются замечательными. В таких случаях Вы обычно:

- а) Поступаете так, как если бы это действие не было столь замечательным, и при этом говорите: «Нормально!»;
- б) Говорите: «Это было отлично, но я видел результаты получше»;
- в) Ничего не говорите;
- г) Говорите: «Я могу сделать гораздо лучше»;
- д) Говорите: «Это действительно замечательно!»

3. Вы занимаетесь делом, которое Вам нравится, и думаете, что оно у Вас получается очень хорошо. Кто-либо говорит: «Мне это не нравится!» Обычно в таких случаях Вы:

- а) Говорите: «Вы - болван!»;
- б) Говорите: «Я все же думаю, что это заслуживает хорошей оценки»;
- в) Говорите: «Вы правы», хотя на самом деле не согласны с этим;
- г) Говорите: «Я думаю, что это выдающийся уровень. Что Вы в этом понимаете»;
- д) Чувствуете себя обиженным и ничего не говорите в ответ.

4. Вы забыли взять с собой какой-то предмет, а думали, что принесли его, и кто-то говорит Вам: «Вы такой растяпа! Вы забыли бы и свою голову, если бы она не была прикреплена к плечам». Обычно Вы в ответ:

- а) Говорите: «Во всяком случае, я толковее Вас. Кроме того, что Вы в этом понимаете!»;
- б) Говорите: «Да, Вы правы. Иногда я веду себя как растяпа»;
- в) Говорите: «Если кто-либо растяпа, то это Вы»;
- г) Говорите: «У всех людей есть недостатки. Я не заслуживаю такой оценки только за то, что забыл что-то»;
- д) Ничего не говорите или вообще игнорируете это заявление.

5. Кто-либо, с кем Вы договорились встретиться, опоздал на 30 минут, и это Вас расстроило, причем человек этот не дает никаких объяснений своему опозданию. В ответ Вы обычно:

- а) Говорите: «Я расстроен тем, что Вы заставили меня столько ожидать»;
- б) Говорите: «Я все думал, когда же Вы придете»;
- в) Говорите: «Это был последний раз, когда я заставил себя ожидать Вас»;
- г) Ничего не говорите этому человеку;
- д) Говорите: «Вы же обещали! Как Вы смели так опаздывать!».

6. Вам нужно, чтобы кто-либо сделал для Вас одну вещь. Обычно в таких случаях Вы:

- а) Никого ни о чем не просите;
- б) Говорите: «Вы должны сделать это для меня»;
- в) Говорите: «Не могли бы Вы сделать для меня одну вещь?», после этого объясняете суть дела;
- г) Слегка намекаете, что Вам нужна услуга этого человека;
- д) Говорите: «Я очень хочу, чтобы Вы сделали это для меня».

7. Вы знаете, что кто-то чувствует себя расстроенным. Обычно в таких ситуациях Вы:

- а) Говорите: «Вы выглядите расстроенным. Не могу ли я помочь?»;
- б) Находясь рядом с этим человеком, не заводите разговора о его состоянии;
- в) Говорите: «У Вас какая-то неприятность?»;
- г) Ничего не говорите и оставляете этого человека наедине с собой;
- д) Смеясь говорите: «Вы просто как большой ребенок!».

8. Вы чувствуете себя расстроенным, а кто-либо говорит: «Вы выглядите расстроенным». Обычно в таких ситуациях Вы:

- а) Отрицательно качаете головой или никак не реагируете;
- б) Говорите: «Это не Ваше дело!»;
- в) Говорите: «Да, я немного расстроен. Спасибо за участие»;
- г) Говорите: «Пустяки»;
- д) Говорите: «Я расстроен, оставьте меня одного».

9. Кто-либо порицает Вас за ошибку, совершенную другими. В таких случаях Вы обычно:

- а) Говорите: «Вы с ума сошли!»;
- б) Говорите: «Это не моя вина. Эту ошибку совершил кто-то другой»;
- в) Говорите: «Я не думаю, что это моя вина»;
- г) Говорите: «Оставьте меня в покое, Вы не знаете, что Вы говорите»;
- д) Принимаете свою вину или не говорите ничего.

10. Кто-либо просит Вас сделать что-либо, но Вы не знаете, почему это должно быть сделано. Обычно в таких случаях Вы:

- а) Говорите: «Это не имеет никакого смысла, я не хочу это делать».
- б) Выполняете просьбу и ничего не говорите.
- в) Говорите: «Это глупость; я не собираюсь этого делать».
- г) Прежде чем выполнить просьбу, говорите: «Объясните, пожалуйста, почему это должно быть сделано»;
- д) Говорите: «Если Вы этого хотите...», после чего выполняете просьбу.

11. Кто-то говорит Вам, что, по его мнению, то, что Вы сделали, великолепно. В таких случаях Вы обычно:

- а) Говорите: «Да, я обычно это делаю лучше, чем большинство других людей»;
- б) Говорите: «Нет, это не было столь здорово»;
- в) Говорите: «Правильно, я действительно это делаю лучше всех»;
- г) Говорите: «Спасибо»;
- д) Игнорируете услышанное и ничего не отвечаете.

12. Кто-либо был очень любезен с Вами. Обычно в таких случаях Вы:

- а) Говорите: «Вы действительно были очень любезны по отношению ко мне»;
- б) Действуете так, будто этот человек не был столь любезен к Вам, и говорите: «Да, спасибо»;
- в) Говорите: «Вы вели себя в отношении меня вполне нормально, но я заслуживаю большего»;
- г) Игнорируете этот факт и ничего не говорите;
- д) Говорите: «Вы вели себя в отношении меня недостаточно хорошо».

13. Вы разговариваете с приятелем очень громко, и кто-либо говорит Вам: «Извините, но Вы ведете себя слишком шумно». В таких случаях Вы обычно:

- а) Немедленно прекращаете беседу;
- б) Говорите: «Если Вам это не нравится, проваливайте отсюда»;
- в) Говорите: «Извините, я буду говорить тише», после чего ведется беседа приглушенным голосом;
- г) Говорите: «Извините» и прекращаете беседу;
- д) Говорите: «Все в порядке» и продолжаете громко разговаривать.

14. Вы стоите в очереди, и кто-либо становится впереди Вас. Обычно в таких случаях Вы:

- а) Негромко комментируете это, ни к кому не обращаясь, например: «Некоторые люди ведут себя очень нервно»;
- б) Говорите: «Становитесь в хвост очереди!»;
- в) Ничего не говорите этому типу;
- г) Говорите громко: «Выйди из очереди, ты, нахал!»;
- д) Говорите: «Я занял очередь раньше Вас. Пожалуйста, станьте в конец очереди».

15. Кто-либо делает что-нибудь такое, что Вам не нравится и вызывает у Вас сильное раздражение. Обычно в таких случаях Вы:

- а) Выкрикиваете: «Вы болван, я ненавижу Вас!»;
- б) Говорите: «Я сердит на Вас. Мне не нравится то, что Вы делаете»;
- в) Действуете так, чтобы повредить этому делу, но ничего этому типу не говорите;
- г) Говорите: «Я рассержен. Вы мне не нравитесь»;
- д) Игнорируете это событие и ничего не говорите этому типу.

16. Кто-либо имеет что-нибудь такое, чем Вы хотели бы пользоваться. Обычно в таких случаях Вы:

- а) Говорите этому человеку, чтобы он дал Вам эту вещь;
- б) Воздерживаетесь от всяких просьб;
- в) Отбираете эту вещь;
- г) Говорите этому человеку, что Вы хотели бы пользоваться данным предметом, и затем просите его у него;
- д) Рассуждаете об этом предмете, но не просите его для пользования.

17. Кто-либо спрашивает, может ли он получить у Вас определенный предмет для временного пользования, но так как это новый предмет, Вам не хочется его одалживать. В таких случаях Вы обычно:

- а) Говорите: «Нет, я только что достал его и не хочу с ним расставаться; может быть когда-нибудь потом»;
- б) Говорите: «Вообще-то я не хотел бы его давать, но Вы можете попользоваться им».
- в) Говорите: «Нет, приобретайте свой!»;
- г) Одалживаете этот предмет вопреки своему нежеланию;
- д) Говорите: «Вы с ума сошли!».

18. Какие-то люди ведут беседу о хобби, которое нравится и Вам, и Вы хотели бы присоединиться к разговору. В таких случаях Вы обычно:

- а) Не говорите ничего;
- б) Прерываете беседу и сразу же начинаете рассказывать о своих успехах в этом хобби;
- в) Подходите поближе к группе и при удобном случае вступаете в разговор;
- г) Подходите поближе и ожидаете, когда собеседники обратят на Вас внимание;
- д) Прерываете беседу и тотчас начинаете говорить о том, как сильно Вам нравится это хобби.

19. Вы занимаетесь своим хобби, а кто-либо спрашивает: «Что Вы делаете?» Обычно Вы:

- а) Говорите: «О, это пустяк». Или: «Да ничего особенного»;
- б) Говорите: «Не мешайте, разве Вы не видите, что я занят?»;
- в) Продолжаете молча работать;
- г) Говорите: «Это совсем Вас не касается»;
- д) Прекращаете работу и объясняете, что именно Вы делаете.

20. Вы видите споткнувшегося и падающего человека. В таких случаях Вы:

- а) Рассмеявшись, говорите: «Почему Вы не смотрите под ноги?»;
- б) Говорите: «У Вас все в порядке? Может быть я что-либо могу для Вас сделать?»;
- в) Спрашиваете: «Что случилось?»;
- г) Говорите: «Это все колдобины в тротуаре»;
- д) Никак не реагируете на это событие.

21. Вы стукнулись головой о полку и набили шишку. Кто-либо говорит: «С Вами все в порядке?» Обычно Вы:

- а) Говорите: «Я прекрасно себя чувствую. Оставьте меня в покое!»;
- б) Ничего не говорите, игнорируя этого человека;
- в) Говорите: «Почему Вы не занимаетесь своим делом?»;
- г) Говорите: «Нет, я ушиб свою голову, спасибо за внимание ко мне»;
- д) Говорите: «Пустяки, у меня все будет о'кей».

22. Вы допустили ошибку, но вина за нее возложена на кого-либо другого. Обычно в таких случаях Вы:

- а) Не говорите ничего;
- б) Говорите: «Это их ошибка!»;
- в) Говорите: «Эту ошибку допустил Я»;
- г) Говорите: «Я не думаю, что это сделал этот человек»;
- д) Говорите: «Это их горькая доля».

23. Вы чувствуете себя оскорбленным словами, сказанными кем-либо в Ваш адрес. В таких случаях Вы обычно:

- а) Уходите прочь от этого человека, не сказав ему, что он расстроил Вас;
- б) Заявляете этому человеку, чтобы он не смел больше этого делать;
- в) Ничего не говорите этому человеку, хотя чувствуете себя обиженным;
- г) В свою очередь оскорбляете этого человека, называя его по имени;
- д) Заявляете этому человеку, что Вам не нравится то, что он сказал, и что он не должен этого делать снова.

24. Кто-либо часто перебивает, когда Вы говорите. Обычно в таких случаях Вы:

- а) Говорите: «Извините, но я хотел бы закончить то, о чем рассказывал»;
- б) Говорите: «Так не делают. Могу я продолжить свой рассказ?»;
- в) Прерываете этого человека, возобновляя свой рассказ;
- г) Ничего не говорите, позволяя другому человеку продолжать свою речь;
- д) Говорите: «Замолчите! Вы меня перебили!»

25. Кто-либо просит Вас сделать что-либо, что помешало бы Вам осуществить свои планы. В этих условиях Вы обычно:

- а) Говорите: «Я действительно имел другие планы, но я сделаю то, что Вы хотите»;
- б) Говорите: «Ни в коем случае! Поищите кого-нибудь еще»;
- в) Говорите: «Хорошо, я сделаю то, что Вы хотите»;
- г) Говорите: «Отойдите, оставьте меня в покое»;
- д) Говорите: «Я уже приступил к осуществлению других планов. Может быть, ~~когданибудь~~ потом».

26. Вы видите кого-либо, с кем хотели бы встретиться и познакомиться. В этой ситуации Вы обычно:

- а) Радостно окликаете этого человека и идете ему навстречу;
- б) Подходите к этому человеку, представляетесь и начинаете с ним разговор;
- в) Подходите к этому человеку и ждете, когда он заговорит с Вами;
- г) Подходите к этому человеку и начинаете рассказывать о крупных делах, совершенных Вами;
- д) Ничего не говорите этому человеку.

27. Кто-либо, кого Вы раньше не встречали, останавливается и окликает Вас возгласом «Привет!» В таких случаях Вы обычно:

- а) Говорите: «Что Вам угодно?»;
- б) Не говорите ничего;
- в) Говорите: «Оставьте меня в покое»;
- г) Произносите в ответ «Привет!», представляетесь и просите этого человека представиться в свою очередь;
- д) Киваете головой, произносите «Привет!» и проходите мимо.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Сводные данные макропараметров коммуникативного поведения студенческой молодежи в большой группе в социальной сети ВКонтакте.

Ко-во посто в в недел ю	Количес тво коммента риев общее в месяц	Среднее кол-во комментар иев на пост	Кол-во репост ов общее в месяц	Средн ее кол-во репост ов на пост	Кол- во лайко в месяц	Средн ее кол-во лайко в на пост	Кол-во просмо тров на пост	Среднее кол-во просмотр ов на пост	Ответы на коммента рии
МЕСЯЦ с 01.04.2023 по 30.04.2023									
13 п.	116	9	2147	165	2523	194	292100	22469	225
Месяц с 01.05.2023 по 01.06.2023									
7 п.	70	10	1169	167	1024	146	148100	21157	66
Месяц с 01.06.2023 по 30.06.2023									
14 п.	76	5	728	52	1290	92	201500	14393	71
Месяц с 01.07.2023 по 31.07.2023									
15 п.	84	6	885	59	1088	73	218000	14533	259
Месяц с 01.08.23 по 31.08.23									
5 п.	15	3	419	84	231	46	88800	17760	21
Месяц с 01.09.23 по 30.09.23									
9 п.	51	6	725	81	1765	196	161000	17889	54
Месяц с 01.10.2023 по 31.10.2023									
6 п.	42	7	228	38	845	141	120100	20017	59
Месяц с 01.11.23 по 30.11.2023									
1 п.	0	0	58	58	299	299	22700	22700	0
Месяц с 01.12.23 по 31.12.2023									
2 п.	15	8	81	41	169	85	40800	20400	14
Месяц с 01.01.2024 по 31.01.2024									
4 п.	24	6	119	30	248	62	51800	12950	32
Месяц с 01.02.2024 по 29.02.2024									
5 п.	51	10	93	19	676	135	56200	11240	37
Месяц с 01.03.2024 по 31.03.2024									
17 п.	119	7	815	48	2224	131	185400	10906	150
ИТОГО									
98 п.	663		7467	-	1600	-	158650 0	-	988

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Результаты корреляционного анализа вербальных средств коммуникации (части речи и речевые единицы) в деструктивных речевых сообщениях

Variable		Существительные	Глаголы	Прилагательные	Наречия	Местоимения	Междометия как части речи	Прочее	Общечная лексика	Общечные междометия
1. Существительные	Spearman's rho p-value	— —								
2. Глаголы	Spearman's rho p-value	0.086 < .001	— —							
3. Прилагательные	Spearman's rho p-value	0.100 < .001	-0.036 0.010	— —						
4. Наречия	Spearman's rho p-value	-0.082 < .001	0.208 < .001	-0.011 0.426	— —					
5. Местоимения	Spearman's rho p-value	0.174 < .001	0.276 < .001	0.095 < .001	0.131 < .001	— —				
6. Междометия как части речи	Spearman's rho p-value	-0.141 < .001	-0.129 < .001	-0.054 < .001	-0.081 < .001	-0.068 < .001	— —			
7. Прочее	Spearman's rho p-value	0.276 < .001	0.258 < .001	0.078 < .001	0.099 < .001	0.345 < .001	-0.069 < .001	— —		
8. Общечная лексика	Spearman's rho p-value	0.043 0.002	0.066 < .001	0.005 0.745	0.119 < .001	0.034 0.015	0.298 < .001	-0.094 < .001	— —	
9. Общечные междометия	Spearman's rho p-value	-0.070 < .001	-0.089 < .001	-0.034 0.017	-0.076 < .001	-0.040 0.004	0.641 < .001	-0.037 0.009	0.452 < .001	— —
10. Нормативные междометия	Spearman's rho p-value	-0.122 < .001	-0.087 < .001	-0.026 0.062	-0.042 0.003	-0.061 < .001	0.547 < .001	-0.014 0.329	-0.033 0.020	0.048 < .001
11. Сленг	Spearman's rho p-value	0.159 < .001	0.131 < .001	-0.003 0.833	0.044 0.002	0.036 0.010	0.005 0.724	0.063 < .001	-0.054 < .001	-0.003 0.845
12. Заимствования	Spearman's rho p-value	0.106 < .001	0.053 < .001	-0.017 0.235	0.029 0.038	0.020 0.154	5.073×10 ⁻⁴ 0.971	0.032 0.022	-0.016 0.248	-0.011 0.441
13. Сокращения	Spearman's rho p-value	0.113 < .001	0.047 < .001	0.028 0.049	0.019 0.185	0.050 < .001	-0.026 0.067	0.111 < .001	-0.029 0.040	-0.010 0.477
14. Оскорбления	Spearman's rho p-value	0.402 < .001	-0.120 < .001	0.263 < .001	-0.114 < .001	0.042 0.003	-0.110 < .001	-0.037 0.010	0.166 < .001	-0.075 < .001
15. Невербальные элементы	Spearman's rho p-value	-0.035 0.012	-0.026 0.064	-0.012 0.409	-0.040 0.004	-0.026 0.070	-0.050 < .001	-0.009 0.524	-0.090 < .001	-0.051 < .001
16. Сексуальная агрессия	Spearman's rho p-value	0.100 < .001	0.183 < .001	-0.014 0.323	-0.034 0.017	0.085 < .001	-0.075 < .001	0.028 0.052	-0.036 0.010	-0.060 < .001
17. Физическая агрессия	Spearman's rho p-value	0.082 < .001	0.198 < .001	0.018 0.212	0.003 0.852	0.083 < .001	-0.056 < .001	0.035 0.015	0.017 0.233	-0.045 0.001
Variable		Нормативные междометия	Сленг	Заимствования	Сокращения	Оскорбления	Невербальные элементы	Сексуальная агрессия	Физическая агрессия	
1. Существительные	Spearman's rho p-value									
2. Глаголы	Spearman's rho p-value									
3. Прилагательные	Spearman's rho p-value									
4. Наречия	Spearman's rho p-value									
5. Местоимения	Spearman's rho p-value									
6. Междометия как части речи	Spearman's rho p-value									
7. Прочее	Spearman's rho p-value									
8. Общечная лексика	Spearman's rho p-value									
9. Общечные междометия	Spearman's rho p-value									
10. Нормативные междометия	Spearman's rho p-value	— —								
11. Сленг	Spearman's rho p-value	-0.010 0.483	— —							
12. Заимствования	Spearman's rho p-value	0.008 0.549	0.256 < .001	— —						
13. Сокращения	Spearman's rho p-value	-0.007 0.610	0.160 < .001	0.058 < .001	— —					
14. Оскорбления	Spearman's rho p-value	-0.066 < .001	-0.006 0.670	-0.019 0.185	-0.046 0.001	— —				
15. Невербальные элементы	Spearman's rho p-value	-0.023 0.097	-0.017 0.242	-0.013 0.373	-0.006 0.676	-0.052 < .001	— —			
16. Сексуальная агрессия	Spearman's rho p-value	-0.053 < .001	-0.004 0.773	0.012 0.409	-0.024 0.088	-0.025 0.072	-0.023 0.101	— —		
17. Физическая агрессия	Spearman's rho p-value	-0.035 0.014	0.007 0.610	0.029 0.043	0.008 0.566	-0.042 0.003	-0.019 0.171	-0.020 0.147	— —	

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Показатели логистического регрессионного анализа вербальных средств коммуникации (части речи и речевые единицы) в деструктивных речевых сообщениях

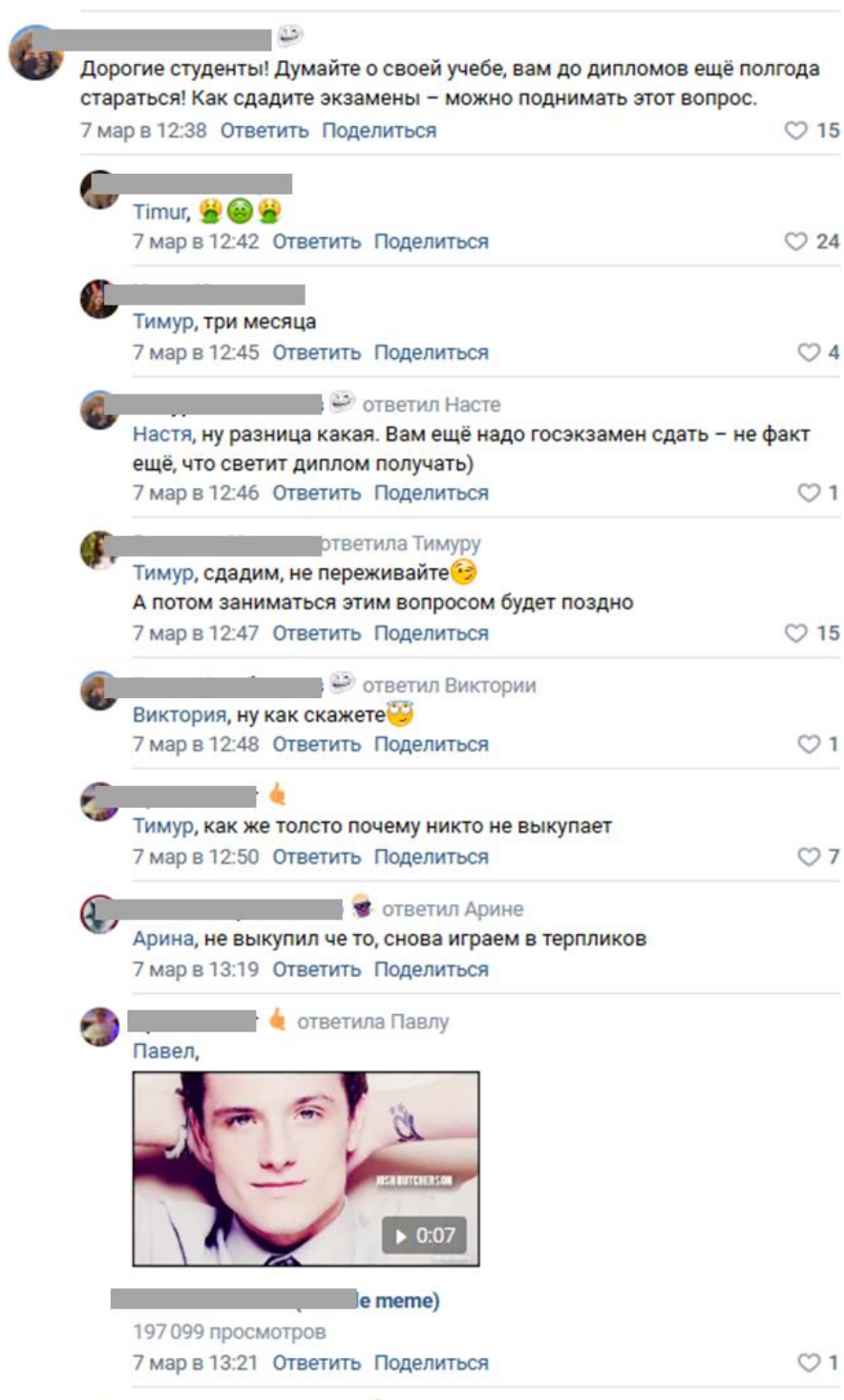
Coefficients

Model		Estimate	Standard Error	Odds Ratio	z	Wald Test		
						Wald Statistic	df	p
M ₀	(Intercept)	-0.003	0.020	0.997	-0.140	0.020	1	0.889
M ₁	(Intercept)	-0.662	0.043	0.516	-15.394	236.981	1	< .001
	NOUN	-0.308	0.034	0.735	-8.966	80.383	1	< .001
	VERB	0.070	0.037	1.073	1.901	3.613	1	0.057
	ADJ	-0.260	0.070	0.771	-3.682	13.559	1	< .001
	ADV	-0.012	0.047	0.988	-0.259	0.067	1	0.795
	PRON	0.007	0.040	1.007	0.163	0.027	1	0.870
	INTERJ	-0.464	0.098	0.629	-4.750	22.563	1	< .001
	OTHER	-0.037	0.024	0.964	-1.533	2.351	1	0.125
	Ол	2.384	0.082	10.851	28.978	839.700	1	< .001
	ОлМ	0.275	0.144	1.317	1.915	3.668	1	0.055
	Мж	0.613	0.109	1.846	5.610	31.470	1	< .001
	Сл	0.404	0.073	1.498	5.554	30.844	1	< .001
	Заим	-0.613	0.143	0.542	-4.273	18.259	1	< .001
	Сокр	-0.610	0.095	0.544	-6.410	41.090	1	< .001
	Оскр	4.079	0.194	59.089	21.040	442.673	1	< .001
	НеВ	0.009	0.023	1.009	0.398	0.159	1	0.690
	Са	2.040	0.152	7.688	13.440	180.636	1	< .001
	Фа	4.405	0.469	81.848	9.382	88.031	1	< .001

Note. Деструктивность level '1' coded as class 1.

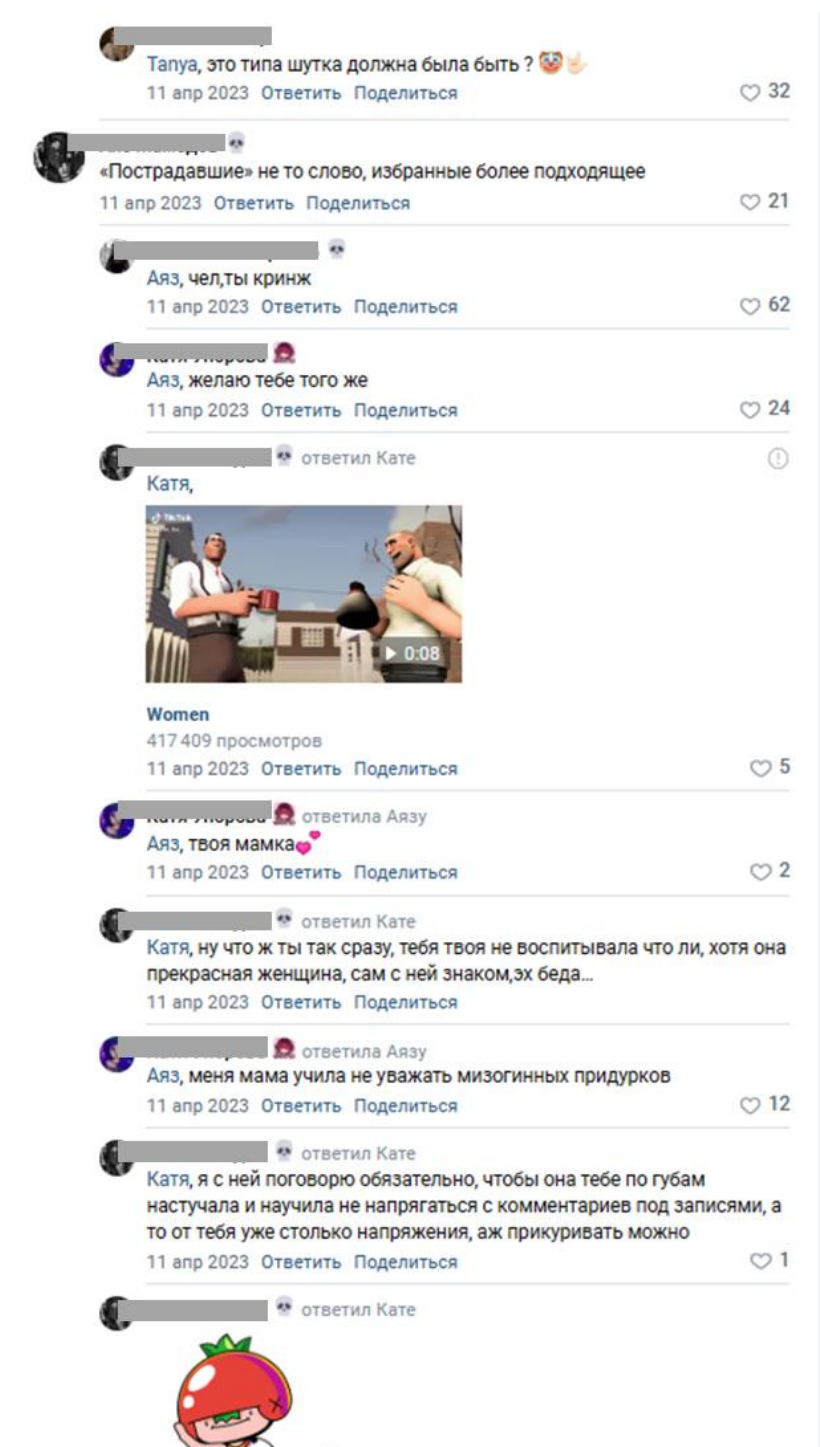
ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Пример скриншота комментариев и ответов на комментарии в социальной сети ВКонтакте

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

Пример скриншота комментариев и ответов на комментарии в социальной сети ВКонтакте

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Пример скриншота анализируемого чата в мессенджере Telegram

